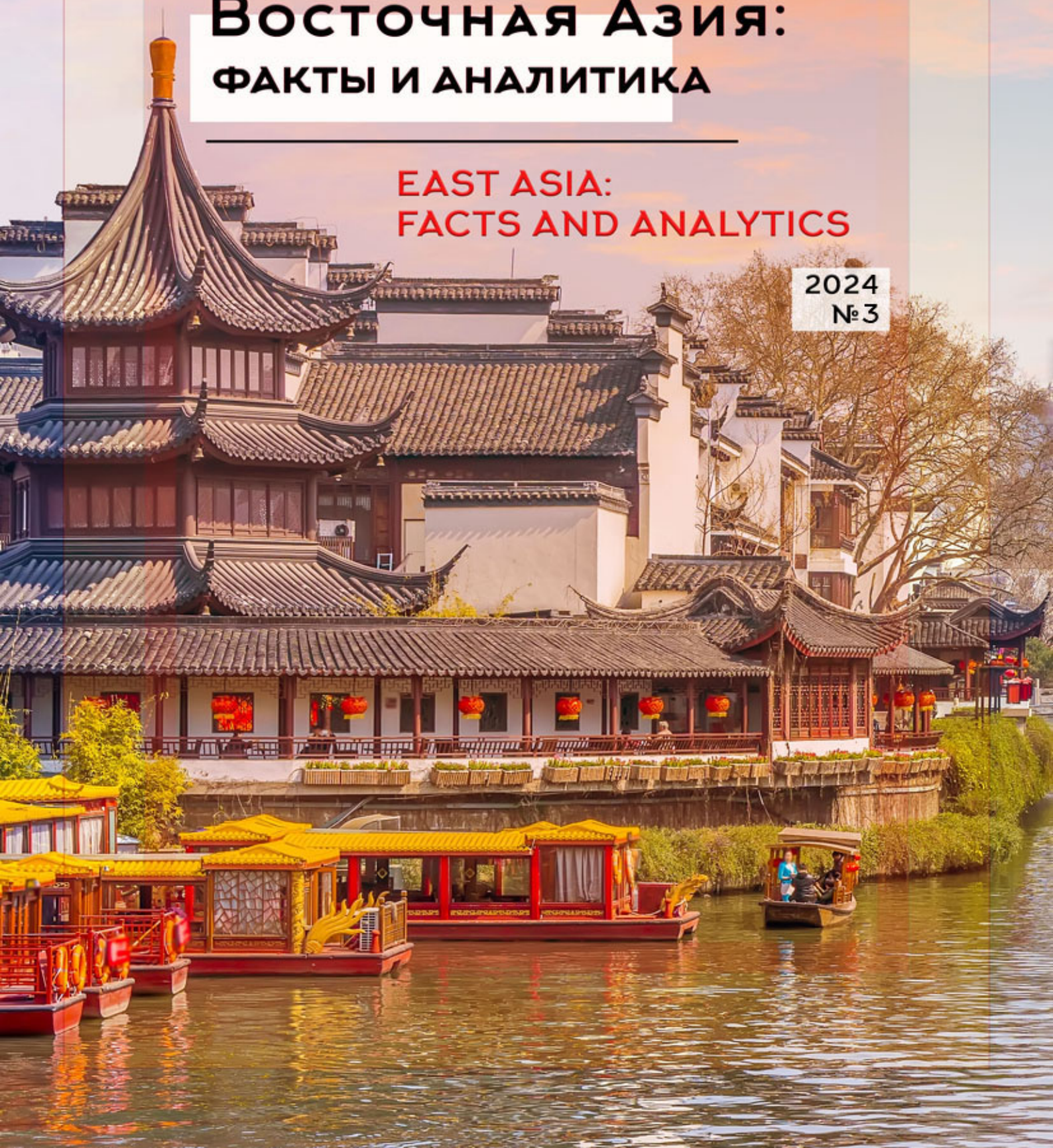

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2024
№3

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Китая и современной Азии РАН.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК), Научную электронную библиотеку eLibrary.ru, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Отв. секретарь: Казаков О.И. (Россия).

Редакционная коллегия: Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Лузянин С.Г., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мещеряков А.Н., д.и.н. (Россия); Михалёв А.В., д.полит.н (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Островский А.В., д.э.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Песцов С.К., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Такэда Масанао, проф. (Япония); Тэ Хван, проф. (Республика Корея).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.филол.н. (*председатель*) (Россия); Бородич В.Ф., к.ю.н. (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Заклязьминская Е.О., к.э.н. (Россия); Кобелев Е.В., к.и.н. (Россия); Мищенко Я.В., к.э.н. (Россия); Нгуен Данг Фат, к.э.н. (Вьетнам); Сафронова Е.И., к.э.н. (Россия); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия).

Редакция: Кириченко М.А., Скворцова Е.М., Суркова Т.И., Цветкова А.А.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым присуждаются учёные степени:

- 5.2.5 Мировая экономика (экономические науки)
- 5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Коды международной классификации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

The electronic scientific information and analytical periodical “East Asia: Facts and Analytics” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in List of Higher Attestation Commission (HAC), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”, Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Executive Secretary: Kazakov Oleg I. (Russia).

Editorial Board: Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Luzyanin Sergey G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N. (Russia), DSc (History); Mikhalev Alexey V. (Russia), DSc (Political Science); Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Pestsov Sergei K. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V.Ya. (Russia), DSc (Economics); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Takeda Masanao (Japan), professor; Yokote Shinji (Japan), professor; Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science).

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (Head of the Editorial Council); Borodich Vladimir F. (Russia), PhD (Law); Kobelev Evgeni V. (Russia), PhD (History); Mishchenko Yana V. (Russia), PhD (Economics); Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Vu Khoan (Vietnam); Zakliazminskaja Ekaterina O. (Russia), PhD (Economics); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Kirichenko Maria A., Skvortsova Elizaveta M., Surkova Tatiana I., Tsvetkova Anna A.

Scientific specialties and corresponding branches
of science for which academic degrees are awarded
(in the Russian Federation):

- 5.2.5 World economy (economic sciences)
- 5.5.4 International relations, global and regional studies (political sciences)
- 5.6.7 History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Fields of Science and Technology
of the Organisation for Economic
Co-operation and Development (OECD):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

СОДЕРЖАНИЕ

Козлова Д.Н.	Установление отношений Республики Корея и Кубы и перспективы развития сотрудничества.....	6
Сафронова Е.И.	Китай – Глобальный Юг: актуальная эволюция отношений.....	18
Романчев Д.Д.	Ружья для самураев: распространение и применение западного стрелкового вооружения в Японии периода Бакумацу (1853–1868).....	31
Сюй Бо, У Хао	Размышления Си Цзиньпина о дипломатии и китайско-российских отношениях в контексте крупных изменений в международном порядке <i>(на англ.)</i>	50
Александрова М.В., Мустафаева Э.Д.	Становление КНР как крупнейшей судостроительной державы мира (1949–2019 гг.).....	65
Захарова Л.В.	Милитаризация экономики КНДР и её специфика на современном этапе.....	80
Шах Мехмуд В., Мухаммад Усман А., Сидра С.	Влияние искусственного интеллекта на ключевые факторы, определяющие успех проектов в секторе здравоохранения Китая <i>(на англ.)</i>	92

Очерки

Александрова А.Д.	Концепция выбора названия компании в Xiaomi Corporation	116
--------------------------	---	-----

Книжная полка

Завидовская Е.А.	Культурные связи СССР и Китая в 1949–1960 гг. Сборник архивных документов	127
-------------------------	--	-----

CONTENTS

Kozlova D.N.

The establishment of relations between the Republic of Korea and Cuba
and prospects for the development of cooperation..... 6

Safronova E.I.

China – Global South: the current evolution of relations 18

Romanchev D.D.

Guns for the Samurai: spreading and use of Western Small Arms
in Japan during the Bakumatsu Period (1853–1868)..... 31

Xu Bo, Wu Hao

Xi Jinping Thought on Diplomacy and China-Russia relations
in the context of major changes in the international order..... 50

Alexandrova M.V., Mustafaeva E.Dzh.

The emergence of the PRC as the largest shipbuilding power in the world
(1949–2019)..... 65

Zakharova L.V.

Militarization of the DPRK's economy and its specifics at the present stage 80

Shah Mehmood W., Muhammad Usman A., Sidra S.

The influence of artificial intelligence on the key factors that determine the success
of projects in China's health sector..... 92

Essays

Aleksandrova A.D.

The concept of choosing a Xiaomi Corporation's company name..... 116

Book Reviews

Zavidovskaya E.A.

Cultural ties of the USSR and China in 1949–1960. The collection
of the archival documents 127

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-6-17

Установление отношений Республики Корея и Кубы и перспективы развития сотрудничества

Козлова Дарья Николаевна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В данной статье предпринята попытка обзора перспектив развития сотрудничества Республики Корея и Кубы после установления официальных дипломатических связей между двумя государствами. До недавнего времени Куба и Сирия были единственными государствами-членами ООН, с которыми у Южной Кореи не было официальных отношений. Но в начале 2024 г. произошёл прорыв в дипломатии Сеула, и после многолетних переговоров удалось установить отношения между Сеулом и Гаваной. В связи с тем, что Куба является традиционным и одним из наиболее близких внешнеполитических партнёров КНДР, это событие приобрело особое звучание в контексте межкорейских связей. И в Южной Корее, как в СМИ, так и в академических и политических кругах, оно было преподнесено как политический и дипломатический «удар» по Пхеньяну. Почему Куба пошла на установление отношений с Южной Кореей именно сейчас? Какой стала реакция КНДР на этот шаг? Может ли установление дипломатических связей Кубы и Южной Кореи усилить напряжённость на Корейском полуострове? И каковы дальнейшие перспективы взаимодействия Сеула и Гаваны?

Ключевые слова: Куба, КНДР, Республика Корея, Корейский полуостров, дипломатические отношения.

Автор: Козлова Дарья Николаевна, аспирант Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0008-1768-0790. E-mail: dn.kozlova@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Козлова Д.Н. Установление отношений Республики Корея и Кубы и перспективы развития сотрудничества // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 6–17. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-6-17

The establishment of relations between the Republic of Korea and Cuba and prospects for the development of cooperation

Kozlova Daria N.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. This article attempts to review the relations between the Republic of Korea and Cuba at the present stage, after the establishment of official diplomatic ties between the two countries. Until recently, Cuba and Syria were the only UN member states with which South Korea did not have formal relations. But in early 2024, a breakthrough occurred in Seoul's diplomacy, and after years of negotiations, relations between Seoul and Havana were established. Due to the fact that Cuba is traditional and one of the closest foreign policy partners of the DPRK, this event acquired a special meaning in the context of inter-Korean relations. And in South Korea, both in the media and in academic and political circles, it was presented as a political and diplomatic “blow” to North Korea. Why did Cuba decide to establish relations with South Korea right now? What was DPRK's reaction to this step? Could the establishment of relations between Cuba and South Korea increase tensions on the Korean Peninsula? And what are the prospects for the future relations between Seoul and Havana?

Keywords: Cuba, North Korea, Republic of Korea, the Korean Peninsula, diplomatic relations.

Author: Kozlova Daria N., Postgraduate student of the Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 117997, Moscow, Nakhimovskiy Prospekt, 32). ORCID: 0009-0008-1768-0790. E-mail: dn.kozlova@gmail.com

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kozlova D.N. Ustanovleniye otnosheniy Respubliki Koreya i Kuby i perspektivy razvitiya sotrudnichestva [The establishment of relations between the Republic of Korea and Cuba and prospects for the development of cooperation]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 6–17. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-6-17

Установление отношений Республики Корея и Кубы

14 февраля 2024 г. представители Сеула и Гаваны обменялись дипломатическими нотами в Нью-Йорке и официально установили дипломатические отношения между Республикой Корея (далее – РК) и Кубой¹. Инициатором возобновления связей между странами после 65-летнего перерыва был Сеул. Об этом не было заявлено официально, однако данный факт подтверждается как самой логикой политики РК, так и утечками заявлений отдельных южнокорейских чиновников, опубликованными в СМИ «на условиях анонимности». Было заявлено, в частности, что Куба изначально «колебалась» именно из-за своих отношений с КНДР².

¹ Единственным государством-членом ООН, с которым у РК до сих пор нет дипотношений, остаётся Сирия. В Дамаске в 2009 г. после нескольких лет непростых переговоров было открыто представительство КОТРА, взят курс на наращивание товарооборота, но эти усилия были фактически сведены на нет с присоединением РК к антииригловской коалиции под эгидой США в годы гражданской войны в Сирии.

² 한반도 브리핑] '쿠바, 너마저,' 한국과 전격 수교...북한, 일본에 뜬금없이 손짓 // 연합뉴스 [Брифинг по Корейскому полуострову. «Даже Куба» внезапно устанавливает дипломатические отношения с Кореей... Северная Корея неожиданно делает жест в сторону Японии]. 17.02.2024. URL: <https://v.daum.net/v/20240217185907763> (дата обращения: 15.03.2024). (На кор.)

Куба – один из основных внешнеполитических партнёров КНДР и одно из немногих государств, которое имеет официальное дипломатическое представительство в Пхеньяне. Отношения между двумя государствами были установлены в 1960 г. и пережили холодную войну и распад социалистического лагеря. Более того, в начальный период КНДР даже претендовала на роль старшего партнёра как в экономических и научно-технических, так и в политических отношениях, о чём свидетельствуют рассекреченные архивы посольства СССР в Пхеньяне [Матвеева 2023]. В 2016 г., когда умер Фидель Кастро (в северокорейских СМИ с подачи лидера КНДР его называли «товарищем по оружию»), в Пхеньяне был объявлен трёхдневный траур. Северную Корею неоднократно посещали представители кубинского руководства, в том числе Че Гевара и Фидель Кастро. Последний визит на высшем уровне состоялся в 2018 г. В Пхеньян приехал председатель Национального совета Кубы Мигель Диас-Канель. Тогда же состоялись первые с 1986 г. переговоры на высшем уровне.

Даже в период нормализации отношений с США во время президентства Барака Обамы Куба не пошла на охлаждение отношений с КНДР, несмотря на давление со стороны Вашингтона и неоднократные заявления американских дипломатов о том, что Гавана якобы нарушает международные санкции в отношении КНДР. Также были сообщения, что в 2016 г. Куба и КНДР разработали систему бартерной торговли, которая помогала им развивать сотрудничество в условиях международных санкций и не истощать валютные резервы стран³. Совпадают позиции двух стран и на дипломатической арене по ключевым современным международным проблемам. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует статистика голосования представителей КНДР и Кубы по резолюциям ООН: позиции сторон совпадают в 90–92 % случаев [Поленова 2022: 56].

Отношения же Кубы с Южной Кореей после их разрыва в 1959 г. (после кубинской революции) практически отсутствовали. Но в последние два-три десятилетия южнокорейская сторона систематически инициировала попытки восстановить связи. Так, возобновить отношения в 2000 г. предложила администрация Ким Дэ Чжуна (безрезультатно). Администрация уже Ли Мен Бака предлагала в 2008 г. открыть хотя бы консульства, но и тут всё закончилось без прорывов⁴. Первым успехом, хотя и в экономической сфере, стало открытие торгового представительства КОТРА в Гаване в 2005 г. В 2013 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между КОТРА, с одной стороны, и Кубинским центром поддержки экспорта (СЕРЕС), Центром содействия инвестициям (СРІ) и Торгово-промышленной палатой Кубы, с другой. Однако объёмы торговли и инвестиций были и остаются минимальными. По итогам 2022 г. экспорт РК на Кубу составил \$ 14 млн, импорт кубинской продукции в РК и того меньше – \$ 7 млн⁵. Говорить о существовании какой-либо диаспоры также не приходится. В настоящий момент на Кубе проживают всего 40 граждан РК,

³ Ramani Samuel. The North Korea-Cuba connection. Havana's continued cooperation with Pyongyang is an alarming blow to the normalization process. *The Diplomat*, Jun 7, 2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/06/the-north-korea-cuba-connection/> (accessed: 19.03.2024).

⁴ 장예지. 한국, '북한 형제국' 쿠바와 수교...20 여년 노력 결실 //한겨레 [Чан Е Чжи. Южная Корея устанавливает дипломатические отношения с «братской страной Северной Кореи» Кубой... 20-летние усилия принесли плоды. *Хангёре*]. 14.02.2024. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/politics/diplomacy/1128404.html> (дата обращения: 19.03.2024). (На кор.)

⁵ Данные МИД РК. URL: https://www.mofa.go.kr/www/nation/m_3458/view.do?seq=72 (дата обращения: 19.03.2024). (На кор.)

по официальным данным МИД РК⁶, или 200–300 человек по данным, тиражируемым в СМИ⁷. Также известно, что в настоящее время на Кубе проживают около 1100 потомков корейцев. Это люди, иммигрировавшие из Мексики (куда они приехали в 1905 г. сразу после установления японского протектората) на Кубу в 1921 г. во время японского колониального периода и получившие позже кубинское гражданство⁸. На Кубе их стали называть «анникин» (anniquin) из-за работы на фермах «хенекен» (henequen) на полуострове Юкатан. Именно этот незначительный эпизод вековой давности даёт право уже современным южнокорейским исследователям отсчитывать историю отношений Южной Кореи и Кубы не с момента формального установления в 1949 г., а с 1921 г. [Jung Giwoong 2023].

Таким образом, при налаживании дипломатических связей с Гаваной Сеулу было практически не на что и не на кого опираться. Но для РК этот вопрос стал принципиальным, причём не только для консерваторов, но и для демократов. Первые переговоры на уровне глав МИД между РК и Кубой состоялись в 2016 г., когда с визитом на Кубу приехал министр иностранных дел РК Юн Бён Се. На этой встрече вновь был поднят вопрос установления дипотношений. Решений в дипломатической сфере по итогам поездки принято не было, но работа началась. И в этом же году были подписаны Меморандум о сотрудничестве между Министерством стратегии и финансов Кубы и Министерством торговли и инвестиций KSP и Меморандум о взаимопонимании между Корейской ассоциацией импортёров и Кубой. Затем в 2018 г. последовал ещё один визит главы МИД РК (уже Кан Гён Хва), оставшийся без подписаний на официальном уровне⁹.

Активная работа на протяжении многих лет проводилась в Южной Корее и на экспертном и научном уровне. В 2015 г. Корейский институт международной экономической политики (КИЕР) выпустил обширное исследование, подготовленное коллективом авторов и посвящённое методам и возможным стратегиям, которые можно применить для налаживания отношений с Кубой. В частности, рассматривались такие варианты, как оказывание влияния на кубинских политических лидеров с помощью «сильных стимулов» и посредничество третьей страны из числа латиноамериканских государств, с которыми у Кубы установились хорошие отношения. В качестве возможных сфер для начала развития контактов предлагались культурные обмены и сотрудничество в сфере климата и окружающей среды. А для подготовки населения Кубы к активизации контактов и создания положительного имиджа Южной Кореи рекомендовалось, как и в других странах, использовать современную корейскую культуру, в частности «халлю» (корейскую волну) [Searching Cooperation Methods... 2015].

⁶ Данные МИД РК...

⁷ 한반도 브리핑] '쿠바, 너마저,' 한국과 전격 수교...북한, 일본에 뜬금없이 손짓 // 연합뉴스 [Брифинг по Корейскому полуострову. «Даже Куба» внезапно устанавливает дипломатические отношения с Кореей... Северная Корея неожиданно делает жест в сторону Японии]. 17.02.2024. URL: <https://v.daum.net/v/20240217185907763> (дата обращения: 19.03.2024). (На кор.)

⁸ 한-쿠바 수교. [Установление отношений РК и Кубы]. *Официальный сайт МИД РК*, 14.02.2024. URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4080/view.do?seq=374640 (дата обращения: 15.03.2024). (На кор.)

⁹ Данные МИД РК. URL: https://www.mofa.go.kr/www/nation/m_3458/view.do?seq=72 (дата обращения: 19.03.2024). (На кор.)

Возможные мотивы Гаваны

Почему Куба пошла на установление отношений в 2024 г.? Возможно, свою роль сыграли подвижки в экономической политике Гаваны, усугубившиеся после пандемии COVID проблемы в экономике и те «бонусы», которые могли предложить южнокорейские переговорщики. Руководство Кубы взяло курс на постепенные реформы и большую открытость, сосредоточив внимание на решении экономических проблем (что, кстати, ещё до установления отношений неоднократно отмечалось в документах южнокорейского МИД¹⁰).

В ответ на экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, правительство Кубы приняло новые экономические и социальные меры, такие как разрешение на приватизацию средств производства, собственного бизнеса и частной собственности. Также было официально разрешено создание субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) и предоставление лицензий на импорт и экспорт [Sin Beom Cheol 2021]. С 1 января 2021 г. на Кубе стартовала масштабная денежная реформа, призванная устранить двойную валютную систему и привязать национальную валюту к единому курсу. Это привело к резкому скачку уровня инфляции, который вырос с 4,2 % до 77,3 % в период с декабря 2020 г. по декабрь 2021 г. По данным на декабрь 2023 г., он превышает 31 %¹¹. В конце 2023 г. в рамках борьбы с бюджетным дефицитом премьер Кубы Мануэль Марреро предложил Национальному собранию план макроэкономической стабилизации, который подразумевает в том числе повышение цен на топливо и основные услуги и сокращение субсидий (в частности, отказ от субсидирования основных продуктов питания, таких как рис и сахар)¹². В таких условиях Куба нуждалась бы во внешних инвестициях, что и могли предложить представители РК. Известный кореевед А.З. Жебин не исключает, что в ходе переговоров РК могла пообещать «содействовать развитию инфраструктуры в странах Центральной Америки, чтобы тем самым повысить там занятость и уменьшить приток беженцев в США». И в эту программу, по мнению А.З. Жебина, как раз могут включить Кубу¹³. Также в числе факторов, побудивших Гавану пойти на установление отношений с РК, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИКСА РАН К.В. Асмолов отмечает грядущие выборы в США, где хорошие шансы на победу имеет Дональд Трамп. Именно в предыдущий президентский срок Трампа Куба была объявлена «государством-спонсором терроризма», что усугубило проблемы, стоящие перед ней. Поэтому вполне вероятно, что Куба ищет союзников в ожидании возможного ужесточения курса США¹⁴.

¹⁰ 2023 년도 쿠바 경제 전망 // 외교부 [Прогноз ситуации на Кубе в 2023 г. МИД РК]. URL: https://overseas.mofa.go.kr/mx-ko/brd/m_20176/view.do?seq=1319226&page=1 (дата обращения: 19.03.2024). (На кор.)

¹¹ Данные Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/cuba/inflation-cpi> (дата обращения: 20.03.2024).

¹² Matos O., Sesin G. Cubans brace for more hardship after the government announces tough economic measures. *NBC News*, Dec 22, 2023. URL: <https://www.nbcnews.com/news/latino/cuba-announces-tough-economic-measures-cubans-brace-hardship-rcna130861> (accessed: 19.03.2024).

¹³ Цит. по: Костина А. Остров выгоды: Куба возобновляет отношения с «главным врагом» КНДР. *Известия*, 15.02.2024. URL: <https://iz.ru/1650921/anastasiia-kostina/ostrov-vygoty-kuba-vozobnovliaet-otnosheniia-s-glavnyum-vragom-kndr> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁴ Асмолов К.В. Куба и Южная Корея установили дипломатические отношения. *Новое восточное обозрение*, 05.03.2024. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/03/05/kuba-i-yuzhnaya-koreya-vosstanovili-diplomaticheskie-otnosheniya/> (дата обращения: 19.03.2024).

Перспективы экономических отношений РК и Кубы

Необходимо учитывать, что возможности РК по сотрудничеству с Кубой сильно ограничены по той же причине американских санкций и зависят во многом от воли Белого дома. В мае 2022 г. администрация Байдена объявила о ряде мер в отношении Кубы, включая смягчение некоторых ограничений на поездки и денежные переводы, но существенных изменений, таких как снятие статуса «государства-спонсора терроризма», не произошло¹⁵. В канцелярии президента Южной Кореи также подтвердили, что прямая торговля с Кубой ограничена из-за американских санкций¹⁶. Поэтому торговля и финансовые операции с Кубой (в случае их значительного роста) будут проходить, скорее всего, через третьи страны (например Панаму).

Возникает вопрос, какие именно сферы остаются открыты для сотрудничества. В южнокорейском МИД заявили, что установление дипотношений между странами создаст «институциональную основу для расширения экономического сотрудничества между двумя странами и поддержки развития корейских компаний». Также было указано, что администрация президента РК окажет содействие южнокорейскому бизнесу в выходе на кубинский рынок для поставок предметов первой необходимости, потребительских товаров, электроники и бытовой техники. Если говорить о статьях импорта в РК, то здесь чаще всего называют продукты питания (морепродукты), а также ром и сигары. Основное же внимание стороны сосредоточат на развитии отношений в неполитических областях, таких как культура, обмена и сотрудничество в целях развития¹⁷. Чуть позже к этим сферам в канцелярии южнокорейского президента добавили спорт и дела ветеранов¹⁸. К этому списку можно отнести и развитие туризма из РК на Кубу.

Менее вероятное, но активно обсуждаемое сейчас в южнокорейских СМИ направление сотрудничества – это добыча полезных ископаемых. Куба находится на 5-м месте в мире по производству никеля и на 4-м – по запасам кобальта. Это ключевые материалы, необходимые для производства аккумуляторов¹⁹. Но эти возможности добычи откроются лишь в случае, если американские санкции будут сняты или существенно ослаблены. Аналогичная ситуация наблюдается и в связи с планируемым выходом южнокорейских энергетических компаний на кубинский рынок для поставок генераторов и строительства электростанций. Пока всё это не более чем прогнозы, оторванные от политических и международных реалий.

¹⁵ США снимают с Кубы часть визовых и финансовых ограничений. *TASS*, 17.05.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14641697> (дата обращения: 15.03.2024).

¹⁶ 대통령실 “쿠바, 니켈·코발트 주요 매장지... 수교로 다양한 협력 기대” //조선일보 [Канцелярия президента: «Куба является крупным месторождением никеля и кобальта... Мы рассчитываем на разнообразное сотрудничество благодаря установлению дипломатических связей»], 20.02.2024. URL: https://www.chosun.com/politics/blue_house/2024/02/18/V5VNBRCPZDXPNMDR6QVKGAKAE/ (дата обращения: 15.03.2024). (На кор.)

¹⁷ 한-쿠바 수교 [Установление отношений РК и Кубы. *Официальный сайт МИД РК*], 14.02.2024. URL: https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4080/view.do?seq=374640 (дата обращения: 19.03.2024). (На кор.)

¹⁸ 대통령실 “쿠바, 니켈·코발트 주요 매장지... 수교로 다양한 협력 기대” //조선일보 [Канцелярия президента: «Куба является крупным месторождением никеля и кобальта... Мы рассчитываем на разнообразное сотрудничество благодаря установлению дипломатических связей»], 20.02.2024. URL: https://www.chosun.com/politics/blue_house/2024/02/18/V5VNBRCPZDXPNMDR6QVKGAKAE/ (дата обращения: 15.03.2024). (На кор.)

¹⁹ Там же.

Куба как фактор межкорейских отношений

Основная ценность Кубы для РК не торговая и экономическая. И разговоры о перспективах экономического сотрудничества в данном контексте играют второстепенную роль. Главная роль Кубы в дипломатической стратегии РК – символическая. Во-первых, в понимании южнокорейских исследователей установление дипотношений с Кубой позволило формально заявить об успешном завершении «Северной политики», направленной на расширение дипломатических связей РК. «Северная политика» началась ещё при администрации Пак Чон Хи в 1973 г. и расцвела при Ро Дэ У, когда Сеул принимал Олимпийские игры, имея отношения со 128 странами. В свете этих соображений нормализация дипломатических отношений с Кубой представляет собой завершение политики, которая существует уже более поколения [Jung Giwoong 2023].

Во-вторых, Гавана стала ещё одной переменной в нарастающем межкорейском противостоянии, а сам факт установления отношений РК и Кубы был преподнесён в РК как «дипломатическое поражение» Пхеньяна и показатель «усиливающейся изоляции» КНДР. В администрации президента Южной Кореи заявили, что это нанесёт «политический и психологический удар» по Северной Корее. Более того, рассматривается сценарий, что якобы Пхеньян теперь будет действовать в отместку и поэтому будет стремиться к проведению саммита с премьером Японии Фумио Кисидой²⁰. Южнокорейские СМИ при этом ссылаются на заявление Ким Ё Чжон, которое было сделано скорее в ответ на более раннюю ремарку Фумио Кисиды (от 9 февраля 2024 г.) и которое, безусловно, следует анализировать как самостоятельное и независимо от кубинского фактора. Это предположение подтверждает и следующее заявление Ким Ё Чжон по вопросу отношений с Японией, опубликованное в ЦТАК уже 26 марта 2024 г. Оно ясно свидетельствует о том, что КНДР не намерена идти ни на какие уступки ради саммита Пхеньян – Токио и не готова к переговорам без предварительных условий: «Наше правительство ... откажется от любых контактов или переговоров с Японией. Встреча на высшем уровне КНДР – Япония нас не интересует»²¹.

Если говорить непосредственно о дипломатическом «ударе» в адрес Пхеньяна со стороны Кубы, то можно вспомнить, что подобные разговоры на Юге уже были, когда ранее с визитами в Гавану приезжали главы МИД РК. И тогда активизация Сеула на кубинском направлении вовсе не привела к охлаждению между Гаваной и Пхеньяном [Поленова 2022: 86].

Несомненно, сам факт установления отношений РК и Кубы стал болезненным для КНДР, однако этого следовало ожидать, и довольно давно. У Кубы, несмотря на действующие санкции, действительно широкие дипломатические связи: официальные отношения установлены со 190 странами мира (в 2024 г. РК стала 191-й). С США договор был подписан ещё в 2015 г., и после этого последовали первые подвижки в сотрудничестве Гаваны и Сеула (в частности, первые переговоры на министерском уровне). Нынешняя же

²⁰ 한국-쿠바 수교하자 북한은 ‘기시다 방북’ 운 띄웠다 //한겨레 [Сразу после установления отношений РК и Кубы Северная Корея громко заявляет о возможности визита Кисиды в КНДР], 16.02.2024. URL: https://www.hani.co.kr/arti/politics/politics_general/1128563.html (дата обращения: 15.03.2023). (На кор.)

²¹ 김여정 조선로동당 중앙위원회 부부장 담화 // 조선중앙통신. 113.3.26 [Заявление Ким Ё Чжон, заместителя председателя ЦК ТПК. ЦТАК, 26.03.2024]. URL: <http://www.kcna.kp/kp/article/q/87172d7d2cbe1ad1bbe19d822707ead4a9c074be3a36db5a41050d558703f9011a4337ed7dd0e618c3e6548a21e125f8.kcmsf> (дата обращения: 30.03.2023). (На кор.)

реакция южнокорейских СМИ и экспертов и тезисы о том, что связи Кубы и РК «усиливают изоляцию Пхеньяна»²², отчасти напоминают вариации на тему ушедшей в прошлое доктрины Хальштейна²³, которая предполагала, что государства могут устанавливать дипломатические отношения лишь с одним из двух государств некогда единой страны. Более того, на данном этапе нет никаких оснований говорить об «усиливающейся» дипломатической изоляции Пхеньяна.

Реакция СМИ КНДР

О неготовности Пхеньяна идти на обострение отношений с Гаваной из-за Сеула говорит и отсутствие какой-либо громкой реакции в государственных СМИ. Пресса Северной Кореи просто проигнорировала новость о восстановлении отношений Сеула и Гаваны. Но определённые изменения в освещении Кубы и кубинских новостей в КНДР всё же произошли, и это заслуживает отдельного внимания.

Южнокорейские журналисты отметили, что государственные СМИ КНДР не упомянули посла Кубы, когда перечисляли гостей, приглашённых на официальный приём по случаю годовщины со дня рождения Ким Чен Ира²⁴. Хотя достоверно известно, что приглашение посол Кубы всё же получил (о чём говорят фотографии посольства России, выложенные в соцсетях²⁵) и участвовал в торжественном мероприятии наравне со всеми другими представителями дипкорпуса в Пхеньяне. Приём проводился в день установления дипотношений Кубы и Республики Корея.

Об охлаждении отношений КНДР и Кубы говорит и полное отсутствие упоминания Кубы в государственных СМИ КНДР в последние месяцы. Так, 2 марта агентство ЦТАК опубликовало длинный список поздравлений от иностранных государств и коммунистических партий в адрес Ким Чен Ына. Куба в этом списке не упоминается²⁶. 25 апреля 2024 г. в день основания Корейской народной армии агентство ЦТАК сделало публикацию о праздничных мероприятиях, проведённых по случаю этой даты в загранучреждениях КНДР. В этой статье также не содержится информации о каких-либо мероприятиях в посольстве страны в Гаване, не упоминаются и поздравления руководства Кубы в адрес КНДР²⁷. Нет новостей из Кубы и в публикациях ЦТАК, посвящённых

²² North Korea's isolation deepens in global community. *The Korea Times*, 19.02.2024. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2024/02/202_369051.html (accessed: 08.01.2024).

²³ Внешнеполитическая доктрина, проводимая правительством ФРГ в 1955–1970 гг. и направленная на изоляцию ГДР на международной арене, предполагала, что ФРГ поддерживала и устанавливала дипломатические отношения только с теми странами, которые не имели дипломатических отношений с ГДР.

²⁴ All eyes on N. Korea's reaction over S. Korea's establishment of diplomatic ties with Cuba. *Yonhap News*, Feb 15, 2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240215002951315?section=news> (accessed: 19.03.2024).

²⁵ Официальный аккаунт посольства РФ в КНДР. URL: <https://vk.com/rusembdprk> (дата обращения: 19.03.2024).

²⁶ 경애하는 김정은동지께 여러 나라에서 축전과 축하편지를 보내여왔다 // 조선중앙통신. 113.3.02 [Многие страны направили поздравительные послания и поздравительные письма нашему любимому товарищу Ким Чен Ыну. ЦТАК, 02.03.2024]. URL: <http://www.kcna.kp/kp/article/q/f3ae0f6d51bc044926fa56ea15051d1418e8a9decf3fef2d68732b2f639fc38f1947eb21f9e7ac157555ce320523fca2.kcmsf> (дата обращения: 01.05.2024). (На кор.)

²⁷ 우리 나라 재외대표부들에서 경축행사 진행 // 조선중앙통신. 113.4.25 [Праздничные мероприятия, проведённые в загранучреждениях нашей страны. ЦТАК, 25.04.2024]. URL: <http://www.kcna.kp/kp/article/q/f3ae0f6d51bc044926fa56ea15051d1449fed192d66fa7c97f6bd639dfae0fe4b142f41f1b272c70e133ed38a8726eeb.kcmsf> (дата обращения: 01.05.2024). (На кор.)

зарубежным мероприятиям в честь дня рождения Ким Ир Сена²⁸. На этом фоне обращает на себя внимание одна из двух новостей, связанных с Кубой, которые всё же появились в государственных северокорейских СМИ в марте-апреле 2024 г. Это поздравительная телеграмма от Рауля Кастро в адрес Ким Чен Ына. В связи с тем, что ещё в 2021 г. на VIII съезде Компартии Кубы Кастро объявил о своей отставке, телеграмма носит неофициальный характер, свидетельствующий лишь о хороших *личных* отношениях между двумя политиками. Во всём тексте сообщения ЦТАК на эту тему даже слово «Куба» не упоминается ни разу²⁹.

Отзыв посла КНДР на Кубе

Вторая новость из Кубы, опубликованная агентством ЦТАК 18 марта, вызвала куда больший резонанс, чем телеграмма от Рауля Кастро. Это сообщение о «прощальном визите» посла КНДР в Гаване к президенту Кубы, т.е. фактически официальное подтверждение отзыва руководителя дипломатической миссии КНДР на Кубе³⁰. С одной стороны, смена посла – обычная дипломатическая практика, тем более что Ма Чхоль Су отработал на должности главы дипмиссии в Гаване полный пятилетний срок. В публикации ЦТАК особо подчёркивается, что глава Кубинской республики передал «тёплые слова доброй воли и дружбы председателю Государственного совета КНДР товарищу Ким Чен Ыну» и выразил надежду на «следование исторической традиции и развитие отношений между КНДР и Кубой в деле построения социализма»³¹. Также северокорейский дипломат был отмечен Орденом Дружбы Кубинской республики. Это, кстати, деталь, о которой умолчали в северокорейских СМИ, но которая нашла отражение уже на официальном сайте МИД Кубы³². В целом если сравнивать описание этой встречи на сайте внешнеполитического ведомства Кубы и на сайте ЦТАК, то сообщение в северокорейском информагентстве выглядит крайне сдержанно и кратко и не содержит каких-либо ссылок на встречи лидеров двух стран и личные послания от руководства Кубы в адрес Ким Чен Ына.

Безусловно, с учётом времени отзыва посла КНДР (ровно через месяц после установления дипотношений РК и Кубы) не могли не возникнуть предположения, что

²⁸ 위대한 수령 김일성동지의 탄생 112 돌 경축행사 여러 나라에서 진행 // 조선중앙통신. 113.4.28 [Праздничные мероприятия по случаю 112-летия со дня рождения великого вождя товарища Ким Ир Сена проходят во многих странах. ЦТАК, 28.04.2024]. URL: <http://www.kcna.kp/kp/article/q/f3ae0f6d51bc044926fa56ea15051d144bc2c32f4ec6a08dca3a53546831e73cdafa06690a741e540ab64d021f06ff94.kcmsf> (дата обращения: 01.05.2024). (На кор.)

²⁹ 경애하는 김정일동지께 라울 까스뜨로 루쓰동지가 축전을 보내여왔다 // 조선중앙통신. 113.4.19 [Товарищ Рауль Кастро Рус направил поздравительное послание дорогому товарищу Ким Чен Ыну. ЦТАК, 19.04.2024]. URL: <http://www.kcna.kp/kp/article/q/f3ae0f6d51bc044926fa56ea15051d14add753369065a6bf60cefc2eab07cea912351dd6576f6ac9f7c5cbdf00357486.kcmsf> (дата обращения: 01.05.2024). (На кор.)

³⁰ 우리 나라 특명전권대사 꾸바공화국 주석을 작별방문 // 조선중앙통신. 113.3.18 [Прощальный визит Чрезвычайного и Полномочного Посла нашей страны к Президенту Республики Куба. ЦТАК, 18.03.2024]. URL: <http://www.kcna.kp/kp/article/q/87172d7d2cbe1ad1bbe19d822707ead4595535a21b82c3839d2784cd88641ceb1c3b0ec2ceb29872a40f1d7c5049aa2a.kcmsf> (дата обращения: 01.05.2024). (На кор.)

³¹ Там же.

³² Una amistad única en su naturaleza de apoyo mutuo. *Ministerio de Relaciones Exteriores, República de Cuba* [Дружба, уникальная по своей природе взаимной поддержки. *МИД Кубы*], 15.03.2024. URL: <https://cubaminrex.cu/es/una-amistad-unica-en-su-naturaleza-de-apoyo-mutuo> (accessed: 02.05.2024). (На исп.)

возвращение дипломата в Пхеньян – это не обычная ротация, а «наказание» Ма Чхоль Су за то, что он не смог «помешать Кубе установить дипломатические отношения с Южной Кореей». Такую точку зрения, в частности, выразил бывший посол Великобритании в КНДР Джон Эверард³³. В любом случае какие-либо предположения на эту тему – не более чем догадки, так как официальных причин отзыва посла не озвучили ни северокорейские, ни кубинские источники. Примечательно, что ни в КНДР, ни на Кубе так ничего и не сообщили о преемнике Ма Чхоль Су. И на момент завершения работы над данной статьёй не появилось никакой информации о назначении нового посла КНДР на Кубе, что уже вызывает вопросы о перспективах дальнейших дипломатических отношений двух стран³⁴.

Перспективы

Установление дипломатических отношений между РК и Кубой несомненно не прошло бесследно для отношений КНДР и Кубы. Об охлаждении связей свидетельствует, в частности, резкое сокращение (до необходимого минимума) упоминаний Кубы в северокорейских государственных СМИ. Как показывает анализ материалов посольств других государств в Пхеньяне, дипломатический корпус Кубы по-прежнему получает приглашения на ключевые официальные мероприятия в КНДР, но их участие теперь не афишируется и не находит отражения в северокорейских СМИ.

Тем не менее, представляется вероятным, что в средне- и долгосрочной перспективе налаживание отношений Сеула и Гаваны не может оказать существенное влияние на динамику связей Пхеньяна и Гаваны. Во-первых, Куба – это проверенный десятилетиями и, пожалуй, единственный *равный* партнёр КНДР на международной арене, жертвовать таким союзником в качестве демонстрационного жеста для Пхеньяна не имеет смысла. Во-вторых, КНДР и Кубу слишком многое объединяет: параллели в экономическом развитии, понимание ценности внешнеполитической самостоятельности, неизменный выбор в пользу внутриполитической стабильности, маргинализация этих стран на Западе и многолетнее санкционное давление со стороны США [Поленова 2022: 88]. Кореевед А.С. Поленова также относит к таким факторам и несбывшиеся ожидания уже действующего руководства этих стран от временного потепления в отношениях с США (визит Барака Обамы на Кубу в 2016 г. и два саммита КНДР – США в 2018 г.) [Поленова 2022: 87]. Условия, в которых Гаване и Пхеньяну приходится строить свою внешнюю политику, также во многом схожи, как и уроки, которые были усвоены правительствами этих стран в последние десятилетия. Инвестиции (пока только потенциальные) из Южной Кореи являются, безусловно, привлекательными для Кубы, но их «надёжность» уже не раз была подвергнута сомнению. Можно вспомнить тот же опыт Ирана, куда южнокорейские инвесторы пришли в 2016 г. после первого в истории дипотношений визита южнокорейского лидера в Тегеран. Сначала

³³ North Korean ambassador to leave Cuba after ally establishes ties with Seoul. *NK News*, Mar 18, 2024. URL: <https://www.nknews.org/2024/03/north-korean-ambassador-to-leave-cuba-after-ally-establishes-ties-with-seoul/> (accessed: 02.05.2024).

³⁴ Han Su Chol has been appointed as the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) to the Republic of Cuba, Aug 8, 2024 [Хан Су Чхоль назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) в Республике Куба, 8.08.2024]. См.: URL: <http://www.mfa.gov.kp/view/article/20995> (дата обращения: 22.08.2024) – *Ред.*

Сеул провозгласил развитие отношений с Ираном «неотложным приоритетом для Кореи»³⁵, подписал соглашения на общую сумму \$ 37 млрд, в том числе в сфере энергетики и строительства³⁶, а уже через два года (в 2018 г. после выхода США из СВПД по иранской ядерной программе) вновь присоединился к санкциям в отношении Ирана и заморозил иранские активы на \$ 6 млрд. Этот фактор зависимости Сеула от базовых линий политики Вашингтона и вытекающую из этого непредсказуемость действий руководства РК не могут не понимать как в КНДР, так и на Кубе. И это необходимо учитывать при оценке возможных перспектив экономического сотрудничества Сеула и Гаваны.

Скорее всего, в своей внешнеполитической линии КНДР будет руководствоваться исключительно долгосрочной стратегией, не рискуя отношениями с проверенными союзниками. Что касается Южной Кореи, то для неё цель, по всей вероятности, уже достигнута. Главная ценность Кубы для РК состоит скорее в самом факте установления отношений, а не в перспективах, которые может открывать такое двустороннее сотрудничество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Матвеева Н.И. КНДР и Куба на начальном этапе двусторонних отношений (1960–1965): границы «социалистической солидарности» // Новая и новейшая история. 2023. № 5. С. 172–183. DOI 10.31857/S013038640024136-7
- Поленова А.Л. Голосование по резолюциям ГА ООН как отражение внешнеполитического курса КНДР // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей работы международной научной конференции молодых востоковедов, Москва, 25–26 ноября 2021 года. М.: ИКСа РАН, 2022. С. 53–58. DOI 10.48647/ICCA.2022.93.25.030
- Поленова А.Л. Северокорейско-кубинские отношения на современном этапе // Современные проблемы Корейского полуострова. М.: ИКСа РАН, 2022. С. 83–91.

REFERENCES

- Matveeva N.I. (2023). KNDR i Kuba na nachal'nom etape dvustoronnih otnoshenii (1960-1965): granitsy "sotsyalisticheskoy solidarnosti" [The DPRK and Cuba in the Initial Period of Bilateral Relations (1960–1965): The Limits of "Socialist Solidarity"]. *Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]*, 5: 172–183. (In Russian). DOI 10.31857/S013038640024136-7
- Polenova A.L. (2022). Golosovanie po rezol'utsiyam GA OON kak otrazhenie vneshnepoliticheskogo kursa KNDR [Voting on UNGA resolutions as a reflection of the DPRK's foreign policy]. *East Asia: Past, Present, Future: The collection of articles of the International Scientific Conference of Young Orientalists*, Moscow, November 25–26, 2021. Moscow: ICCA RAS, pp. 53–58. (In Russian). DOI 10.48647/ICCA.2022.93.25.030
- Polenova A.L. (2022). Severokoreysko-kubinskiye otnosheniya na sovremennom etape [North Korean-Cuban relations at the present stage]. *Sovremennyye problemy Koreyskogo poluostrova [Modern problems of the Korean Peninsula]*. Moscow: ICCA RAS, pp. 83–91. (In Russian).

³⁵ Ji-Hyang Jang. The Role of a Middle Power South Korea in Iran, Syria and Egypt. *Middle East Institute*, Jun 2, 2014. URL: <https://www.mei.edu/publications/role-middle-power-south-korea-iran-syria-and-egypt> (accessed: 08.01.2024).

³⁶ Там же.

* * *

- Cin Beom Cheol. Cuba’s Changes of Market Reform Policy in the Pandemic Crisis: Implications to North Korea [신범철 .팬데믹 위기에서 쿠바의 개혁개방 정책과 변화: 대북 시사점]. *International Area Studies Review*, 25: 45–63. URL: <https://kiss.kstudy.com/Detail/Ar?key=3925521> (accessed: 27.05.2024). (In Korean).
- Jung Giwoong (2023). Cuba. The Last Destination of the Republic of Korea’s Nordpolitik?. Center for International Area Studies, Hankuk University of Foreign Studies, 12 (11). <https://doi.org/10.3390/socsci12110638> (accessed: 31.05.2024).
- Searching Cooperation Methods for Promoting Relation between Korea and Cuba: Focusing on Political Diplomacy, Culture, Economic and Environmental Fields (2015). KIEP [21 세기 한국·쿠바 협력 관계 증진을 위한 정책방안 모색: 정치·외교·문화·경제·환경 부문을 중심으로. KIEP]. URL: https://www.kiep.go.kr/galleryDownload.es?bid=0001&list_no=2043&seq=1 (accessed: 02.05.2024). (In Korean).

Поступила в редакцию:	01.06.2024	Received:	Jun 1, 2024
Принята к публикации:	27.06.2024	Accepted:	Jun 27, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-18-30

Китай – Глобальный Юг: актуальная эволюция отношений

Сафронова Елена Ильинична¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Мировые события последних лет свидетельствуют о наступлении очереди развивающегося мира выйти на первые роли в международных отношениях (МО). Китай, позиционирующий себя как «крупнейшую развивающуюся страну», «члена Глобального Юга», но при этом «ответственную мировую державу», не может оставаться от этой тенденции в стороне.

В статье констатируются причины недавнего выдвигания развивающегося мира (PM) на авансцену международной жизни, в число которых входит совокупный экономический рост Юга, повышение его политического значения в расстановке сил на мировой арене, рост самооценки Юга, позиция которого, будучи созвучной интересам Востока, вносит вклад в утрату Западом способности диктовать условия мировому большинству, и др.

Помимо этого, автор считает важным определиться с трактовкой терминов «Глобальный Юг», «третий мир», «развивающийся мир», чтобы приблизиться к лучшему пониманию сути великого мирового феномена, который эти дефиниции обозначают. Указанные термины не только отражают реалии времён, их рождающих, но и претерпевают внутренний «апгрейд», становясь не просто «вывеской», но и характеристикой обозначаемого ими явления.

Основная нагрузка статьи падает на рассмотрение китайского фактора в эволюции Глобального Юга. Он характеризуется через призму вопроса о том, почему значение Юга для Китая растёт и как Пекин старается обеспечить отношения с «южными» странами дополнительной качественной опорой.

Также в статье предпринимается попытка выявить новые вызовы, встающие перед Китаем в процессах его дальнейшего «укоренения» в развивающемся мире.

Статья завершается рядом выводов, среди которых – авторское мнение о том, происходит ли переформатирование отношений КНР и Глобального Юга как реакция на повышение его мирового веса или же они «просто» проходят этап своевременной оптимизации.

Ключевые слова: Китай, Глобальный Юг, Россия, развивающийся мир, Север/Запад, Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), Инициатива глобального развития, ООН.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0009 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие РФ и КНР в межгосударственной, экономической, других

практических областях и во внешнеполитической сфере, в том числе в многосторонних форматах (РИК, БРИКС)»).

Для цитирования: Сафронова Е.И. Китай – Глобальный Юг: актуальная эволюция отношений // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 18–30. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-18-30

China – Global South: the current evolution of relations

Safronova Elena I.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. Global events of recent years indicate that it is the turn of the Developing World to take the lead in international relations. China, which positions itself as the «largest developing country», a «member of the Global South», but at the same time a «responsible world power», cannot stay away from this trend.

The article examines the reasons for the recent rise of the Developing World to the forefront of international life, which include: the cumulative economic growth of the South, the increase in its political importance in the balance of power on the world stage, the growth of self-esteem of the South, whose stance, being consonant with the interests of the East, contributes to the loss of the West's ability in dictating conditions to the world majority, etc.

In addition, the author considers important to determine the semantic content of the terms «Global South», «third world», «developing world» for a better understanding of the essence of the great global phenomenon that these definitions have denoted at different times. It seems that these definitions not only reflect the realities of the times that gave birth to them, but also undergo internal upgrade, becoming not just a «signboard», but also a characteristic of the phenomenon they designate.

The main burden of the article falls on the analysis of the Chinese factor in the modern evolution of the Global South. It is characterized through the prism of why the importance of the South for China is growing and how Beijing is trying to provide relations with «southern» countries with additional qualitative support. The article also attempts to identify new challenges facing China in the processes of its further «rooting» in the Developing World.

The article ends with a number of conclusions, among which is the author's opinion on whether the reformatting of relations between China and the Global South is taking place as a reaction to an increase in its global weight, or whether they are «simply» undergoing a stage of timely optimization.

Keywords: China, Global South, Russia, Developing World, North/West, Belt and Road Initiative (BRI), Global Development Initiative, UN.

Author: Safronova Elena I., PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0009 “The modern foreign policy of the People's Republic of China and the interaction of the Russian Federation and the People's Republic of China in interstate, economic, other practical areas and in the foreign policy sphere, including in multilateral formats (RIC, BRICS)”).

For citation: Safronova E.I. (2024). Kitay – Global'nyy Yug: aktual'naya evolyutsiya otnosheniy [China – Global South: the current evolution of relations]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 18–30. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-18-30

Постановка вопроса. КНР демонстрирует высокую заинтересованность в сотрудничестве с Глобальным Югом, когда-то называемым «третьим миром» и позже вызревшим в «развивающийся мир» (РМ), ещё со времени своего провозглашения в 1949 г. Экономическое развитие Китая происходит при широком использовании ресурсного потенциала той части Земли, которая ныне предпочтительно именуется Глобальным Югом. И политическая поддержка «друзей из развивающегося мира» ещё со времён восстановления прав КНР в ООН¹ продолжает вносить вклад в облагораживание международного имиджа страны и в упрочение её мировых позиций.

Положение Китая как второй экономики мира не препятствует ему называть себя государством Глобального Юга². Самоидентификация КНР в качестве развивающейся страны и умелая риторика по этому поводу позволили ей установить особую тональность в отношениях с «южными» государствами.

Основной упор в пропаганде, направленной на развивающийся мир, делается на констатации общности задач, стоящих перед Китаем и другими незападными странами. Ключевой из них предстаёт продвижение нового многополярного, справедливого миропорядка, а также достижение суверенности модели развития вне рамок, установленных Западом. При контактах высших руководителей стран Юга и Китая стороны, как правило, подчёркивают общность позиций по неприятию «гегемонизма и западного центризма», отмечая свою приверженность многополярности и демократизации международных отношений (см. [Chen Peijie]).

Заметим, что для развивающегося мира Китай – объективный пример эффективного роста, достигнутого за исторически короткий срок – с начала его экономических реформ (конец 1970-х гг.). И китайский кейс наводит на мысль, что, дабы динамично развиваться, Югу просто надо знать, с чего начинать. А именно: ему необходимо найти такую модель социально-экономического развития (МСЭР), которая не только бы гипотетически отвечала его стремлению к лучшей жизни, но и исходила из его конкретных внутренних и международных реалий. Ведь в эшелон стран с формирующейся экономикой (ранее называемых новыми индустриальными странами) вырываются именно те государства, которые обрели адекватную своим условиям «работающую» МСЭР, а также действенные политические и экономические рычаги³ управления национальным хозяйством [Сафронова 2005: 211].

¹ По словам Мао Цзэдуна, «африканские друзья привели Китай в ООН» в 1971 г. См: *Contemporary International Relations*, 2000, 11: 2.

² См., например: *Си Цзиньпин*. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплочённо бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 02.05.2024).

³ К числу этих рычагов следует отнести установление правового и налогового режимов, благоприятствующих внутреннему накоплению и привлечению зарубежного капитала, меры по защите иностранных капиталовложений и по жёсткому контролю над использованием целевых средств, проведение рациональной финансово-экономической и бюджетной политики, структурных реформ, укрепление государственных институтов и т.д.

К вопросу о толковании терминов

Начнём с того, что мир представляет собой вечную «мозаику» уровней жизни. Такая мозаичность иллюстрируется расхождениями в социально-экономическом развитии двух основных «полюсов» – «золотого миллиарда» («развитого мира», Глобального Севера) и «третьего мира», «развивающегося мира», «Глобального Юга». Эти расхождения проявляются не только в экономическом разрыве между двумя «полюсами», но и в уровне политической стабильности, наличии традиционных и нетрадиционных угроз, возможностей доступа к современным технологиям, работе, образованию, медобслуживанию и проч.

Термин «третий мир» в китайской трактовке появился в конце 1960-х гг. и до начала 1970-х гг. обозначал группу «бедных и развивающихся государств», которая ведёт нарастающую борьбу с двумя «сверхдержавами», что, по мнению тогдашнего премьера КНР Чжоу Эньлая, и являлось основной чертой международной политики⁴. Предвестником китайской версии концепта «третий мир» послужила теория «народной войны», изложенная осенью 1965 г. в статье Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!»⁵. В статье международное положение характеризовалось как «окружение мирового города» (империалистических государств, к числу которых уже был отнесён и СССР) «мировой деревней» (менее развитыми, в прошлом колониальными странами). Статья содержала призывы к «мировой деревне» объединиться против «мирового города» и путём «народной войны» довести «мировую революцию» до победы (приводится по [Сафронова 1994: 96, 97]).

В своей речи на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 апреля 1974 г. Дэн Сяопин уточнил расстановку сил, отметив, что «США и Советский Союз составляют первый мир. Развивающиеся страны в Азии, Африке, Латинской Америке и в других регионах составляют третий мир. Развитые страны, находящиеся между ними – второй мир»⁶.

Тогда практическое и исследовательское осознание реалий «третьего мира» происходило в условиях крайней идеологизированности международных отношений, потому «третий мир» и стал обозначением группы стран не только экономически менее развитых, но и противостоящих мировым «гегемонам».

Позже, в 1980-гг., когда накал мировой идеологической борьбы несколько снизился, «третий мир» получил обозначение «развивающийся», в котором акцент делался на стремлении к экономическому росту, а не на политической борьбе.

Ныне в научной литературе и СМИ термин «развивающийся мир», по нашим наблюдениям, вытесняется определением «Глобальный Юг». Видимо, это происходит потому, что понятие «развивающийся мир» носит стойкую «материальную» окраску, обозначая совокупность менее успешных субъектов международных экономических отношений. Сейчас опять актуализируется факт именно политических несогласий в дихотомичной структуре МО, связанных с неравенством и маргинализацией «южных» стран относительно «северных». Первостепенное значение обретает идея о единении развивающихся стран на основе энергичного неприятия западного диктата и их коллективной борьбы за реальное участие в глобальных процессах принятия решений [Carvalho]. Таким образом, развивающийся мир преобразуется в Глобальный Юг – субъект

⁴ Отчётный доклад. X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1973.

⁵ Хунци. 1965. № 10; Жэньминь жибао. 03.09.1965.

⁶ Жэньминь жибао. 11.04.1974.

МО, наращивающий стратегические «мускулы», которых не было ни у развивающихся стран, ни у «третьего мира».

Однако автор считает допустимым использование термина «развивающийся мир» там, где это логически и стилистически целесообразно. В китайской политологии понятия «Глобальный Юг» и «развивающийся мир» сосуществуют, будучи равными по значимости и широте употребления.

Примечательно, что в китайской научной среде замечен двойственный подход к термину «Глобальный Юг». В политическом смысле китайские учёные считают его полезным инструментом, но в экономическом полагают, что было бы точнее классифицировать страны по принципу величины их доходов (страны, обладающие или высокими, или средними, или низкими доходами)⁷. Думается, что такое экономически детерминированное ранжирование входит в противоречие с позицией китайской официальной дипломатии, которая делает акцент на геополитических взглядах государств Юга.

Термин «Глобальный Юг» и сам не безупречен: он спорен из-за неопределённости его географических границ (например, развивающиеся страны Центральной Азии находятся заметно севернее развитой Японии). Неравномерность политико-экономической динамики включаемых в Глобальный Юг государств ставит под сомнение его трактовку как единого целого. Однако, на наш взгляд, признак его целостности надо искать расширительно: к Глобальному Югу стоит относить страны не столько по уровню их «развитости», сколько по степени их готовности к строительству нового мирового порядка, отрицающего международный режим, основанный на западных «правилах».

Рост значения «Глобального Юга» в современном мире и Китай

Понятно, что судьбы глобальных Севера и Юга всегда были неразрывно связаны согласно закону диалектики о единстве и борьбе противоположностей, а в китайской его трактовке – конструкции инь-ян. Однако в последние годы такие ранее невиданные явления, как миграционный и климатический кризис, разрастание «горячих точек» в РМ и наконец пандемия COVID-19 привели к тому, что последствия политических решений, принятых Севером практически единолично, оказали непропорционально сильное влияние на Глобальный Юг. Это само по себе привело к смещению фокуса мирового внимания в сторону обострившихся проблем Юга.

Мощным триггером выдвижения Глобального Юга на передние мировые позиции стало нежелание большинства его членов поддерживать антироссийские санкции, действия Запада и НАТО на Украине, а также политику «сдерживания Китая». И это послужило неожиданным и тревожным сигналом для Севера/Запада, озаботившегося перспективами своего международного положения.

Редкое для РМ неподчинение Северу оказалось результативным: оно подняло Юг на более высокие ступени глобальной иерархии, где международный «игрок» намеревается влиять на расстановку мировых сил, а не пассивно реагировать на её изменения.

⁷ Приводится по: Nye, Joseph S. Jr. What Is the Global South? *Project Syndicate*, Nov 1, 2023. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-south-is-a-misleading-term-by-joseph-s-nye-2023-11> (accessed: May 3, 2024).

В таких условиях Север/Запад поспешил обновить парадигму общения с Югом. Так, в феврале 2023 г. прошла Мюнхенская конференция по безопасности, на которой Запад попытался склонить Африку и Латинскую Америку ужесточить их курс в отношении России. Но конференция показала, что Юг, будучи обеспокоенным собственными экономическими проблемами⁸, расценивает украинский кризис как продукт западных двойных стандартов. Так, на Глобальном Форуме мира, состоявшемся в Пекине 1–3 июля 2023 г., африканские лидеры обвинили американцев и европейцев в двурушничестве за то, что те, выказывая глубокую озабоченность положением на Украине, игнорируют страдания, вызванные войнами, голодом и другими бедствиями в развивающихся странах. Они обвинили Запад/Север в затягивании украинского конфликта, который приводит к резкому росту мировых цен на энергоносители и продукты питания. Досталось Западу и за «гегемонистское высокомерие» и «цивилизационное превосходство», поскольку он осмеливается самовольно вводить санкции в отношении России и других международных акторов, не разделяющих либерально-демократические воззрения. Китайские эксперты расценили этот демарш развивающихся государств как «удар по центральной роли Запада в мировом порядке»⁹.

Север/Запад совершает и другие дипломатические и поведенческие ошибки. Так, правительства многих «южных» стран с раздражением восприняли разделение мира на «хорошие» демократии и «плохие» автократии, предложенное США в декабре 2021 г. на виртуальном «Саммите за демократию». По мнению экспертов, Китаю удалось убедить развивающиеся страны в том, что американский идеологизированный (а точнее, манихейский – *Е.С.*) нарратив не стоит сопутствующих ему материальных посулов [Fasulo, Morselli]. Возможно, G7, Вашингтон и Брюссель и хотели бы видеть основным противоречием современности конфликт демократии и автократии, однако позиция Юга не позволила им сделать эту тезу руководящей установкой.

Север/Запад собственной недалёковидностью способствует закреплению Китая в Глобальном Юге. Так, в 2021 г. Китай инвестировал в Латинскую Америку больше, чем в США, и примерно столько же, сколько в Европу. Международные эксперты полагают, что это произошло из-за того, что США и Европа сами закрываются для китайских капиталовложений, опасаясь роста китайского влияния на своём экономическом поле. А поскольку в Китае «очень высокий уровень сбережений», в ближайшие годы рост его инвестиций в Глобальный Юг может возобновиться [Heine].

Глобальный Юг повышает «самооценку». Если раньше он видел предпосылку для более справедливого миропорядка в расширении сотрудничества по двум линиям – и «Юг-Юг», и «Север-Юг», то сейчас он склонен усматривать её в собственных политико-экономических успехах. И это объяснимо: страны Юга обеспечивают более 70 % роста мировой экономики¹⁰, в основном благодаря китайскому потенциалу. Можно сказать, что именно Китай, а также Индия сделали усиление Юга реальным явлением. Две страны удвоили объём производства на душу населения менее чем за 20 лет. Если в 1950 г. доля

⁸ *Российская газета*, 20.02.2023.

⁹ Приводится по: China's message to the global south. <https://www.economist.com/china/2023/07/06/chinas-message-to-the-global-south> (accessed: May 3, 2024).

¹⁰ Пресс-конференция Министра иностранных дел КНР, посвящённая внешней политике Китая и международным отношениям. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202303/t20230308_11037323.html (дата обращения: 30.05.2024).

Китая, Индии и Бразилии составляла лишь 10 % мирового производства, в то время как доля промышленных лидеров «Севера» превышала половину¹¹, то ныне на Юг приходится порядка 50 % мирового ВВП и около половины совокупного объёма международной торговли [Яковлев: 6–27]. В 1970–1980-х гг. доля Юга в мировых торговых потоках не превышала 20 %, а сейчас она определяется в рамках от 40 до 50 % [Olander].

Однако «возвышение» Юга – процесс тернистый, ибо Север всё чаще прибегает к силовому решению своих международных задач. Многие страны, не согласные с засильем «Вашингтонского консенсуса», подвергаются атакам на различных «фронтах» гибридной войны. Они становятся объектом цветных революций, попыток смены режима, незаконных санкций, экономической блокады, диверсий НАТО или прямых бомбардировок и вторжений [Escobar]. По словам Д. Руссеффэкс – президента Бразилии, а ныне – президента Нового банка развития стран БРИКС, если кто-то не принимает навязанную [Западом] систему ценностей, то он будет соответствующим образом наказан, столкнувшись с военным вмешательством, государственными переворотами или санкциями¹².

Поиск «оборонного» единства стимулирует активность Юга в международных структурах. В ответ на вероятность силового давления Севера на непокорный Юг, развивающиеся страны настраиваются на участие в новых интернациональных форматах, особенно в тех, где сильно представительство Китая, – в БРИКС, БРИКС+, ШОС, ВРЭП и др. И так РМ участвует в развитии многосторонности – предвестника многополярности.

Кроме того, Юг, получивший во времена холодной войны опыт существования в условиях борьбы двух общественно-политических систем, ныне проявляет бóльшую изобретательность в лавировании между глобальными оппонентами. Так, в случаях, когда Китай видится ему предпочтительным партнёром, а конфликт с Севером всё же нежелателен, Юг вспоминает о единстве позиций КНР и ООН по целому спектру проблематики «Север-Юг» и «Юг-Юг».

Неприятие политики Севера под лозунгами ООН не так рискованно, как резкая артикуляция собственных требований. Например, ООН, как и КНР, называет неблагоприятной для РМ финансовую политику США, а Программа развития ООН прямо признаёт необходимость обновления директивных принципов международных организаций в сторону более справедливого представительства Юга в «Бреттон-Вудских учреждениях», в самой ООН и других международных органах¹³.

Можно сказать, что в новых условиях «южные» страны быстро учатся и охотно практикуют многовекторность внешней политики, не упуская возможность использовать конкуренцию великих держав в собственных интересах.

¹¹ Мнение проф. М. Давтяна. Приводится по: *Caïm For Thee*. URL: http://for-thee.ucoz.com/publ/ehkonomika/kogda_jug_obgonit_sever/2-1-0-3 (дата обращения: 30.05.2024).

¹² China's message to the global south. *The Economist*, Jul 6, 2023. URL: <https://www.economist.com/china/2023/07/06/chinas-message-to-the-global-south> (accessed: May 3, 2024).

¹³ ПРООН. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. Разд. «Резюме». Москва: Весь мир, 2013. С. 14.

Китайский фактор в Глобальном Юге и новые вызовы для Пекина

Глобальный Юг, несмотря на экономические успехи, остаётся «колыбелью» и/или катализатором практически всех современных мировых проблем¹⁴. Однако в первую очередь Китай интересуется его свойство растущего глобального «игрока». Страны Юга, хотя бы в силу их многочисленности, имеют количественный потенциал в деле формирования нового мирового порядка, а последний, как известно, не мыслится Пекином без роста глобального значения КНР.

Перед лицом текущих реалий Китай должен решить задачу придания своей кооперации с Югом нового качественного наполнения. Так, КНР расширяет базу её идейного верховенства в мире в лице концепции «Сообщество единой судьбы человечества» (2013 г.), а в последние годы – «Инициативы глобального развития» (сентябрь 2021 г.), «Инициативы глобальной безопасности» (апрель 2022 г.) и «Инициативы глобальной цивилизации» (март 2023 г.)¹⁵.

Очевидно, что для Юга из трёх последних начинаний первостепенное значение имеет «Инициатива глобального развития» (ИГР). Её задача – представить Китай как производителя общемировых общественных благ, оптимальных знаний и ресурсов, необходимых для решения проблем развития. Теперь Глобальный Юг является главным адресатом этой Инициативы не только как относительно податливый объект стратегических планов Китая, но и как полезная растущая сила.

Если Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) представляет собой экономический механизм «укоренения» КНР в Глобальном Юге, то Инициатива глобального развития – это ещё и дипломатический и пропагандистский инструмент для сплочения стран-партнёров в широкие и гибкие прокитайские коалиции и размывания западной доминанты в международных делах. Похоже, что с помощью ИГР Китай надеется возглавить новую эру в мировом развитии не только путём финансово-инвестиционных рычагов, но и встав во главе дискурса о целеполагании [Hoang Thi Ha].

Экономический смысл ИГР заключается в том, что, пока ИПП продвигает крупномасштабные и капиталоемкие инфраструктурные проекты, Инициатива по глобальному развитию, согласно информации, доступной на настоящий момент, ориентирована на такие области, как здравоохранение (COVID и вакцины), борьба с бедностью, продовольственная безопасность, изменение климата и «зелёное» развитие, финансирование развития, низкоуглеродная и цифровая экономика, индустриализация, производство, инновации и связь¹⁶.

¹⁴ Это и международный терроризм, во многом вскормленный бедностью «южных» стран и ненавистью к богатому эксплуататору «Северу», и усугубившаяся в последние годы проблема массовой миграции, чреватая обострением социально-политической обстановки во многих странах, и экологически враждебные способы хозяйствования, и недостаточная эффективность борьбы с эпидемическими заболеваниями, и низкое качество населения по индексу человеческого развития, и др.

¹⁵ См.: Global Development Initiative and Global Security Initiative – China's latest solutions to world peace, security and development. *Chinese Embassy in Seychelles*, Aug 5, 2022. URL: http://sc.china-embassy.gov.cn/eng/zxhd/202208/t20220805_10735867.htm (accessed: May 3, 2024).

¹⁶ Перечень проектов первого пакета ИГР см.: List of First-batch Projects of GDI Project Pool. *Foreign Ministry of the PRC*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202209/P020220921624707087888.pdf (accessed: May 3, 2024).

ИГР не связана с практикой гигантского финансирования и потому несёт меньше проблем, обусловленных невозвратом кредитов, предоставляемых Китаем странам-участницам ИПП¹⁷. При этом ИГР рассматривается Китаем как параллельное, вспомогательное направление «Пояса и пути».

Развивающиеся страны в Юго-Восточной Азии уже активно поддержали ИГР. Так, на форуме «Диалог высокого уровня по глобальному развитию», организованном Пекином в июне 2022 г., все 10 государств АСЕАН присоединились к Группе друзей ИГР в ООН, созданной вскоре после провозглашения Инициативы Си Цзиньпином на 76-й сессии ГА ООН 21 сентября 2021 г. Ассоциация, видимо, рассчитывает стать первым региональным бенефициаром ИГР и адресатом 14-ти из 50-ти (28 %) проектов её первого пакета [Hoang Thi Ha].

«Идеология» же ИГР заключается в том, чтобы укрепить имидж Китая как «ответственной крупной развивающейся страны»¹⁸, которая рассматривает сотрудничество в целях развития как «форму взаимной помощи между развивающимися странами в рамках кооперации Юг-Юг», а не как отношения «донор-получатель», свойственные диалогу «Север-Юг»¹⁹.

Как бы то ни было, китайская модель социально-экономического развития продолжает вызывать интерес у тех стран, где предыдущие социально-экономические образчики не смогли стимулировать ни само развитие, ни сделать его более устойчивым. Странам Глобального Юга китайская МСЭР импонирует тем, что она не подразумевает выполнения требований, предъявляемых такими институтами глобального управления, как МВФ и Всемирный банк. То есть, Китай не навязывает политических условий и социально-экономических шаблонов, однако не забывает о собственных выгодах и об имидже лидера развивающегося мира.

Примечательно, что КНР расширяет свою активность на Юге за счёт принципиально новых сфер. Так, в марте 2023 г. она стала успешным посредником в деле восстановления дипломатических отношений между жёсткими региональными соперниками – Саудовской Аравией и Ираном, что получило значительный международный резонанс. Благодаря успеху этой миссии китайская дипломатия «приросла» ещё одним направлением деятельности.

Однако не всё так гладко для Пекина. Новым вызовом стало доселе невиданное явление – борьба за лидерство в Глобальном Юге между Китаем и другим крупнейшим представителем РМ – Индией. Есть мнение, что Индия пытается занять место лидера путём исключения Китая из числа стран Юга²⁰ (о целесообразности чего уже лет 10 говорят на Севере (подробнее: [Lampton, Wallace, Conrad])).

¹⁷ Финансирование проектов ИГР возлагается на Китайское агентство по международному сотрудничеству в области развития (*China International Development Cooperation Agency, CIDCA*), предоставляющее помощь Китая в целях развития, или будет осуществляться за счёт вклада КНР в международные программы помощи.

¹⁸ Global Development Initiative: Philosophy, Principle, Path, and Progress. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, Jun 20, 2022. URL: <https://interpret.csis.org/translations/global-development-initiative-philosophy-principle-path-and-progress/> (accessed: May 3, 2024).

¹⁹ The State Council of the People's Republic of China. *The 2021 White Paper on China's International Development Cooperation in the New Era*, Jan 10, 2021. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202101/10/content_WS5ffa6bbbc6d0f72576943922.htm (accessed: May 3, 2024).

²⁰ China's position within Global South cannot be replaced: expert. *The Global Times*, Dec 11, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304188.shtml> (accessed: May 3, 2024).

Ш. Менон, бывший советник правительства Индии по национальной безопасности, полагает, что сейчас – самый подходящий момент для Индии взять на себя ведущую роль в решении проблем развития. Причины этому таковы:

1. Китай переживает не лучшие времена в отношениях с развивающимися странами, поскольку его кредитно-инвестиционная политика ведёт к усугублению долговых проблем Юга.

2. Запад завяз в конфликте на Украине и не способен играть конструктивную роль на «южном» направлении.

3. Индия всегда была убеждённым критиком мегапроекта ИПП, и сейчас, когда Инициатива «теряет обороты», у Нью-Дели повышаются шансы преуспеть в дипломатическом контрнаступлении против Пекина и переключить на себя внимание Глобального Юга (приводится по: [Hirouyuki]).

С точки зрения возможностей и объёмов экономического потенциала, очевидно, что преимущество в борьбе за лидерство сохраняет Китай. Тем не менее, Индия уповает на своё «квалифицированное преимущество» благодаря следующим обстоятельствам.

Во-первых, именно Индия может координировать действия с Западом/Севером, причём от имени развивающихся стран, поскольку она – неоспоримый и уважаемый член Глобального Юга и при этом – партнёр Севера. (Похоже, Индия надеется опередить Китай по «южному» политическому треку благодаря её меньшей антизападной конфликтности).

Индия, Япония, США и Австралия объединены Четырёхсторонним диалогом по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue, QSD*), и у Индии вполне благоприятные отношения с ЕС. Китай же вовлечён в «квазихолодную войну» с США, что нейтрализует его эффективность как «моста» между Западом/Севером и Югом.

Во-вторых, между Китаем и некоторыми развивающимися странами существуют проблемы не только экономического свойства (задолженность, торможение проектов ИПП, аритмичность китайского кредитования и др.), но и территориальные споры (принадлежность ряда островов в Южно-Китайском море) [Hirouyuki], которые в принципе относятся к особо чувствительной проблематике государственной суверенности.

Хотя Индии и не удастся потеснить Китай с роли «кормчего» развивающегося мира, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, однако эта конкуренция способна «потрепать нервы» китайским внешнеполитическим инстанциям и отвлечь их ресурсы на изучение новой ситуации. К тому же, Индия не стоит на месте: страна переживает приток инвестиций западных компаний, которые перебрасывают свои инвестиции из Китая в Индию, чтобы «защититься от геополитического риска» со стороны КНР [Rampini].

Само зарождение нового вектора китайско-индийского соперничества свидетельствует о бурной внутренней динамике Глобального Юга, на которую Китай тоже будет вынужден реагировать.

Ещё один вызов для Пекина обусловлен тем, что рост роли Китая в Глобальном Юге вынуждает США реконструировать свой курс относительно РМ. И это ставит перед Пекином задачу особо вдумчивой модификации собственного курса на Юге с более внимательным учётом подвижного американского фактора. В итоге Пекин и Вашингтон, вероятно, выйдут на новый виток регионально-глобального соперничества, спрогнозировать ход и результаты которого будет непросто. Так или иначе, созреет ещё одно направление китайско-американского противостояния.

Вместо заключения

Суммируя вышесказанное, целесообразно отметить следующее.

Во-первых, деление мира на «Юг» и «Север» – это не хлесткий риторический архаизм. Автор полагает, что указанные дефиниции отражали и отражают не только реалии времён, их рождавших, но и претерпевают внутреннюю трансформацию, становясь не «вывеской», а характеристикой обозначаемого ими явления.

«Координатная» теория (оперирующая понятиями «Север-Юг», «Запад-Восток») не уходит в запасники мировой политологии, а актуализируется, ибо дихотомия «Юг» и «Север» по-прежнему отражает существующее противостояние, обусловленное разницей между уровнем влияния и благосостояния «золотого миллиарда» и политико-экономическим статусом большинства человечества.

Во-вторых, хотя КНР и отрицает идеологическую компоненту в её отношениях с Глобальным Югом, «напугавшую» «третий мир» во времена «хунвэйбиновской дипломатии» 1960–1970-х гг.²¹, однако общее неприятие внешнего давления и поиск модели развития, альтернативной западной, может, на наш взгляд, свидетельствовать об углубляющейся идеологической близости между этими мировыми акторами.

В-третьих, благодаря росту мирового значения Юга, в который Китай вольно или невольно вносит свой политико-экономический вклад, всё большее число развивающихся стран ощущает не просто желательность, но уже и возможность перестройки прозападного мирового порядка, базирующегося на Бреттон-Вудских принципах.

В-четвёртых, феномен разнородности и многоуровневости Глобального Юга, являясь вызовом для китайской дипломатии, всё же благодетелен для оттачивания её мастерства. На пути к достижению глобального политико-экономического лидерства Китаю необходима поддержка как можно большего числа развивающихся стран. Поэтому он проводит «апгрейд» отношений с Югом от простого экономического диалога и «ритуальных» дипломатических связей до уровня стратегического взаимодействия и партнёрства. На этом пути задействуются материальные стимулы и торговые преференции, а главное – инициативы геополитического характера, включая выдвижение Пекином новых интеграционных концепций.

Создаётся впечатление, что КНР, исходя из обновлённого представления о Глобальном Юге, творчески переосмысливает тезис об «окружении мирового города мировой деревней», но на более высоком уровне диалектической спирали. Это в свою очередь актуализирует китайскую идею о необходимости единого «фронта» «южных» стран против деструктивной политики Севера и подтверждает мысль об исторической преемственности внешнеполитического курса Китая.

Задаваясь вопросом, происходит ли зарождение принципиально нового формата отношений Китая и обновляемого Глобального Юга, можно отметить следующее. В целом этот диалог движется по пути лучшей эргономичности, но согласно уже испытанным

²¹ «Хунвэйбиновская дипломатия» времён «культурной революции» в КНР (1966–1976) – внешнеполитическая линия, которая была квалифицирована в мировой политологии, а позже и самим китайским руководством как «экспорт революции». Здесь имеется в виду моральная и материальная поддержка промаоистских повстанческих группировок в Азии, Африке и Латинской Америке. Она характеризовалась отказом от учёта внутренних особенностей стран-партнёров, не готовых к «революционным» преобразованиям, а также игнорированием норм международного права и дипломатического этикета.

принципам. Обе стороны если не довольны, то приспособились к генеральному тренду их взаимодействия. Китай нужен Югу как источник инвестиций, иных видов финансирования и даже как пример развития. Через китайские геоэкономические инициативы развивающиеся страны получают беспрецедентный опыт участия в масштабных интеграционных проектах.

В свою очередь Китай нуждается в Юге как круге поддержки, источнике ресурсов, объекте влияния, аргументе в диалоге с Западом и «отправном пункте» для достижения мирового лидерства. В Глобальном Юге Китай может теперь исполнять и ценные роли переговорщика-медиатора и заступника-глашатая интересов развивающегося мира.

Но некоторые изменения имеют место: так, в китайских политических и академических документах заметна новая нюансировка в анализе феномена Глобального Юга в сторону его большей проработанности и широты охвата. В свете этой тенденции думается, что будет откорректирована и практика Китая в том плане, что он станет более оперативно реагировать на сложности в диалоге с Югом, в частности по линии ИПП, долговой проблемы, конкуренции на формирующихся рынках, поведения китайских компаний и работодателей в принимающих странах и пр. Несомненно, КНР предпримет новые шаги по вовлечению Юга в коллективные структуры сотрудничества, ибо Юг, будучи усиливающимся партнёром, нуждается в пристальном внимании, да и в контроле.

* * *

Итак, Китай накапливает опыт сотрудничества с развивающимся «сегментом» планеты, довольно удачно используя дуализм своего статуса как «ответственной мировой державы», второго по мощи мирового экономического лидера с одной стороны и развивающейся страны – с другой. КНР готова к дальнейшему подъёму Юга, при этом не ожидая событий, способных подвергнуть риску её партнёрство с ним. Среднесрочный прогноз отношений «Китай – Глобальный Юг» вполне благоприятен в немалой мере благодаря «синдрому общего врага».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран // Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая. Информ. бюллетень. Москва: ИДВ РАН, 1994. С. 87–104.
- Сафронова Е.И.* Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений? // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. Москва: ИДВ РАН, 2005. С. 204–228.
- Яковлев П.П.* Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27. DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

REFERENCES

- Safronova, E.I. (1994). K voprosu o roli preyemstvennosti i traditsiy v postroyenii sovremennogo politiko-ekonomicheskogo kursa KNR otnositel'no razvivayushchihsy stran [On the role of continuity and traditions in building the modern political and economic course of the People's Republic of China in

relation to developing countries]. *Novyye aktsenty i tendentsii vo vneshney politike Kitaya. Inform. byulleten'* [New accents and trends in China's foreign policy. Inform. Bulletin]. Moscow: IFES RAS: 87–104. (In Russian).

Safronova, E.I. (2005). Rossiya, Kitay i «tretiy mir» na rubezhe vekov: vozmozhno li «vtoroye dykhaniye» otnosheniy? [Russia, China and the "third world" at the turn of the century: is a "second wind" of relations possible?]. *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya. Sostoyaniye, perspektivy* [Russian-Chinese relations. State, prospects]. Moscow: IFES RAS: 204–228. (In Russian).

Yakovlev, P.P. (2001). Global'nyy Yug: kontseptual'nyye podhody i sotsial'no-ekonomicheskiye protsessy [The Global South: conceptual approaches and socio-economic processes]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], Vol. 14: 2: 6–27. DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1. (In Russian).

* * *

Carvalho, G. (2023). Global South: The “Rest” vs the West? *Italian Institute for International Political Studies (ISPI)*, Dec 21. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/global-south-the-rest-vs-the-west-157988> (accessed: May 3, 2024).

Chen Peijie (2023). Brasil e China: um horizonte promissor para o Sul Global. *Opinio Poder360*, Aug 15. URL: <https://www.poder360.com.br/opinio/brasil-e-china-um-horizonte-promissor-para-o-sul-global> (accessed: May 3, 2024).

Escobar, Pepe (2022). 'Peaceful modernization': China's offering to the Global South. *The Cradle Analysis*, Oct 20. URL: <https://thecradle.co/articles/peaceful-modernization-chinas-offering-to-the-global-south> (accessed: May 3, 2024).

Fasulo, F.; Morselli, P. (2022). Is Xi's Counter-Diplomacy Working? *Italian Institute for International Political Studies (ISPI)*, Dec 28. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/xis-counter-diplomacy-working-37146> (accessed: May 3, 2024).

Heine, J. (2023). The Global South is on the rise – but what exactly is the Global South? *The Conversation*, Jul 3. URL: <https://theconversation.com/the-global-south-is-on-the-rise-but-what-exactly-is-the-global-south-207959> (accessed: May 3, 2024).

Hiroyuki, Akita (2023). China and India battle for leadership of Global South. *Nikkei.com*, April 1. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Comment/China-and-India-battle-for-leadership-of-Global-South>. (accessed: May 3, 2024).

Hoang Thi Ha (2023). Why Is China's Global Development Initiative Well Received in Southeast Asia? *Yusuf Ishak Institute (ISEAS)*. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2023-9-why-is-chinas-global-development-initiative-well-received-in-southeast-asia-by-hoang-thi-ha/> (accessed: May 3, 2024).

Lampton, David M.; Wallace, Jeremy; Conrad, Björn (2017). Is China A Developed Country? *Center for Strategic and International Studies*. URL: <http://chinapower.csis.org/is-china-a-developed-country> (accessed: May 3, 2024).

Olander, Eric (2023). China, Latin America, and the Rise of a New Non-Aligned Movement. *The China-Global South Project (CGSP)*, Feb 16. URL: <https://chinaglobalsouth.com/podcasts/china-latin-america-and-the-rise-of-a-new-non-aligned-movement> (accessed: May 3, 2024).

Rampini, Federico (2024). Russia and China: aligning with the Global South? *Aspen Institute*, Feb 4. URL: <https://aspensiaonline.it/russia-and-china-aligning-with-the-global-south> (accessed: May 3, 2024).

Поступила в редакцию: 15.06.2024

Принята к публикации: 10.07.2024

Received: Jun 15, 2024

Accepted: Jul 10, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-31-49

Ружья для самураев: распространение и применение западного стрелкового вооружения в Японии периода Бакумацу (1853–1868)

Романчев Данила Дмитриевич¹

¹ Институт востоковедения РАН

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о распространении современного огнестрельного оружия в Японии переходного периода Бакумацу (1853–1868) и его применении в гражданской войне 1863–1868 гг. В 40–60-е гг. XIX в. мир переживал одну из крупнейших революций в военном деле, перевернувшую подход к ведению войн. Япония, в 1853 г. против своей воли вынужденная выйти из 200-летней изоляции от внешнего мира, также оказалась задета общемировой тенденцией к перевооружению. Столкнувшись с внешним давлением, правительство Японии предпринимало попытки модернизации своих вооружённых сил, однако заполонившее страну оружие оказалось использовано не для отражения иностранной агрессии, а в ходе гражданской войны, следствием которой стали Реставрация Мэйдзи (1868) и глобальные перемены в японском обществе.

Ключевые слова: Япония, огнестрельное оружие, Бакумацу, гражданская война Босин, период Эдо.

Автор: Романчев Данила Дмитриевич, лаборант-исследователь Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12), ORCID: 0009-0007-2363-6051. E-mail: NickName210366@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Романчев Д.Д. Ружья для самураев: распространение и применение западного стрелкового вооружения в Японии периода Бакумацу (1853–1868) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 31–49. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-31-49

Guns for the Samurai: Spreading and use of Western Small Arms in Japan during the Bakumatsu Period (1853–1868)

Romanchev Danila D.¹

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the spread of modern firearms in Japan during the Bakumatsu transition period (1853–1868), as well as their use during the civil war of 1863–1868. In the 1840–60s, the world experienced one of the largest revolutions in military technology, which completely changed the very

approach to warfare. Japan, forced against its will to end its 200-year isolation from the outside world in 1853, was also affected by the global trend toward rearmament. Faced with external pressure, the Japanese government attempted to modernize its armed forces, but the weapons that flooded the country were used not to repel foreign aggression, but during the civil war, which resulted in the Meiji Restoration of 1868 and global changes in Japanese society.

Keywords: Japan, firearms, Bakumatsu, Boshin civil war, Edo period.

Author: *Romanchev Danila D.*, Research Assistant of the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-2363-6051. E-mail: NickName210366@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Romanchev D.D. (2024). Ruzh'ya dlya samurayev: rasprostraneniye i primeneniye zapadnogo strelkovogo vooruzheniya v Yaponii perioda Bakumacu (1853–1868) [Guns for the Samurai: Spreading and use of Western Small Arms in Japan during the Bakumatsu Period (1853–1868)]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 31–49. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-31-49

Революция в сфере огнестрельного оружия в первой половине XIX в.

В 1840–1860-х гг. в мире происходила революция в области стрелкового вооружения. Появились металлические оболочки для пуль (унитарные патроны), самозарядные пистолеты, казнозарядные и магазинные винтовки, продольно-скользящие затворы [Totman 1980: 25–26].

С XVI в. огнестрельное оружие в армиях мира претерпевало незначительные изменения, оставаясь прежним в основе. Это были сначала фитильные, а с XVII в. кремневые мушкеты. Сохранялись главные минусы мушкетов: низкая скорость и медленное заряжание, что вынуждало армии мира адаптироваться к так называемой линейной тактике, которая предполагала плотные ружейные залпы в сторону противника на относительно малом расстоянии; единичные выстрелы были неэффективны [Жук 2021: 16].

Ружейные системы, служившие армиям мира с Наполеоновских войн, начали стремительно меняться вместе с массовым применением нескольких важных изобретений: капсюльного замка и нового типа боеприпасов, а также в связи с общемировым развитием металлургии.

В 1807–1822 гг. был изобретён капсюльный замок, где по стакану из мягкого металла (капсюлю) с зарядом взрывчатого вещества бил ударник, создавая струю пламени, которая по патрубку попадала в ствол, осуществляя зажигание. Это позволило избавиться от осечек кремневого замка, сделало стрельбу из мушкета более эргономичной. С другой стороны, особый медный стакан для капсюльных мушкетов нельзя было изготовить в походе, в отличие от кремня, который можно обточить и установить самостоятельно. Капсюльные мушкеты не имели преимущества ни в скорости заряжания, ни в дальности стрельбы.

Следующим этапом стало внедрение в армиях мира винтовок – ружей с нарезами в стволе. Первые попытки производства нарезного оружия в массовых количествах начались в XIX в. [Сытин 2012: 70–72]. Нарезные ружья, обладавшие заметно большей точностью и пробивной способностью, были известны человечеству уже давно. Однако вплоть до середины XIX в. все они сталкивались с главной проблемой ещё более медленного заряжания, чем у гладкоствольного мушкета. Пули в нарезы ствола приходилось буквально

забивать, проталкивая вниз. Это предопределило статус нарезного оружия как специального, и выдавалось оно лёгким пехотинцам и т.н. егерям.

Для решения проблемы медленной перезарядки нарезных ружей в XIX в. было выдвинуто несколько вариантов. В 1835–1841 гг. создана система Гринера, где в ствол вводилась пуля меньшего диаметра, которая затем расширялась пороховыми газами от выстрела. Таким образом пуля входила в плотный контакт с нарезками и не имела проблем с заряданием. Аналогичный подход имели штуцера Бертера 1832 г., система Тувена 1842 г. и т.д.

Самым удачным вариантом такого подхода стала «пуля Минье» 1848 г., которую разработал Клод Минье (1804–1879) в 1846–1849 гг. [Сытин 2012: 73]. Этот боеприпас позволял эффективно использовать нарезное оружие. Пуля Минье имела углубление, в которое помещался небольшой металлический колпачок. При выстреле «юбка» пули расширялась под давлением колпачка и плотно входила в нарезки. При этом она имела остроконечную форму, что обеспечивало лучшую пробиваемость, а столкновение с человеческим телом наносило страшнейшие ранения. В дальнейшем пули Минье получили разные модификации в других странах: пуля Петерса 1852 г., пуля Нейслера 1854 г. [Сытин 2012: 75].

Армии мира начали модифицировать старые гладкоствольные мушкеты под новый патрон: в 1853 г. появляется винтовка P1853 Enfield, особо популярная в Японии периода *Бакумацу* (калибр .577 (14,7 мм), вес 4 кг, длина 140 см). В 1853 г. в США под использование пули Минье переделывается винтовка Springfield 1842 г., в 1855 и 1861 г. она получает модификации – прицельные приспособления и изменённое строение капсюльного механизма. Она имела калибр 58 (14,7 мм), вес составлял ~4 кг, длина – 140 см. Эти винтовки не обладали превосходством в темпе стрельбы, но были гораздо точнее.

Уже в 1860-е гг. Гражданская война в США и Австро-Прусская война 1866 г. в Европе показали миру превосходство казнозарядных винтовок, которые заряжались не через дуло, а через специальную камеру в основании ствола.

Создание большого количества казнозарядных винтовок стало настоящим прорывом. Тем не менее, конструкторская мысль сильно опережала экономические и технические возможности армий мира. Переход на казнозарядные винтовки окончательно произойдёт в большинстве передовых стран к концу 1860-х гг., однако появляться они начали ещё в 1810–1840 гг. Подходы к перевооружению были разные: кто-то производил оружие с нуля, кто-то модифицировал старые образцы. Каким-то странам удалось быстро произвести оптимальную для своей армии систему (США, Великобритания, Пруссия), в то время как в Российской империи в 1850–1890-е гг. шла «несчастливая ружейная драма», как выразился военный министр Милютин¹.

Винтовочные системы появлялись и исчезали. Уже через год принятая на вооружение винтовка могла устареть, вынуждая искать лучшие варианты. Ситуация окончательно стабилизируется к 1870–90 гг., когда утвердятся стандарты и основные производители казнозарядного вооружения.

Можно привести в пример карабин Холла 1819 г. – он стал первым подобным образцом, поступившим на вооружение армии, в данном случае США. Его модифицировали в 1834,

¹ С 1860 по 1870 г. на вооружение России было принято 7 разных систем, быстро сменявших друг друга.

1842, 1846 гг. [Сытин 2012: 77–78]. Поступал карабин Холла в специализированные части, в то время как основная масса линейной пехоты сохраняла гладкоствольные мушкеты. Пять таких винтовок подарил японцам коммодор Перри в 1854 г.

В Пруссии Иоганн Дрейзе (1787–1867) произвёл мало кем поначалу замеченную революцию, создав первую винтовку со скользящим затвором – «игольчатую винтовку Дрейзе» 1840, которая стала прообразом вооружения будущего. Винтовка Дрейзе обладала огромным преимуществом над мушкетами. Развитием идеи Дрейзе станет французская винтовка Шасспо 1866 г. – верх оружейной науки того времени.

Другой ветвью развития казнозарядных винтовок являлись винтовки с откидным затвором, которые в США назывались trapdoor – «ловушка», а в Великобритании snuffbox – «табакерка». Примерами такого оружия являются Snider-Enfield 1866, переделанный Springfield 1865/1866 г. и прочие образцы. Они имели огромное преимущество по темпу стрельбы, из них можно было совершать до 10 выстрелов в минуту, против 3 у дульнозарядных ружей.

Также в этот период появляются кавалерийские казнозарядные карабины с рычажным заряданием. Карабин Шарпса 1848 г. – типичный представитель подобных систем. Он был запатентован Христианом Шарпсом вместе с рычажным механизмом затвора (калибр .52/54, вес кавалерийской версии – 3,6 кг, пехотной – 4,3 кг). Длина карабина составляла 995 мм, дальность стрельбы до 700 м. Карабин модифицировался в 1848, 1852, 1863 гг. [Сытин 2012: 80] и широко использовался в Гражданской войне в США и в ходе расширения на Диком Западе, всего было произведено свыше 120 000 экземпляров.

Карабин Старра 1858 г. во многом был схож с системой Шарпса (однозарядный, казнозарядный, имел длину 950 мм, калибр .54 (14 мм)). В одном ряду с вышеописанными системами можно рассматривать и карабин Бёрнсайда 1855 г. и многие другие. Их объединяли лёгкость, скорость заряжания, достаточно высокая точность. В ходе Гражданской войны в США, когда масса пехоты была вооружена мушкетами, подобные образцы в руках умелых стрелков могли представлять серьёзную силу.

Существуют свидетельства, что кавалерийский карабин Вэстли-Ричардса использовался княжеством Тёсю в ходе «Летней войны» 1866 г.² [Nagakura 2018: 17–18]. Благодаря особой системе нарезок винтовка обладала высокой точностью.

Самым интересным образцом из числа винтовок этого периода можно назвать магазинную винтовку Спенсера 1860 г., которая была распространена в Японии именно в версии карабина (калибр .52 (13 мм), длина 1200–997 мм). Она вмещала в себя 7 патронов и по скорострельности превосходила конкурентов из числа однозарядных винтовок.

Образцы вооружения в Японии 1840–1869 гг.

К 1840 г. в Японии основным огнестрельным оружием были фитильные мушкеты типа «Танэгасима». Они пробыли на вооружении японских армий почти без изменений с 1540-х до 1860-х гг., их количество в стране достигало порядка 200 000 [Esposito 2020: 40].

² «Второй карательный поход против Тёсю» или «Летняя война» 1866 г. – конфликт между сёгунатом Токугава и непокорным княжеством Тёсю, закончившийся военным и политическим поражением Токугава.

Илл. 1. Аркебуза «Танэгасима» периода Эдо (1600–1868).

Fig. 1. «Tanegashima» arquebus from the Edo period (1600–1868).

Первые попытки закупки современного оружия и создания отрядов западного образца произошли на фоне поражений Цинской империи в Первой опиумной войне 1839–1842 гг. и активизации иностранных судов в водах Японии. В 1840 г. в Нагасаки по инициативе богатого чиновника Такасима Сю:хан (1798–1866) создаётся первое подобное соединение.

Сю:хан был хорошо знаком с «голландскими науками» (*рангаку*), так как был в тесном контакте с голландской торговой миссией в Нагасаки. Через неё он закупил мушкеты и пушки, которыми вооружил корпус порядка 300 человек. Помимо прочего, Сю:хан изучал артиллерийское дело у Дж. В. Стерлера (1774–1855), главы торговой миссии в 1824–1826 гг. В результате Сю:хан разработал подход к организации войска, который назвали «артиллерийским стилем Сю:хан» [Nagakura 2018: 10]. Он внедрял не только западное вооружение, но и тактику управления войском, а также разработал новую униформу, сочетавшую элементы западного и традиционного японского костюма [Jaundrill 2019: 23–24].

В 1841 г. Сю:хан отправился со своими подопечными в окрестности Эдо – Токумаругахара (ныне район Итабаси) – для демонстрации их боевых навыков сановникам сёгуната [Esposito 2020: 19–20]. Люди Сю:хан показывали возможности западной артиллерии, стреляли из ружей, карабинов. В частности, упоминается некое ружьё *якутобюкусу* (яп. ヤクトビュクス) [Nagakura 2018: 10]. Не до конца ясно, что это конкретно за система, но скорее всего речь идёт о «винтовке Бейкера» образца 1800 г. – первой нарезной винтовке на вооружении Великобритании.

Поначалу чиновники были впечатлены тем, чего удалось достигнуть Сю:хан в короткий срок. Оружие и артиллерию *бакуфу* выкупило, а его самого хотели назначить главой специальной школы, однако уже в 1842 г. Сю:хан осудили за самоуправство и арестовали на 4 года.

Кроме того, самураи не изъявляли сильного желания переходить на кремневые образцы, так как считалось, что они менее точны. При выстреле происходил удар кремнем по замку, и это мешало целиться, также был высок процент осечек [Nagakura 2018: 12].

В 1853 г. всё изменилось: Япония оказалась лицом к лицу с иностранной угрозой. На фоне этих событий Сю:хан был прощён и назначен главным инструктором военного министерства. В 1855 г. голландцы основывают в Нагасаки военно-морскую школу с 20 инструкторами, а с 1856 г. Сю:хан участвует в работе военной академии *Ко:бусэ* в районе Цукидзи в Эдо.

Ружья, закупленные Сю:хан в 1840-е гг., дали название целому классу огнестрельного оружия – их прозвали «Гевер» (*Гевер* (ゲベール *зэбэ:ру*, перевод с голландского слова *Geweer* – «ружьё») [Nagakura 2018: 14]. «Гевер» с кремневым замком затем часто модифицировались на капсюльный [Irasuto de miru... 1988: 105]. Капсюльный замок в Японии именовался *дондоруто*: (ドンドル筒, скорее всего от гол. *Dondervuur* «громовой огонь»). Калибр подобных ружей – 17, 5 мм, длина около 150 см.

Илл. 2. Мушкет Bavarian Model 1842, типичный представитель класса «Гевер».

Fig. 2. Bavarian Model 1842 musket, a typical representative of the «Geweer» class.

Были также и случаи переделки фитильных ружей в кремневые и капсюльные уже в Японии. Существовал симбиоз японского фитильного оружия и капсюльного замка (ドンドン銃, *дондору-дзю*:).

Илл. 3. Один из многочисленных примеров переделки японского фитильного огнестрельного оружия в капсюльное

Fig. 3. One of the many examples of converting Japanese matchlock firearms into percussion type

После открытия Японии в 1854 г. импорт стрелкового вооружения начал набирать обороты. Например, в 1855 г. американский торговый корабль привёз партию из 10 000 кремневых ружей по 5\$ за каждое [Esposito 2020: 40–41]. Рост импорта вооружений был заметен и в общем объёме ввозимых товаров [Irasuto de miru ... 1988: 110]. В 1866–1867 гг. 40 % импорта в Нагасаки составляет огнестрельное оружие (33 875 тысяч единиц) [Hellyer, Fuess 2020: 93].

Ниже представлена таблица с данными импорта стрелковых вооружений в трёх основных торговых портах с 1863 по 1869 г. [Нбуа 2007: 99; Hellyer, Fuess 2020: 89].

Таблица 1. Импорт стрелкового вооружения в Нагасаки, Йокогама и Кобэ-Осака, 1863–1869 гг.

Table 1. Import of small arms to Nagasaki, Yokohama and Kobe-Osaka in 1863–1869.

Год	Нагасаки	Йокогама	Кобэ-Осака*	Всего (за год)
1863	–	5817	–	5817
1864	–	11 568	–	11 568
1865	25 850	56 843	–	25 850
1866	21 620	53 000**	–	21 620
1867	65 367	102 333	–	167 700
1868	36 514	106 036	14 285	156 835
1869	19 163	58 613	30 000	107 776
Всего (в порту)	168 514	394 210	44 285	516 844 ³ /607 009 ⁴

* Кобэ-Осака объединены ввиду непосредственной близости.

** В 1866 г. в результате пожара бухгалтерские книги по закупкам в Йокогама были уничтожены. Закупки с мая по декабрь 1866 г. составляли 35 427, поэтому некоторые исследователи приводят ориентировочную цифру в 53 000 за год.

Как видно из таблицы, Нагасаки с 1867 г. стремительно терял статус главного торгового города в пользу Йокогамы, что подтверждается и другими данными статистики [Sugiyama 1984: 120].

Согласно англо-американскому торговому договору 1858 г. торговля оружием и боеприпасами была под полным контролем *бакуфу*, однако уже в 1859 г. старейшиной сёгуната Манабэ Акикацу (1804–1884) было дано разрешение закупать оружие в открытых портах [Machida 2015: 199–201]. Единственное ограничение существовало в Йокогама – туда запрещалось входить с лошадьми (возможно, чтобы ограничить поток людей и товаров). Уже летом 1863 г. ситуация изменится, и *бакуфу* вновь попытается взять торговлю оружием под свой контроль, что окажется связано с началом активной борьбы с радикалами *сонно-дзё-и* в стране [Machida 2015: 202–203].

Ввозимые в начальный период открытия Японии ружья уже устарели к 1850-м гг. Страна оказалась очень выгодным и «жадным» до огнестрельного оружия рынком, куда стали отправлять залежавшиеся на складах кремневые мушкеты.

Основными представителями вооружения этого поколения стали, например, *Vuurstee Geweer 1815*⁵, *Percussie Geweer 1842*⁶, переделанный под капсюль [Nagakura 2018: 14]. Калибр таких мушкетов ~ 17,5 мм, длина ~130–150 мм. Дальность эффективной стрельбы не более 100 м, вес 4–5 кг.

³ Оценка по книге Хо:я То:ру «Босин Сэнсо:» (2007).

⁴ Оценка на основе сведения данных статистики из Хо:я То:ру «Босин Сэнсо:» (2007) и Hellyer, R. and H. Fuess. *The Meiji Restoration. Japan as a Global Nation* (2020).

⁵ Голландский кремневый мушкет, аналогичный французскому образцу «модель 1777» эпохи Революционных войн (1792–1802).

⁶ Модификация голландского мушкета 1815 г. с добавлением нарезов и капсюльного замка.

Ещё одним из наиболее распространённых образцов подобного типа стало дульнозарядное ружьё Bavarian model 1842, которое когда-то стояло на вооружении Баварской королевской армии [Nakanishi 2001: 31]. Эти изначально гладкоствольные ружья были частично переделаны в нарезные и большой партией закуплены Айдзу-хан в 1840-е гг.

Другие ружья типа «Гевер» представляли собой аналогичные образцы старых капсюльных американских Springfield 1842, различные модификации французских ружей Charleville 1777, английских ружей Brown Bess 1722 и т.д., проданных в Японию после 1855 г. Большая часть войск удельных княжеств была снаряжена подобными мушкетами. Все они обладали примерно одинаковыми характеристиками: темп стрельбы 2–4 выстрела в минуту, дальность стрельбы 150–300 м.

Помимо прочего, в Японии было налажено собственное производство подобных мушкетов, в том числе в традиционных оружейных районах, таких как Сакай [Nagakura 2018: 14–15]. Однако сёгунат достаточно быстро отказался от идеи производить своё оружие. В 1862 г. в Японию начали массово проникать ружья нового типа. Их стали именовать по типу пули, которую они использовали – «ружья Минье». Они поступали в Японию из Великобритании, США, Нидерландов, Бельгии, Франции, Австрии.

Илл. 4. Винтовка P1853 Enfield из коллекции музея г. Хакодате.

Фото из личного архива, 2023.

Pic. 4. Rifle P1853 Enfield from the collection of the Hakodate city Museum.

Photo from the author's archive, 2023.

Илл. 5. Остроконечная пуля Минье

Pic. 5. Pointed Minie ball

Наиболее репрезентативным образцом этого поколения является винтовка P1853 Enfield Rifle Musket, которая стояла на вооружении армии Великобритании с 1853 по 1866 г. В Японии её называли *энпи:ру-дзю*: (エンピール銃). В период Гражданской войны 1861–1865 гг. в США попало порядка 900 000 единиц винтовки Энфилда, а после её окончания значительная часть оружия была отдана на экспорт – многие экземпляры «осели» в Гонконге и Шанхае, откуда продавались в Китай, терзаемый Восстанием тайпинов 1850–1864 гг. Оттуда же «Энфилды» стали проникать и в Японию. Изначально подобные образцы были очень дорогими: цена достигала 15 *рё*:⁷ за экземпляр, однако к началу войны Босин она упала, в том числе из-за появления винтовки Snider-Enfield 1866. Дальность её стрельбы достигала 900 м. Существовала и короткая версия винтовки: длина 1225 мм, дальность – до 1140 м⁸. Короткая версия была более любима японцами.

В 1864 г. в торговом порту Йокогама было отгружено порядка 10 000 экземпляров оружия стоимостью в 100 000 *рё*:. Большая часть – дульнозарядные винтовки типа Минье. Лишь 13 % – казнозарядные [Totman 1980: 182, 538]. Можно взглянуть на результат тестировочных стрельб из гладкоствольных мушкетов и мушкетов типа Минье. Всего было произведено 200 выстрелов, ниже приведены результаты попаданий (кол-во из 200) по мишени⁹.

Таблица 2. Результат тестов на меткость гладкоствольных мушкетов и винтовок типа Минье.
Table 2. Accuracy test results for smoothbore muskets and Minié rifles.

Расстояние	Тип оружия	
	Гладкоствольный мушкет	Нарезная винтовка типа Минье
100 ярдов (91,4 м)	149 (74,5 %)	189 (94,5 %)
200 ярдов (182, 8 м)	85 (42,5 %)	160 (80 %)
300 ярдов (274, 3 м)	32 (16 %)	110 (55 %)
400 ярдов (365, 7 м)	9 (4,5 %)	105 (52,5 %)

Как видно из представленных данных, винтовки типа Минье многократно превосходили гладкоствольные мушкеты по точности. Результативность стрельбы с 270 м до 365 м практически не изменилась.

Интересно, что хотя в Японии в 1850-е гг. и не было развитой оружейной промышленности, анализ свинца, используемого в пулях того времени, дал понять, что часть свинца всё же имела японское происхождение, при общей доминации свинца из Великобритании [Aizawa M., Mizota C. ... 2022].

На рубеже 1865–1866 гг. *бакуфу*, осведомлённое о новинках на рынке вооружений, начало закупать высококлассные ружья: в страну начали попадать винтовки Дрейзе, Шасспо, Snider-Enfield, карабин Спенсера [Totman 1980: 182]. Вектор вновь сместился в сторону масштабных закупок [Hellyer, Fuess 2020: 157].

⁷ *Рё*: – денежная единица периода Эдо, рассматривалась как эквивалент 1 *коку* риса, т.е. количество риса, которым можно прокормить одного человека в течение года (~150 кг).

⁸ См.: Walter, J. (1986). Arms and Equipment of the British Army, 1866: Victorian Military Equipment from the Enfield to the Snider. London: Greenhill Books.

⁹ Адаптировано по Нёуа Т. (2007). Boshin sensō. Sensō no Nihon-shi 18. [Boshin War. Military History of Japan, 18]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan.

Илл. 6. Карабины Спенсера и Шарпса из коллекции музея г. Хакодате.

Фото из личного архива автора, 2023 г.

Fig. 6. Spencer and Sharps carbines from the collection of the Nakodate city Museum.

Photo from the author's archive, 2023.

Первыми винтовками нового типа в Японии стали описанные ранее карабин Старра и Шарпса, винтовка Уэстли-Ричардса и т.д. Кроме того, в некотором количестве присутствовали экспериментальная капсульная винтовка со скользящим затвором – карабин Калишера и Терри 1855 г. и швейцарская винтовка Милбанка-Амслера, представлявшая собой модификацию швейцарских дульнозарядных систем с добавленным откидным затворным механизмом. Скорее всего, последняя скрывается под наименованием «ружьё мансо:» (マンソー銃 мансо:дзю:), упоминаемым в японских текстах [Nagakura 2018: 13]. Японцам была знакома упомянутая выше винтовка Спенсера, как и схожая с ней магазинная винтовка Генри 1860 г.¹⁰

Винтовка Дрейзе 1840 г., именуемая в Японии того периода *цунна:рудзю:* (ツンナール銃), совмещала в себе преимущества унитарного патрона и быструю перезарядку посредством продольно-скользящего затвора. Это была т.н. игольчатая винтовка: инициация порохового заряда в патроне осуществлялась с помощью проникновения в него иглы.

Однако, хотя продольно-скользящий затвор Дрейзе в будущем и стал мировым стандартом, в другом отношении эта система уступала конкурентам. Игольчатый принцип накаливания запала вынуждал использовать бумажный патрон, который сильно проигрывал металлическим аналогам. Металлический патрон позволял нивелировать один из главных недостатков казнозарядных систем – выброс пороховых газов в сторону стрелка из-за недостаточной obturation [Жук 2021: 22]. Кроме того, бумажным гильзам «Дрейзе» плохо

¹⁰ Магазинная винтовка Генри — винтовка с рычажным механизмом, известная как основа для культовой винтовки Винчестера американского Дикого Запада. Представляла собой шестнадцатизарядную винтовку с металлическим патроном и рычажным затвором.

подходил японский климат. Ещё один минус – иглы изнашивались, требовали замены и обслуживания. Порох в патронах использовался всё ещё дымный, что вкуче с бумажной оболочкой сильно загрязняло ствол. Многие эти минусы были исправлены системой Шасспо, однако игольчатые винтовки всё равно уйдут в прошлое только в 1870–1880-е гг. Калибр винтовки Дрейзе 15,4 мм, вес 4 кг, длина 143 см, дальность порядка 600 м [Стрелковое оружие 2022: 58].

В период войны Босин домен Вакаяма (Кири), относящийся к побочной ветви Токугава, провёл собственную военную реформу и принял прусскую систему военной организации под руководством немца Карла Копфена (1833–1907), а винтовка Дрейзе была приобретена в качестве основного оружия у компании Lehmann-Hartmann & Co [Bara 2012: 153–171]. К 1871 г. в арсенале домена было 13 970 винтовок [Hellyer, Fuess 2020: 97].

После принятия на вооружение винтовки Мурата¹¹ система Дрейзе использовалась связными, артиллерийскими и другими тыловыми частями, а затем как учебная и в штыковой подготовке.

Другим образцом развития игольчатых систем, попавшим в Японию, является винтовка Шасспо 1866 г. Сёгунат Токугава получил от Наполеона III около 2000–3000 образцов «Шасспо», а также *бакуфу* заказало 30 000 винтовок Дрейзе в Пруссии.

«Шасспо» – французская попытка угнаться за Пруссией – также имела игольчатый механизм и продольно-скользящий затвор. Она исправила многие недостатки «Дрейзе», стала куда более эргономичной. Калибр 11 мм, вес 3,7 кг, длина 1314 см, дальность стрельбы до 1200 м [Стрелковое оружие 2022: 58].

Игольчатые системы импортировались на самом закате эпохи Токугава и по своим характеристикам превосходили конкурентов, однако мало использовались непосредственно в гражданской войне Босин 1868–1869 гг. из-за сложностей с обслуживанием и нехватки специализированных боеприпасов.

Илл. 7. Немецкая винтовка Дрейзе 1840 г. и французская винтовка Шасспо 1866 г.

Fig. 7. German Dreyse rifle 1840 and French Chassepot rifle 1866.

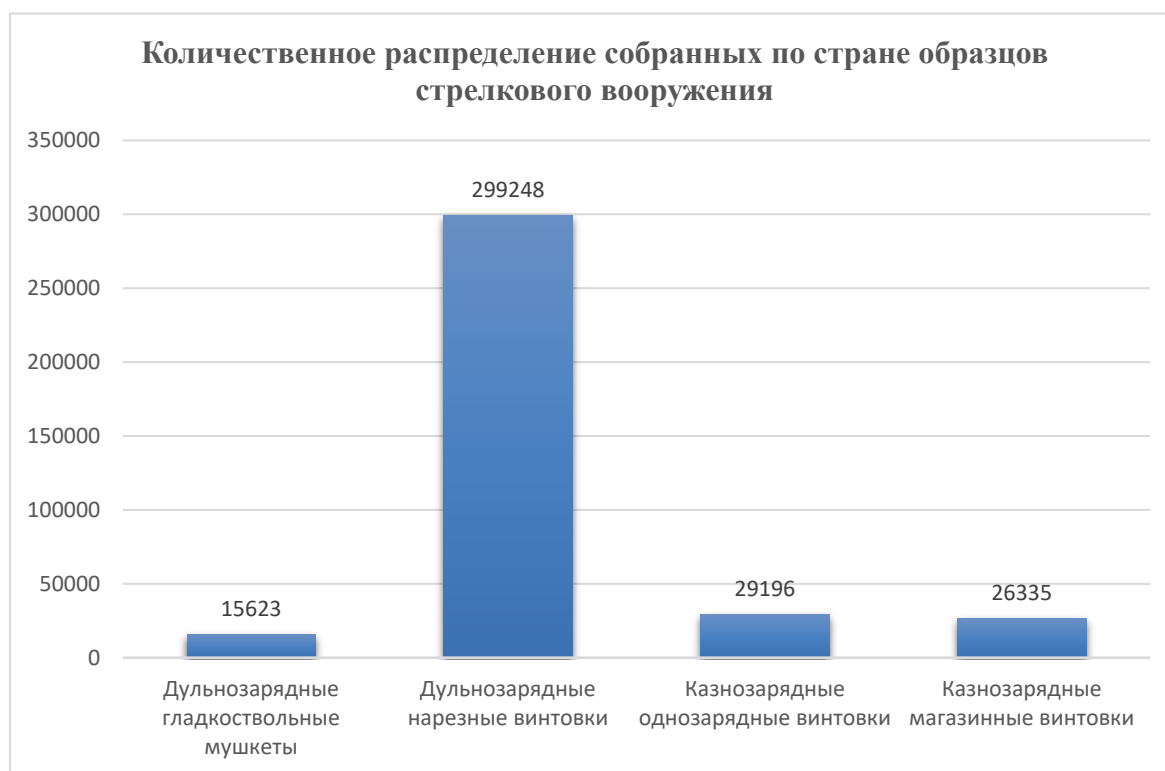
Тем не менее, есть свидетельства использования игольчатых винтовок (скорее всего «Шасспо»¹²) в ходе войны на Хоккайдо. Русский моряк С. Истомин так описывает свою

¹¹ Первая разработанная в Японии винтовка 1885–1918 гг. эксплуатации.

¹² В 1867 г. *бакуфу* заказало из Франции 40 000 единиц «Шасспо», оплатить и получить удалось не более 3000 экземпляров.

встречу с войском лоялистов Токугава, противостоявших армиям т.н. Нового правительства¹³: «На другое утро мы увидели на рейде Кайтэн-мару [один из кораблей флота Токугава], стоящего на якоре у таможни – храбрецов, нарушивших наше спокойствие, в европейских костюмах, со стриженными волосами, вооружённых игольчатыми ружьями» [Истомин 1870: 99].

Далее стоит рассмотреть конкретные статистические данные. По оценкам историка Томио Дэра, за весь период *Бакумацу/Мэйдзи Исин* (1853–1868) в Японию было завезено порядка 700 000 винтовок [Nagakura 2018: 11]. После Реставрации Мэйдзи 1868 г. И окончания войны центральное правительство начало сбор огнестрельного оружия со всех удельных доменов. По подсчётам Нанбо: Хэйдзо: (1898–1992) получилась цифра в 370 402 единицы [Nanbō: 1977: 77].

Среди них:

- Дульнозарядные гладкоствольные мушкеты – 15 623 шт. (4,2 %).
- Дульнозарядные нарезные винтовки – 299 248 шт. (80,9 %).
- Казнозарядные однозарядные винтовки – 29 196 шт. (7,9 %).
- Казнозарядные магазинные винтовки – 26 335 шт. (7,1 %).

Общее кол-во: 307 402 шт. Тем не менее, эта цифра примерно на 200 000 меньше данных статистики британской торговли [Hellyer, Fuess 2020: 91]. Эту разницу можно объяснить тем, что англичане включали в подсчёты личное оружие (пистолеты). Кроме того, после войны Босин часть ружей сразу отдали на экспорт, что также могло стать причиной расхождения в статистике.

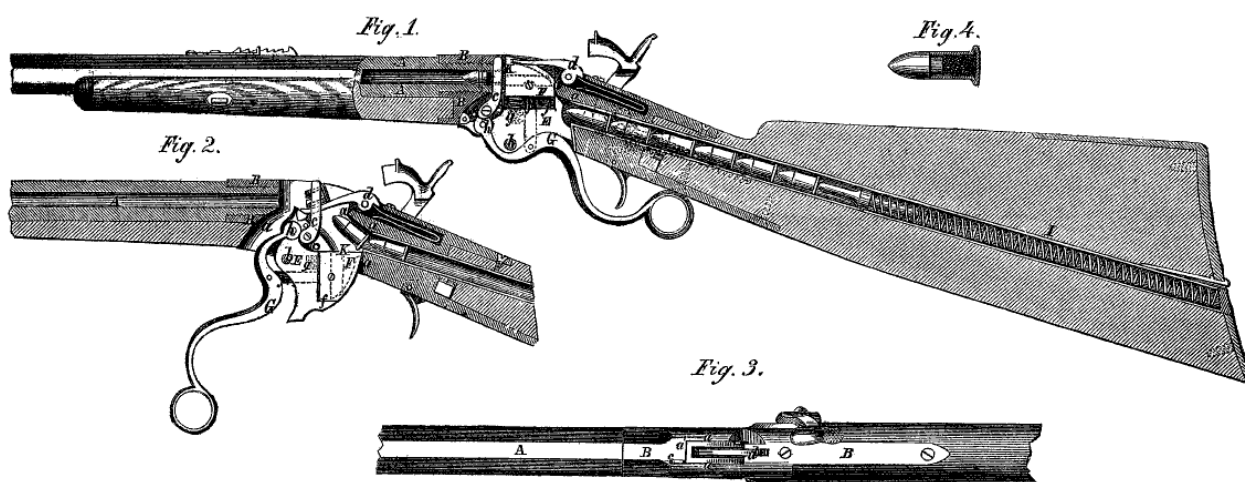
¹³ *Синсэйфу* (Новое правительство) – термин для обозначения власти, возникшей после госпереворота 2 января 1868 г.

Как видно из вышеописанных данных, ружья типа «Минье» в количественном отношении превалировали над всем остальным. Среди общего количества дульнозарядных винтовок типа Минье больше всего было винтовок Enfield 1853 – 53 000 экземпляров [Nagakura 2018: 12–13].

Война Босин продемонстрировала весь спектр стрелкового вооружения: одновременно применялись фитильные, кремневые и капсюльные ружья, магазинные винтовки и дульнозарядные мушкеты. Однако тенденция была такова, что к концу войны большая часть участников перешла на винтовки типа Минье.

По мере того, как система контроля *бакуфу* распадалась, ситуация с импортом вооружения становилась всё более хаотичной [Totman 1980: 538; Hellyer, Fuess 2020: 94]. Каждый удел начал самостоятельно закупать вооружение для своей защиты. В частности, винтовки Snider-Enfield, карабин Шарпса, Springfield начали массово проникать на То:хоку¹⁴ в марте-апреле 1868 г., где ещё шла война Босин [Totman 1980: 539].

Отдельного упоминания заслуживают магазинные винтовки. Карабины Спенсера 1860 г. были особо любимы японцами. Малые габариты, лёгкий вес – всё это было особо важно для небольших японцев. Производство этих систем массово началось в США с 1863 г., и за время Гражданской войны было произведено порядка 50 000 экземпляров. Их особенность представляла трубчатая полость в ложе, куда помещался магазин на 7 патронов. После отстрела всех патронов стрелок вынимал магазин, вкладывал в полость следующие 7 патронов с помощью заготовленной заранее тубы, а затем помещал магазин на место. Зарядание происходило за счёт рычажного механизма.

Илл. 8. Строение карабина Спенсера 1860 г.

Fig. 8. The structure of the Spencer carbine 1860.

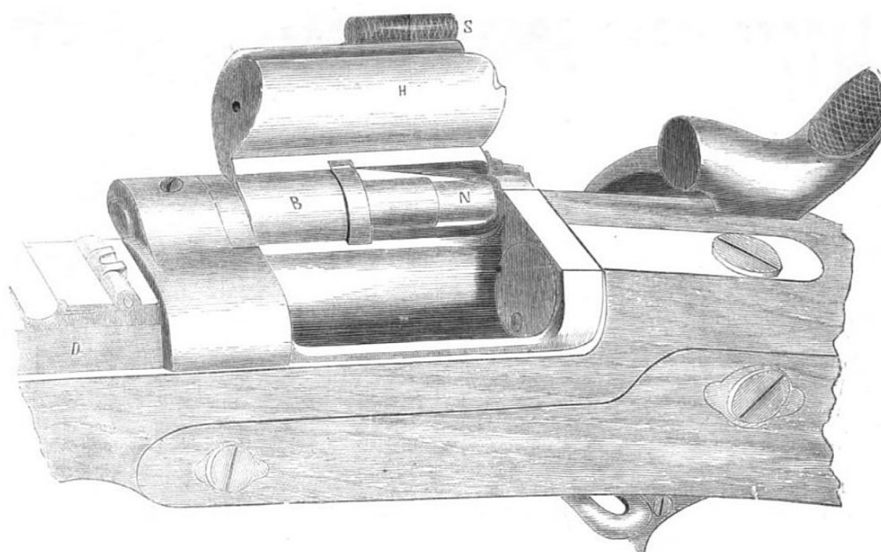
Несмотря на очевидное превосходство, подобные системы не пользовались поддержкой консервативного руководства¹⁵ вооружёнными силами США, хотя и были любимы солдатами. Считалось, что рядовой солдат попросту отстреляет весь свой боезапас в первые минуты боя. Эта логика просуществовала вплоть до Второй мировой войны.

¹⁴ Северо-восточная часть острова Хонсю.

¹⁵ Особенно выступал против использования карабинов начальник вооружения Армии США бригадный генерал Джеймс Риппли (1794–1870).

Основной нишей этих скорострельных винтовок стал гражданский рынок и экспорт. В результате ещё с 1866 г. эти винтовки стали попадать в Японию. Порядка 4700 экземпляров данной системы было завезено в период войны Босин [Nagakura 2018: 13–14; Irasuto de miru... 1988: 105]. Карабины Спенсера стояли на вооружении княжеств Сацума, Сага, а также воинов сёгуната. Тем не менее, встречались и подобные отзывы о системе Спенсера: «Такое магазинное ружьё нельзя назвать по-настоящему магазинным, потому что для заряжания требуется значительное время; вместо этого его следует называть однозарядным ружьём, снаряжённым семью запасными пулями» [Nagakura 2018: 19].

Ещё одна новинка среди образцов стрелкового вооружения, имевшая ограниченное использование в войне Босин – винтовка Snider-Enfield 1866 г. В Великобритании, также как в 1865 г.¹⁶ в США, приняли решение произвести модификацию уже существующих винтовок Enfield в казнозарядный вариант. Обусловлено это было экономической целесообразностью. Выгоднее было модифицировать лежащие десятками тысяч на складах винтовки, сохраняя оригинальный ствол, ложе, курок и ружейный замок, слегка модифицированный под новые методы заряжания. Автором модификации был Джейкоб Снайдер (1811–1866), разработавший «табакерочный» откидной затвор. В ходе испытаний модификации оказались более точными, чем оригинальные винтовки, и намного быстрее стреляли – обученный солдат мог произвести десять прицельных выстрелов в минуту по сравнению с тремя в минуту из дульнозарядного оружия.

Илл. 9. Затвор винтовки Snider-Enfield 1866.

Fig. 9. Snider-Enfield 1866 breech loading principle

В Snider-Enfield использовался новый тип патрона с металлической гильзой, названный «патроном Боксера» в честь создателя. В затворном блоке находился наклонённый вниз ударник, по которому бил курок внешнего замка. Экстрактора гильз не было, поэтому стрелок был вынужден поворачивать винтовку, чтобы гильза выпала. Существовали длинная и укороченная версии, обе были использованы в гражданской войне в Японии. Калибр

¹⁶ В 1865/66 г. Эркин Аллин (1809–1879) разработал метод модификации старых капсюльных винтовок в казнозарядные с помощью выреза в стволе и внедрения туда откидного затвора (вдоль ствола). Данная идея была доработана в 1873 г. и принята на вооружение США.

винтовки .577 (14,7 мм), вес 3,7 кг, длина 1219 мм, эффективная дальность порядка 550 м [Стрелковое оружие 2022: 58]. После войны военное министерство собрало по стране 5140 единиц этого оружия, что составило не более 2,5 % от общего числа [Nagakura 2018: 21].

Snider-Enfield использовался княжеством Сацума, а также княжеством Нагаока, стремящимся отстоять свой «вооружённый нейтралитет» в войне Босин. Хотя Snider-Enfield имел ограниченное использование, доподлинно известно о применении 10 винтовок в битве при Тоногутихара в ходе завоевания Айдзу в 1868 г. [Buki to bōgu... 2008: 26, 148].

Похожая по принципу работы система – американский Springfield 1865/1866 гг. – скорее всего, не имела широкого применения в Японии. Система модернизации дульнозарядных винтовок до казнозарядных, разработанная Эрскином Аллином, в 1865–1866 гг. применялась в ограниченном количестве.

Источники говорят об использовании неких «американских казнозарядных винтовок» в битве за Айдзу: «Осада началась 8 октября 1868 г., но силы лоялистов, хотя и вооружённые американскими казнозарядными винтовками, имели одни лишь 12-ти фунтовые осадные орудия» [Griffis 1915: 144]. Вероятно, что речь здесь идёт о казнозарядных карабинах.

Стоит отметить, что имел место факт модификации ружей Enfield 1853 с целью сделать их казнозарядными. Подобные ружья часто относят к классу Snider-Enfield, однако многие из них имели такой же тип модификации, что и бельгийская винтовка Альбини 1867/68 (яп. アルミ一, *аруми:*), в которой затвор открывался вдоль ствола – метод, называемый в Японии *кацуан-сикки*¹⁷. Модификации по методике Альбини были намного проще, чем по методике Снайдера с его откидыванием вбок.

Отдельного внимания заслуживает статистика закупок огнестрельного оружия у противников Токугава – Сацума и Тёсю. Осенью 1866 г. домен Сацума получил разрешение на покупку 10 000 винтовок. Для того времени это была чрезвычайно большая цифра единоразовой закупки. В итоге Сацума удалось закупить порядка 6598 винтовок партиями по несколько сотен. К началу войны Босин в битве при Тоба-Фусими (27–30 января 1868 г.) в страну было импортировано примерно 4000 [Нōуа 2007: 39, 41].

В статистических книгах закупок указаны только наименования *карабэин* *カラベイン* (слово «карабин», написанное на голландский манер) и *сидзё:дзю:* *施条銃* (нарезное ружьё), но с большой долей вероятности за ними скрываются винтовка и карабин Enfield 1853 (Long и Short Enfield).

В Тёсю отряды ополчения *Кихэйтай*, созданные в 1863 г. в начале гражданских войн периода Бакумацу, использовали ружья типа «Гевер» [Нōуа 2007: 40]. Они быстро поняли важность винтовок как основного орудия войны и начали модернизацию. 4300 винтовок Минье (скорее всего Enfield 1853) были завезены в Тёсю из Сацума при посредничестве японского политического деятеля Сакамото Рё:ма (1836–1867) вместе с более старыми мушкетами типа «Гевер» количеством около 3000 [Нōуа 2007: 42–43].

В данной статье не рассматривается личное оружие (пистолеты) периода Бакумацу, однако можно упомянуть их основные образцы. В стране производились однозарядные пистолеты с капсюльным замком, часть которых переделывалась из кремневых. Однако современные пистолеты впервые попали в Японию в 1854 г. во время визита коммодора

¹⁷ Подобный принцип был использован также в винтовке Бердана № 1 1868 г., винтовке Баранова 1869 г. и т.д.

Перри. Американцы подарили многим государственным деятелям пистолеты – в данном случае револьверы [Dower 2008]. В частности, в коллекции Токийского музея хранится 6-ствольный револьвер типа «pepperbox» 1840–1853 гг. производства¹⁸.

Сложно определить хотя бы примерное количество личного оружия, импортированного в Японию в этот период, поскольку оно ввозилось в индивидуальном порядке, в отличие от закупок винтовок. Хождение имели пистолеты: Colt Dragoon 1848, Colt 1851 Navy, револьвер Le Mat 1861, Smith & Wesson 1857, французский Lefaucheuх 1858/61.

В 1860 г. при убийстве видного политического деятеля Японии того периода Ии Наосукэ (1815–1860) была использована японская копия Colt 1851 Navy¹⁹, а револьвер Smith & Wesson Mod. 2 был личным оружием самурая Сакамото Рё:ма, которым он отстреливался во время покушения в 1866 г.

Илл. 10. Револьвер Colt 1851 Navy из коллекции музея г. Хакодате.
Фото из личного архива, 2023 г.

Pic. 10. Colt 1851 Navy revolver from the collection of the Nakodate city Museum.
Photo from the author's archive, 2023.

Заключение

Говоря об огнестрельном оружии в Японии периода Бакумацу (1853–1868), нужно учитывать несколько факторов.

Во-первых, в Японию импортировались десятки тысяч образцов огнестрельного оружия, однако значительной их части не суждено было оказаться в бою. Несмотря на

¹⁸ Rokurenpatsumu kenjū (Peri ihin). Tokyo National Museum. Image Search. URL: <https://webarchives.tnm.jp/imgsearch/show/C0064923> (accessed: 20.06.2024).

¹⁹ Считается, что в Наосукэ стреляли из копии револьвера, привезённого в Японию Перри в 1854 г. и попавшего в княжество Мито, где с него сделали копию. 17 января 2010 г. в газете Асахи вышла статья «井伊直弼を撃った短銃? 幕末の複製和銃見つかる», где говорилось об обнаружении в частной коллекции в Осака оригинала пистолета, из которого был убит Наосукэ. Тем не менее, возможность производить такое оружие в Японии того периода вызывает сомнения.

огромное количество ружей, зачастую не хватало людей, которых можно было бы ими снабдить. Монополия самураев на военное дело дала о себе знать, и вовлечения народных масс в войну не произошло²⁰. Кроме того, использование передовых винтовок тормозилось неготовностью японских солдат овладеть ими – в 1862 г. сёгунат отказался от покупки швейцарских винтовок ввиду «недостаточной обученности владения таким оружием» [Hellyer, Fuess 2020: 94].

Во-вторых, существовала значительная диспропорция в распределении ружей. Богатейшие 10 кланов Японии заполучили себе три четверти всего объёма импортированного стрелкового оружия, в то время как средние и малые домены довольствовались несколькими сотнями образцов. Больше всего современного оружия было у Токугава – порядка 75 000 экземпляров [Hellyer, Fuess 2020: 91]. В свою очередь у Сацума-Тёсю и ближайших союзников их насчитывалось до 60 000. Например, центральная фигура в войне на То:хоку в 1868 г. – Айдзу-хан – после своего поражения сдал армии Нового правительства всего 2845 ружей и 51 пушку [Hellyer, Fuess 2020: 91]. Даже с таким небольшим количеством оружия люди Айдзу смогли оказать упорное сопротивление войскам Нового правительства. Это позволяет предположить, что в случае должной организации войска сёгуна могли на равных выступить против армии Нового правительства.

Кроме того, в оценке стрелкового оружия в войне Босин важен и феномен «послезнания». Для людей, живущих в то время, не было очевидно, что война закончится в течение года – почти все домены Японии продолжали накапливать оружие и после битвы при Тоба-Фусими. Соответственно, они не имели шанса воспользоваться де-факто имевшимся современным вооружением.

В-третьих, превосходство в новейшем оружии не всегда означало стратегический успех. К моменту битвы при Тоба-Фусими сторонники Токугава имели двукратное превосходство по количеству казнозарядных орудий, однако проиграли, так как «лучшие винтовки Тёсю и Сацума оказались в лучшее время в лучшем месте», как выразился историк Конрад Тотман [Totman 1980: 433].

Конфликты 1863–1869 гг. велись с применением современного вооружения. Япония стала крупным рынком сбыта для стрелкового оружия, 300 000–700 000 ружей попало в страну. За 16 лет Япония «пробежала» путь от фитильных аркебузов до казнозарядных винтовок, броненосцев, современной артиллерии.

Новые образцы вооружения перевернули военную систему Японии, повлияв на исход гражданской войны. В 1867–1868 гг. в стране происходит окончательный отказ от пережитков старой военной системы: упраздняются подразделения лучников и копейщиков по всей стране, воины переходят на стрелковый бой как на основу войны. В ходе битвы за Хакодате в сражении при Футумагути 23 мая 1869 г. отряд лоялистов *бакуфу* выпустил за несколько часов 30 000–35 000 боеприпасов в сторону противника, имея не более 130 человек [Hillsborough 2020: 205–206; Hellyer, Fuess 2020: 163] – явный показатель перемен в войсках.

²⁰ Хотя в 1862–1867 гг. сёгунат включал набор крестьян в свою военную реформу, это происходило за счёт приобщения крестьян к самурайскому сословию, но не стало созданием полноценного рекрутского войска.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Жук А.Б. Винтовки и автоматы. 2-е изд. М.: Мир и образование, 2021.
- Истомин С. Краткий очерк Токугавского восстания на острове Эдзо // Морской сборник. 1870. № 7. С. 97–117.
- Стрелковое оружие / пер. с англ. Махарадзе Г.С. М.: АСТ, 2022.
- Сытин Л.Е. Все об огнестрельном оружии. М.: Астрель, 2012.

REFERENCES

- Istomin S. (1870). Kratkiy ocherk Tokugavskogo vosstaniya na ostrove Edzo [Brief essay on the Tokugawa Rebellion on Ezo Island]. *Morskoy sbornik [Marine collection]*, 7: 97–117. (In Russian).
- Strelkovoye oruzhiye [Small arms]* (2022). Trans. from English by Makharadze G.S. Moscow: AST. (In Russian).
- Syтин L.E. (2012). *Vse ob ognestrel'nom oruzhii [All about firearms]*. Moscow: Astrel'. (In Russian).
- Zhuk A.B. (2021). *Vintovki i avtomaty [Rifles and machine guns]*. 2nd ed. Moscow: Mir i obrazovaniye. (In Russian).

* * *

- Aizawa M., Mizota C., Hosono T., Shinjo R., Furukawa Y., Nobori Y. (2022). Lead isotopic characteristics of gun bullets prevailed during the 19th century in Japan: Constraints on the provenance of lead source from the United Kingdom and Japan. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 41 (2).
- Bara X. (2012). The Kishū Army and the Setting of the Prussian Model in Feudal Japan, 1860–1871. *War in History*, 19 (2): 153–171.
- Buki to bōgu, Bakumatsu-hen [Weapons and protective equipment. Bakumatsu period]* (2008). Bakumatsu gunji-shi kenkyūkai. Tokyo: Shinkigensha. (In Japanese). [武器と防具 幕末編. 幕末軍事史研究会].
- Dower J.W. (2008). *Black Ships & Samurai. Commodore Perry and the opening of Japan (1853–1854). Chapter 7: Gifts.* Massachusetts Institute of Technology. URL: https://visualizingcultures.mit.edu/black_ships_and_samurai/bss_essay07.html
- Esposito G. (2020). *Japanese Armies 1868–1877. The Boshin War and Satsuma Rebellion.* Oxford: Osprey Publishing.
- Griffis W.E. (1915). *The Mikado: Institution and Person. A study of the internal political forces in Japan.* Princeton: Princeton University Press.
- Hellyer R., Fuess H. (2020). *The Meiji Restoration. Japan as global nation.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hillsborough R. (2005). *Shinsengumi: The Shogun's Last Corps.* Tuttle Publishing.
- Hōya T. (2007). *Boshin sensō. Sensō no Nihon-shi 18 [The Boshin War. Military History of Japan, 18].* Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese). [保谷 徹. 戊辰戦争. 吉川弘文館].
- Irasuto de miru Hakodate sensō [A look at the Battle of Hakodate through illustrations]* (1988). Ed. by Inoue Sadakichi. Tokyo: Shinjinbutsu ōraisha. (In Japanese). [井上定吉 (編集). イラストでみる箱館戦争. 新人物往来社].
- Jaundrill D.C. (2019). *Samurai to Soldier: Remaking Military service in Nineteenth-Century Japan.* New-York: Cornell University Press.
- Machida A. (2015). *Gurōbaru Bakumatsu-shi [Global history of the Bakumatsu period]*. Tokyo: Sōshisha. (In Japanese). [町田明広. グローバル幕末史. 草思社].
- Nagakura T., Hōya T., Hakoishi H. (2018). *Boshin sensō no shinshiten, ge [A New Look at the Boshin War, Vol. 2].* Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese). [奈倉 哲三 (編集). 戊辰戦争の新視点 下. 吉川弘文館].

- Nakanishi R. (2001). *Japanese military uniforms. 1841–1929. From the fall of the Shogunate to the Russo-Japanese War*. Tokyo: Dainippon Kaiga.
- Nanbō H. (1977). Meiji Ishin zenkoku shohan no teppō senryoku [The firearm potential of the principalities during the Meiji Restoration]. *Gunjigaku*, 13 (1). (In Japanese). [南坊平造. 明治維新全国諸藩の銃砲戦力. 軍事史学第 13 卷第 1 号 抜刷].
- Sugiyama S. (1984). Thomas B. Glower: A British Merchant in Japan, 1861–1870. *Business History*, 26.
- Totman C. (1980). *The collapse of the Tokugawa Bakufu*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Walter J. (1986). *Arms and Equipment of the British Army, 1866. Victorian Military Equipment from the Enfield to the Snider*. London: Greenhill Books.

Поступила в редакцию: 24.06.2024

Принята к публикации: 28.06.2024

Received: Jun 24, 2024

Accepted: Jun 28, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-50-64

Размышления Си Цзиньпина о дипломатии и китайско-российских отношениях в контексте крупных изменений в международном порядке

Сюй Бо¹,
У Хао¹

¹ Цзилиньский университет, Китай

Аннотация. Современные международные отношения сталкиваются с «глубочайшими изменениями, невиданными за столетие». Эволюция международного порядка является наиболее важной характеристикой этого процесса. Как репрезентация понимания Китаем эволюции международного порядка, «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» считаются главным руководящим принципом современной китайской дипломатии. Они наглядно отражают фундаментальные взгляды Китая на международные отношения, политику крупных стран и международные институты, а также оказывают значительное влияние на развитие китайско-российских отношений. Основными характеристиками современной эволюции международного порядка являются формирование сложной биполярности в структуре власти, изменение доминирующих идей и диверсификация систем многостороннего сотрудничества. Столкнувшись с серьёзными изменениями в международном порядке, Китай считает, что мир вступает в период турбулентности, в котором будет продолжаться процесс перехода власти, в течение которого КНР необходимо и дальше участвовать в глобальном управлении. В «Идеях Си Цзиньпина о дипломатии» отстаивается руководящая роль партии в принятии внешнеполитических решений и выделяются три основные концепции: сообщество единой судьбы человечества, дипломатия крупных стран с китайской спецификой и новый тип международных отношений. Китай и Россия в дальнейшем продолжают поддерживать всеобъемлющее стратегическое партнёрство и координацию в новой эпохе. В то же время, столкнувшись с изменениями в доминирующих идеях, страны могут активизировать сотрудничество в области построения «сообщества единой судьбы» в новую эпоху. В ответ на изменения в многосторонних системах Китай и Россия могут способствовать их дальнейшему альянсу, тем самым развивая «новые типы международных отношений» на многостороннем уровне. Поскольку обе страны занимают значительное место в международной системе, эффективное расширение сотрудничества между Китаем и Россией принесёт большие геополитические и геоэкономические выгоды всему евразийскому региону. В дополнение к этому, взаимодействие и сотрудничество между странами неизбежно сформируют новую модель международной политики в XXI веке.

Ключевые слова: мысли Си Цзиньпина о дипломатии, китайско-российские отношения, глубокие изменения, невиданные за столетие, международный порядок.

Авторы:

Сюй Бо, профессор, директор Центра российских исследований Колледжа исследований Северо-Восточной Азии, Цзилиньский университет (адрес: 2699 Китай, пров. Цзилинь, Чанчунь, ул. Цяньцзинь). ORCID: 0000-0002-0461-4611. E-mail: bxu2@jlu.edu.cn

У Хао, профессор, декан Колледжа исследований Северо-Восточной Азии, Цзилиньский университет (адрес: 2699 Китай, пров. Цзилинь, Чанчунь, ул. Цяньцзинь). E-mail: wuh@jlu.edu.cn

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена по гранту Китайского национального фонда гуманитарных наук (23BGJ049).

Для цитирования: Сюй Бо, У Хао. Xi Jinping Thought on Diplomacy and China-Russia Relations in the Context of Major Changes in the International Order [Размышления Си Цзиньпина о дипломатии и китайско-российских отношениях в контексте крупных изменений в международном порядке] // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 50–64. (На англ.). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-50-64

Xi Jinping Thought on Diplomacy and China-Russia Relations in the Context of Major Changes in the International Order

Xu Bo¹,
Wu Hao¹

¹ Jilin University, China

Abstract. Current international relations are facing “profound changes unseen in a century”. The evolution of the international order is the most important characteristic of this process. As a representative thought of China's understanding of the evolution of the international order, “Xi Jinping Thought on Diplomacy” is considered the main guiding principle of contemporary Chinese diplomacy. It prominently reflects China’s fundamental views on international relations, major-country politics, and international institutions, and will also have a significant impact on the development of China-Russia relations. The main characteristics of the current evolution of the international order are the formation of a complex bipolarity in the power structure, changes in dominant ideas, and diversification of multilateral cooperation systems. Faced with major changes in the international order, China believes that the world is entering a period of turbulence in which the process of power transition will continue, during which China needs to further participate in global governance. The Xi Jinping Thought on Diplomacy advocates the leadership role of the party in China’s foreign policy decision-making and points out three core concepts: a community with shared future for mankind, major-country diplomacy with Chinese characteristics, and a new type of international relations. In the future development of China-Russia relations, both countries will continue to uphold a comprehensive strategic partnership and coordination for the new era. At the same time, when faced with changes in dominant ideas, China and Russia can engage in closer cooperation on how to build “a community of shared future” in the new era. In response to the changes in multilateral systems, China and Russia can promote further alliance, thereby developing “new types of international relations” at the multilateral level. As major countries in the international system, the effective expansion of China-Russia cooperation will bring great geopolitical and geo-economic benefits to the Eurasian region. In addition, the interaction and cooperation between the two countries will inevitably shape the new pattern of the international politics in the 21st century.

Keywords: Xi Jinping Thought on Diplomacy, China-Russia relations, profound changes unseen in a century, international order.

Authors:

Xu Bo, Professor, Director of the Center for Russian Studies of Northeast Asian Studies College, Jilin University (address: Qianjin Street 2699, Changchun, Jilin, China). ORCID: 0000-0002-0461-4611. E-mail: bxu2@jlu.edu.cn

Wu Hao, Professor, Dean of Northeast Asian Studies College, Jilin University (address: Qianjin Street 2699, Changchun, Jilin, China). E-mail: wuh@jlu.edu.cn

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support: The article was prepared within the framework of Chinese National Social Science Foundation Grant (23BGJ049).

For citation: Xu Bo, Wu Hao (2024). Xi Jinping Thought on Diplomacy and China-Russia Relations in the Context of Major Changes in the International Order. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 50–64. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-50-64

Introduction

The acceleration of international order evolution is an important characteristic of international relations in the 21st century. As President Xi Jinping pointed out, “The changes in the world, the times, and history are unfolding in unprecedented ways”¹. As a representative thought of China's understanding of the evolution of the international order, “Xi Jinping Thought on Diplomacy” is considered the main guiding principle of contemporary Chinese diplomacy. It prominently reflects China's fundamental views on international relations, major-country politics, and international institutions. The profound changes in the international order, which have not been seen in a century, are undoubtedly one of the most important propositions of Xi Jinping Thought on Diplomacy. From the perspective of international relations, “the profound changes unseen in a century” are mainly reflected in three aspects. First, from the perspective of power distribution, the international power structure dominated by the West has been severely challenged, and the world's power center is shifting from the Atlantic-Europe region to the Indo-Pacific region. The growth of emerging economies, represented by the BRICS countries, indicates this shift. Second, from the perspective of major-country relations, today they are more competitive than cooperative. This is prominently manifested in the strategic competition between China and the United States, as well as between Russia and the United States, and Russia and Europe, which poses more challenges to the security of the major-countries' peripheries. In this context, China-Russia relations are a stabilizing factor in major-country relations. Third, from the perspective of institutional guarantees, China believes that the world still lacks effective international cooperation systems for the Global South countries, and as such is willing to become a contributor in this field.

The transformation of major-country politics is a key element in promoting the evolution of the international order. As important major countries in the current international system, the foreign strategies and policies of China and Russia are the crucial factors in shaping the international order. The Russia-Ukraine conflict, which broke out in February 2022, is an important manifestation of the current international order transformation, as well as a significant moment in Russia's foreign

¹ 习近平提出，促进世界和平与发展，推动构建人类命运共同体 [Си Цзиньпин выступил с идеей содействия миру и развитию во всём мире и построения Сообщества единой судьбы человечества]. *中华人民共和国中央人民政府* [Госсовет КНР], 16.10.2022. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/16/content_5718834.htm (дата обращения: 27.05.2024).

policy shift. Sergey Karaganov, a renowned Russian scholar, believes that this crisis represents “the end of Russia’s period of trying to integrate into the international order established by the West” [Karaganov 2022]. Russia’s “Pivot to the East” strategy has also entered a new development period due to the impact of the Russia-Ukraine conflict and the transformation of the international order. Since the outbreak of the Russia-Ukraine conflict, Russia has consolidated the cooperation with traditional Eastern strategic partners such as China, India and Iran, as well as strengthened its activities in multilateral systems such as BRICS and the Shanghai Cooperation Organization. For China, the COVID-19 pandemic and the Russia-Ukraine conflict have increasingly reinforced the concept of “profound changes unseen in a century”. Dealing with these changes will be a core issue for China’s diplomacy. The strategic partnership between China and Russia is the core pillar of China’s major-country diplomacy. In this process, China-Russia cooperation and the development of bilateral relations will become increasingly crucial in China’s foreign strategy.

The Main Characteristics of the Evolution of the Current International Order

“International order” is an important concept in the study of international relations. Western, or so-called mainstream international relations theorists, as well as many scholars from non-Western countries and those from critical theory, have extensively explored the theoretical and empirical aspects of international order. In this section, the paper first discusses the research conducted by the scholars from the English school, who have had the most significant impact on the study of international order. It then reviews the various discussions and definitions put forth by the scholars of Western international relations theories. Following this, the paper outlines the discussions on international order by the scholars from non-Western countries and other critical theorists. Finally, it provides an “eclectic” summary of the elements of international order.

As a relatively important branch of the Western international political theory, the English school has conducted many theoretical and empirical studies on international order, making outstanding contributions to the advancement of research in this field. The representative figure of the English school, Hedley Bull, in his work “The Anarchical Society” systematically explained core issues such as the concept of international order. He stated that “international order is the pattern of behavior that seeks to achieve the fundamental or primary goals of the society of states or international society”. He also defined international order as “the arrangement or pattern of international activity that pursues the fundamental, primary, or universal goals of the society of states”. Bull believed that the main foundation of international order is the different states, and the international pattern and the “goals” to be pursued are its important elements [Bull 2003]. Barry Buzan discussed the transformation and evolution of international order from a historical perspective. He stated that “the social and material foundations of power underwent a dramatic change in the 19th century, and this global transformation established the international system we still inhabit today. This system is markedly different from the pre-modern system that preceded it” [Buzan, Zhou Guiyin 2015]. This indicates that Buzan, as a representative scholar of the English school, believed that the elements of international order include both social and material foundations. Additionally, global elements are a crucial part of international order. When changes in the social and material elements are encompassed within the spatial scope of “globality”, the international system and international order will undergo fundamental changes. Ian Clark also explored the issue of international order. He pointed out: “From the perspective of historical

practice, international order is essentially a dynamic process of interaction between the practices of maintaining the hierarchy and dominance of the international system and pursuing its reform” [Yan Jiaojiao 2022]. This shows that Ian Clark introduced the concept and perspective of “hierarchy” in the study of international order. He believed that the elements of international order are the international system and the various actors that either maintain its hierarchy or pursue its reform, along with their interactions.

The so-called mainstream international political theories generally refer to realism, liberalism, and constructivism. Within these three major theories, numerous sub-theories have emerged, such as classical realism, neorealism, and neoclassical realism within realism, and neoliberal institutionalism within liberalism. Scholars of these three major international political theories have conducted detailed discussions on international order from their respective perspectives. They have also, to some extent, absorbed and integrated compatible viewpoints from other schools and theories. For instance, while realism primarily emphasizes the core element of power in international politics, it also considers the importance of ideas and institutional elements. Similarly, scholars from these theories have approached the topic of international order in a comparable manner.

Realist scholars mainly discuss the definition and elements of international order from the perspective of power. However, some of them also address the ideas and institutional issues related to international order. This indicates that, while recognizing power as the core and foundational element of international order, realist scholars also acknowledge the rationality and the importance of elements such as morals, norms, and ideas to varying degrees. Edward Carr, a typical representative of realism, argued that power is the primary element of international order, but moral factors are also significant. In his book “World Order”, Henry Kissinger stated: “World order reflects the concept held by a region or civilization of an unbiased arrangement and distribution of power that it deems universally applicable. International order refers to the application of these concepts in large parts of the world – large enough to affect the global balance” [Kissinger 2015]. This shows that Kissinger also considered power or the arrangement of power to be an important factor in international order. Liberalist scholars primarily discuss international order from the perspective of institutions but still recognize the importance, and even the significance of power issues. In his book “After Hegemony”, Robert Keohane pointed out: “International regimes should not be seen as constituting a new international order that transcends states. Sovereignty remains a constitutional principle among the elements of the international system” [Keohane 2012]. He argued that international regimes should be understood alongside sovereignty, both being important elements of international order, with state sovereignty remaining the foundation for building and advancing international regimes and institutions. Constructivist scholars have discussed international order less frequently, often examining it from the perspective of ideas, norms, and other elements outside of power. Despite discussing international order less than realist and liberalist scholars, constructivist discussions on various issues related to international order, particularly the emphasis on the importance of ideas and interstate relations in international politics, provide a strong critique of related issues in liberalism and realism. This constructivist perspective offers a unique theoretical angle that contributes to the debates on the “convergence” of neorealism and neoliberal institutionalism.

Scholars from non-Western countries and those from critical theory perspectives have also engaged in discussions on various issues of international order, drawing from their respective

theoretical traditions and specific national and cultural backgrounds. Chinese scholars, based on Chinese experiences and Western mainstream international political theories, have proposed numerous insights and discussions concerning international order. Yan Xuetong, in his book “Leadership and the Rise of Great Powers”, pointed out that “since the international pattern is composed of the power structure of major countries and their strategic relationships, the leading country with more allies than its opponents has more opportunities to reshape the international order according to its own intentions. The international order can be divided into structural order and normative order” [Yan Xuetong 2020]. Zhao Tingyang, drawing from the ancient Chinese concept and philosophy of “Tianxia” (All-under-heaven), constructed what he calls the “imagined world order” of “Tianxia order”. He argues: “In order to free the world from the domination of hegemonic systems and to prevent future high-tech wars or comprehensive technological despotism, we need to create a new Tianxia system, a world order that belongs to everyone in the world, thereby transcending the hegemonic logic of the modern era” [Zhao Tingyang 2015].

As mentioned earlier, regardless of the three major mainstream international political theories or various critical theories, all schools have a certain basic consensus on the realities and state of international politics and have absorbed and summarized theories from other schools. This paper attempts to provide an “eclectic” summary and definition of the basic concept of international order. It suggests that international order is the realistic state of international politics formed by sovereign states, based on the power distribution pattern among these states, and constrained by dominant norms and institutional arrangements recognized by all sovereign states. This state is also influenced by numerous non-sovereign political actors. In this definition, the paper still regards sovereign states as the most important actors in international politics, thereby distinguishing “international order” from the broader concepts of “global order” and “world order”, which encompass more actors. At the same time, the paper identifies three main elements of international order: power distribution pattern, dominant norms, and institutional arrangements, with the power distribution pattern being the dominant one. Dominant norms and institutional arrangements exert corresponding constraints on the behavior of countries and the international order. Although the paper still considers states as the most important actors in the international order, it does not exclude non-sovereign political actors, such as multilateral organizations, from the international order. In fact, it believes that these actors also influence the development and transformation of international order to some extent. In certain regions, non-sovereign actors have a uniquely significant impact on local order.

Currently, the international order is undergoing noticeable changes in the following three elements.

Firstly, the power structure in international politics is shifting with the rise of several emerging countries. The international political landscape is experiencing significant changes as the power dynamics among countries shift and evolve. Represented by China, the “Third World” or “Global South” countries are increasingly rising and becoming powerful forces in the international order and its transformation. These countries have transitioned from being excluded from the Western-dominated liberal international order, particularly by the United States, to gradually integrating into the international order and actively promoting its transformation today. The fundamental reason for this change is the relative increase in the power of the Third World or Global South countries and the relative decline in the power of Western countries led by the United States.

Secondly, the dominant norms within the international order are also undergoing transformation. On the one hand, the trend of integrating politics and economy under the context of major-country competition is deepening. The essence of this integration lies in the increasing complexity and global nature of international political issues. Under such conditions, the dominant norms of the international order are likely to undergo a transformation towards political-economic integration. One of the main driving forces behind this shift is the U.S. perception and judgment of China and the global landscape. In the Biden administration's new "National Security Strategy" report, the U.S. directly identified the current era as an "age of competition" and defined the next decade as the "decisive decade". The Biden administration believes that geopolitical competition and global issues mutually influence and transform each other, making security threats more complex. Only by better harnessing the dynamics of the age of competition and striving to win can various threats and challenges be addressed [Wu Fan, Sun Chenghao, Cai Yang 2023]. This perspective continues the Trump administration's attitude towards international dynamics and relations with other major countries and sets the tone for the power structure of the international order for some time, further advancing the development of dominant norms toward political-economic integration.

On the other hand, with the growing importance of non-traditional security issues, especially the worsening global climate problems, countries worldwide have reached a consensus on the severity of climate and ecological issues. Various domestic documents reflect this consensus. Moreover, related conventions and international institutions are also results of the transformation of dominant norms towards emerging governance concepts. In climate governance, the Global South countries are increasingly playing their roles and making contributions. Furthermore, the potential and need for cooperation between the Global South and Global North are also deepening. Studies on climate case laws and climate-related international and domestic laws in the Global South point out that "some climate decisions in the Global South are novel and far-reaching in their findings and remedies provided to claimants. These cases can serve as models for similar cases elsewhere in the Global South" [Peel, Lin 2019]. This demonstrates that there is a certain interactive relationship between the dominant norms of global order and the behavior of state actors. When dominant norms shift, they influence how state actors perceive international order and shape their responses. Once a large number of state actors recognize the new dominant norms, their foreign policies and actions in international politics reflect the transformed dominant norms of the international order.

Finally, with the changes in the power structure and dominant norms, the subsequent transformation is seen in the institutional arrangements based on these elements. The most significant transformation is the development and enhancement of the international speech power of the Global South countries. There are increasing international organizations and institutions led by the Global South countries, with BRICS being the most representative. From June 2009 to January 2024, BRICS established regimes and expanded twice, evolving into a global organization that includes China, Russia, India, Brazil, South Africa, Saudi Arabia, Egypt, the United Arab Emirates, Argentina, Iran, and Ethiopia, covering Asia, Europe, Africa, and South America. "The historic expansion of BRICS has led to qualitative changes in the composition, cooperation regimes, and functional roles of the BRICS cooperation regimes" [Zhai Kun 2023]. The BRICS regimes, encompassing more countries, better represent the common interests of the Global South and their pursuit of international regimes and new international order led by themselves.

Xi Jinping Thought on Diplomacy in the Context of Major Changes in the International Order

The most significant characteristic of current international relations is that the world is undergoing dramatic changes. The primary task of Chinese diplomacy is to respond to these changes and leverage the opportunities they bring to shape China's significant role in the new international order. Broadly speaking, the current changes in the international order that China faces include the following features.

First, the world is entering a period of turbulence. As Xi Jinping stated in his speech at the National Security Work Symposium on February 17, 2017, “To understand the national security situation and maintain national security, we must grasp the rules based on the major changes in the international order” [Feng Weijiang, Zhang Yuyan 2022]. The report of the 20th National Congress of the Communist Party of China also elaborated on the major changes occurring in the international order and its future direction: “On one hand, the historical trend of peace, development, cooperation, and mutual benefit is unstoppable. The popular will and the general trend determine that the future of humanity will ultimately be bright. On the other hand, acts of hegemony, bullying, and zero-sum games pose serious threats. The deficits in peace, development, security, and governance are worsening, presenting unprecedented challenges to human society. In the future, the direction humanity will take depends on the choices made by the peoples of various countries”².

Secondly, China needs to strengthen its participation in international governance. The Belt and Road Initiative proposed by China, the establishment and development of the Asian Infrastructure Investment Bank led by China, and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) regime initiated by ASEAN are effective practices of emerging major countries in pursuing a new international order and promoting international institutions led by themselves. These initiatives have driven the diversification and competitive development of institutional arrangements during the transformation of the current international order. It is worth noting that RCEP, a regional institution in East Asia, is also a significant reflection of changes in institutional arrangements during the transformation of the international order. Countries such as Japan, South Korea, and the Philippines, traditional allies of the United States, are now actively seeking institutional arrangements and related policies that align more closely with their economic development interests and are more independent rather than following the United States. This transformation of institutional arrangements also reflects the trend of power distribution pattern shifting towards the Global South and the Global East. China hopes to play a more important role in this process.

Given China's increasingly complex surrounding environment and diplomatic landscape, Xi Jinping Thought on Diplomacy undoubtedly becomes the fundamental principle for advancing major-country diplomacy with Chinese characteristics in the new era and peripheral diplomacy. Overall, Xi Jinping Thought on Diplomacy can be divided into two levels. At the decision-making logic level, Xi Jinping emphasizes the leadership of the Party in China's diplomacy, stressing that the leadership of the Communist Party of China is the fundamental guarantee of Chinese diplomacy

² 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин: Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплочённо бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX съезде КПК]. *中华人民共和国中央人民政府* [Госсовет КНР], 25.10.2022. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 27.05.2024).

and that major diplomatic decisions should be coordinated and promoted by the Central Committee. This thought also emphasizes the importance of the sinicization of Marxism for Chinese diplomacy and that Chinese diplomacy should serve the great rejuvenation of the Chinese nation.

As for the policy-practice level, especially concerning China's understanding of the contemporary international order, Xi Jinping Thought on Diplomacy primarily comprises the following three core concepts.

First, the major-country diplomacy with Chinese characteristics. According to most Chinese scholars, major-country relations are the fundamental force driving changes in the international system. In major-country diplomacy, China emphasizes the non-confrontational nature of China-U.S. relations, the stability of China-EU relations, and the cooperation between China and Russia. The U.S. has already regarded China as its main competitor, and this view is unlikely to change in the short term. In his China policy speech in May 2022, Secretary of State Antony Blinken stated that China-U.S. relations would remain competitive for the next decade³. Therefore, China's primary goal is to keep China-U.S. relations from crossing the “guardrails” and prevent competition from escalating into a full-scale confrontation. For relations with Europe, China emphasizes the continued development of stable, predictable economic and cultural ties, promoting exchanges between the two major markets.

China-Russia relations are the most stable factor among major-country relations. The current partnership-based, non-alliance cooperation between the two countries provides maximum flexibility and room for adjustment. Both China and Russia believe that their cooperation does not target third countries. Therefore, despite the impact of Western sanctions and international situations on pragmatic cooperation between China and Russia after February 2022, Beijing continues to regard bilateral relations as a “model of new major-country relations”⁴, and their future remains the most stable among all major-country relations.

Second, a community with a shared future for mankind. As China's comprehensive national strength rises, it can exert greater influence on the transformation of the international order. The most important area is the construction of international institutions. China believes that the lack of effective cooperation mechanisms for developing countries and the Global South is a significant flaw in the post-Cold War international institutional arrangements. In recent years, China has proposed multiple cooperation frameworks. Among them, representative achievements include the Belt and Road Initiative (BRI) and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). For China, within the framework of the “community with a shared future for mankind”, countries can form more effective interdependence through stronger institutional ties, thereby changing the “zero-sum game” and “security dilemma”. This concept is derived from Chinese classical philosophy and China's practical experience in post-Cold War interactions with East Asian countries. With the U.S. Indo-Pacific Strategy increasingly targeting China, China has also focused more attention on neighboring regions. The emergence of new regional economic cooperation multilateral frameworks, such as the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), is a result of this focus.

³ Antony J. Blinken. The Administration's Approach to the People's Republic of China. *Department of State*, May 26, 2022. URL: <https://www.state.gov/the-administrations-approach-to-the-peoples-republic-of-china/> (accessed: 27.07.2024).

⁴ Си Цзиньпин. Упорно двигаться вперёд, к новым перспективам дружбы, сотрудничества и совместного развития Китая и России. *Российская Газета*, 20.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/20/uporno-dvigatsia-vpered-k-novym-perspektivam-druzhby-sotrudnichestva-i-sovmestnogo-razvitiia-kitaia-i-rossii.html> (дата обращения: 27.05.2024).

Third, the new type of international relations. In the face of the rapid evolution of the international order, existing interstate relations, especially those between major countries, are increasingly unable to address the challenges of the 21st century. Therefore, countries need to establish sustainable bilateral relations, namely a “common and sustainable security concept”. Unlike other Chinese leaders, Xi Jinping views active participation in global governance as a crucial source of China's legitimacy in the international system. Consequently, China has shown a more proactive attitude towards addressing global issues than before. For example, the Chinese government has set goals to peak carbon emissions before 2030 and achieve carbon neutrality by 2060⁵ to address the development of the field of climate change. At the same time, China also pays more attention to rule-making in new international governance areas, including cyberspace, maritime, Arctic, and digital fields. From the U.S. perspective, China's increasing involvement in international governance poses a challenge to its global hegemony. As a result, current China-US strategic competition has become more focused on emerging industries such as high technology, industrial chains, and the formulation of industrial regulations.

As the guiding principle of China's foreign policy today, Xi Jinping Thought on Diplomacy reflects the impact of 21st-century international order changes on China's overall foreign relations. As an indisputable major country in today's international system, changes in China's diplomatic philosophy will undoubtedly shape the transformation of the international order, profoundly affecting all of China's foreign relations, including China-Russia relations.

China's Diplomacy and China-Russia Relations in the Context of Major Changes in the International Order

Under the guidance of Xi Jinping Thought on Diplomacy, the following aspects are considered key directions for the future development of China's diplomacy in response to the rapidly evolving international order.

First, the major-country relations. Major-country relations directly affect the stability of the world order and are the most critical direction of China's diplomacy. China places great emphasis on stabilizing China-U.S. relations. The U.S. has come to regard China as its sole long-term systemic competitor. Despite China's increasingly firm responses to the strategic competition posed by the United States, it still hopes to stabilize China-U.S. relations in order to create a favorable development environment. China also views its relations with Russia as a model of major-country relations, advocating for the continued deepening of strategic cooperation with Russia. For Beijing, the China-Russia strategic cooperation is vital for the implementation of the Belt and Road Initiative.

Second, relations with neighboring countries. Compared to previous Chinese leaders, Xi Jinping pays the most attention to China's diplomacy with its neighbors. Beijing considers neighborhood diplomacy as its primary task. The Korean Peninsula nuclear issue is the most significant potential risk in China's neighborhood diplomacy. China hopes to encourage North Korea, South Korea, and the United States to maintain relatively stable relations, as this concerns

⁵ 力争 2030 年前实现碳达峰, 2060 年前实现碳中和——打赢低碳转型硬仗 [Всеми силами стремиться достичь пика выбросов углерода к 2030 г., а к 2060 г. достичь углеродной нейтральности – победить в тяжёлой борьбе за низкоуглеродную трансформацию]. 中华人民共和国中央人民政府 [Госсовет КНР], 02.04.2021. (На кит.). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-04/02/content_5597403.htm (дата обращения: 27.05.2024).

the security of China's northeast region. Additionally, China advocates for stable and predictable bilateral relations with neighboring countries such as Japan and India, aiming to minimize the adverse effects of the U.S. Indo-Pacific strategy on China's regional security.

Third, a community of shared future for mankind. The “community of shared future for mankind” is the most prominent achievement of Xi Jinping Thought on Diplomacy. Beijing advocates replacing the Western-led universal values with the common values of all humanity, emphasizing development and security. In terms of development, Beijing continues to push for economic globalization and multilateralism in economic activities, with Xi Jinping placing a strong emphasis on green and low-carbon development. In the report of the 20th National Congress, President Xi has repeatedly emphasized on environmental issues. In the security domain, China advocates for a transparent and sustainable security framework in Asia, especially East Asia, while opposing the formation of alliances that create a zero-sum game world.

As for China-Russia relations, Russia is undoubtedly China's most crucial external partner. Changes in China's diplomatic concepts and the evolution of the international order will collectively shape China's policy towards Russia. In addition, the development of China-Russia relations must align with the characteristics of the changing international order to maximize the benefits of the partnership. The new shocks brought about by the COVID-19 pandemic and the Russia-Ukraine conflict since 2020 have further impacted the international order. In this context, China-Russia relations should seek new cooperation topics to maintain the stability of the strategic partnership amid the evolving international order.

The stable and friendly development of China-Russia relations is seen as a key factor in China's diplomacy and plays a unique role in promoting Eurasian integration. After the Ukraine crisis in 2014, the Chinese government actively responded to Russia's “Greater Eurasian Partnership” proposal and reached a consensus to establish a comprehensive Eurasian partnership⁶. Amid the Russia-Ukraine conflict and the accelerated transformation of the international order, how China and Russia enhance political trust and effectively improve their cooperation levels in the intense Eurasian geopolitical competition is not only crucial for the development of Russia's “Pivot to the East” strategy but is also an important consideration for China's future diplomatic layout.

Firstly, maintaining the continued development of the China-Russia strategic partnership will be a key component of “major-country diplomacy with Chinese characteristics” in the face of changes in the international power structure. In the political domain, China and Russia need to reach a consensus on further deepening their cooperative relationship during the transformation period of the international order to ensure the healthy development of the new type of major-country relations between the two countries. The sanctions imposed on Russia by the U.S. and European countries after the Russia-Ukraine conflict have not only heightened the threats Russia faces in the geopolitical security field but also profoundly affected the overall geopolitical competition landscape in the Eurasian region. The strengthening of the U.S.-Japan-South Korea trilateral cooperation and the enhanced geopolitical status of Central Asia have made regional political competition more complex, impacting the overall foreign strategy and national security of China and Russia. Against this backdrop, the cooperation between China and Russia to achieve mutual benefits and maintain regional stability will provide a solid foundation for the international

⁶ 中华人民共和国和俄罗斯联邦联合声明 [Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации]. *新华网* [Синьхуа], 26.06.2016. (На кит.). URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2016-06/26/c_1119111908.htm (дата обращения: 27.06.2024).

order. Firstly, in opposing U.S. regional hegemonic actions, it is important to further prevent the “NATO-ization” of the Asia-Pacific region. The increased power projection of NATO in the Asia-Pacific region after the Russia-Ukraine conflict threatens the common security interests of China and Russia and increases the anxiety of Eurasian countries regarding the geopolitical security environment. With Japan and South Korea clearly aligning with NATO and the U.S.-Japan-South Korea trilateral relationship strengthening in the military domain, maintaining the stability of the development space in the Eurasian region is crucial for both China and Russia. Secondly, in deepening cooperation among countries in the Eurasian region, both China and Russia are willing to expand their cooperation scope. Under the backdrop of Russia facing comprehensive suppression by the “collective West” and the Biden administration's implementation of the “Indo-Pacific Strategy”, strengthening cooperation with Central Asia, ASEAN, and other regions and major countries on the basis of China-Russia friendly cooperation is the key to promoting the “Greater Eurasian Partnership” and stabilizing the healthy development of major-country relations in the region. Facing common fundamental interests, China and Russia signed a joint statement in 2023 on deepening the comprehensive strategic partnership in the new era, emphasizing that the two countries have a non-alliance, non-confrontational, and non-targeting third-country relationship model. They will continue to jointly build the “Belt and Road” Initiative and the “Greater Eurasian Partnership”⁷.

Secondly, in light of the changes in dominant ideologies, China and Russia can engage in closer cooperation on building a “community of shared future” for the new era. In the economic domain, the alignment of the China-Russia Belt and Road Initiative with the Eurasian Economic Union can deepen economic ties between the two countries while promoting the “Greater Eurasian Partnership”. The Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union, as external strategies of China and Russia, both aim to integrate the resources of Eurasian countries and maintain regional development stability. Especially in the context of long-term comprehensive suppression by the West after the beginning of the special military operation, the alignment and cooperation initiatives between China and Russia can alleviate the complexity of Russia's economic development situation under sanctions to some extent and further promote the implementation of integration in the Eurasian region. Additionally, the alignment of economic cooperation initiatives between China and Russia highlights the importance of cooperation in mitigating existing development obstacles and consolidating regional economic and security environments in the context of the international order transformation. Chinese scholars believe that China and Russia can enhance their cooperation in the Eurasian region by building regimes and expanding topics in response to new realistic challenges [Chen Xiaoqin, Zhang Tingting 2023]. Under the context of comprehensive economic and trade, semiconductor, and other sanctions imposed on Russia by the U.S. and Europe, as well as the global green development concept of climate governance, topics such as strengthening the “de-dollarization” process, exploring high-tech research and development cooperation, and promoting green energy cooperation are crucial. On the one hand, these efforts can accelerate China's economic growth and enhance mutually beneficial cooperation with the countries along the Belt and Road. On the other hand, they can help Russia bypass Western sanctions to some extent through its

⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. *Администрация Президента России*, 16.05.2024. URL: <http://kremlin.ru/supplement/6132> (дата обращения: 16.06.2024).

“Pivot to the East” strategy, thereby deepening China-Russia relations and jointly promoting the “Greater Eurasian Partnership”, which holds significant strategic importance.

Thirdly, facing changes in multilateral systems, China and Russia can promote further alignment to develop the “new-type international relations” at the multilateral level. For a long time, in the liberal international order established and led by the United States, many international institutions and regimes created and dominated by the U.S. were the only options available to countries globally. Currently, the emergence of “diverse and competitive multilateral institutions” has become another significant feature of the international order transformation. With the rise of the emerging market countries and the collective ascent of middle powers, a series of new regional and multilateral cooperation regimes are providing more institutional participation options for the Global South countries. As the power structure shift, the reform and transformation of the existing international regimes and institutions is an inevitable trend in their historical development. Some existing international regimes and institutions have become outdated relative to today’s international political realities. For example, many international institutions founded by the Western developed countries are still controlled and managed by these countries, with limited influence for emerging major countries. These outdated international institutions failed to meet the needs and demands of emerging countries. The Asia-Pacific region is currently witnessing the emergence of multiple regional cooperation mechanisms, including RCEP, CPTPP, and IPEF. The diversity of cooperation mechanisms is restructuring industrial and value chains across East Asia and the entire Eurasian region. Furthermore, promoting a global partnership platform based on the Shanghai Cooperation Organization and the BRICS will facilitate the establishment of well-ordered and predictable international relations.

Conclusion

The outbreak of the Ukrainian crisis marks a further acceleration in the transformation of the international order. In this era of change, strengthening the strategic partnership between China and Russia will contribute to maintaining stability in their relations. Several aspects of cooperation are particularly important for China-Russia collaboration in this changing era.

Firstly, jointly promoting multipolarity in the world. Advancing multipolarity is a significant goal in China's foreign policy. It is also a crucial area for interaction between China and Russia. In the recently released National Security Strategy Report by the Biden administration, both Russia and China are seen as threats to the U.S. hegemony⁸. The United States has also designated the coming decade as a critical period of major-country competition. Therefore, jointly promoting multipolarity and preventing the United States from further compressing the strategic space of China and Russia through the “NATO-ization” of the Indo-Pacific region will be an important area of future cooperation between them.

Secondly, jointly maintaining strategic stability in the Eurasian continent. With the rise of populism and hegemonism, strategic stability in Eurasia is facing severe challenges. Beijing and Moscow are the key forces in maintaining stability in Eurasia. Both countries can work together within frameworks such as the Shanghai Cooperation Organization and BRICS to uphold regional stability. Additionally, a positive China-Russia-India triangular relationship is beneficial for Eurasia.

⁸ National Security Strategy. *White House*, Oct 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 27.06.2024).

Thirdly, expanding cooperation in emerging fields. Both Beijing and Moscow recognize that climate change issues will significantly impact future international political developments. Therefore, while continuing cooperation in the field of traditional energy, China and Russia should accelerate joint research and utilization of non-traditional and renewable energy sources. Moreover, facing U.S. pressure in high-tech fields, both countries can expedite their collaboration in high-tech domains.

As major countries in the international system, the effective expansion of China-Russia cooperation will bring great geopolitical and geo-economic benefits to the Eurasian region. Meanwhile, in a changing world, the areas of cooperation between China and Russia should also evolve to reflect changes in the international order. As the world undergoes “profound changes unseen in a century” and is guided by Xi Jinping Thought on Diplomacy, China's foreign policy is consistently aimed at upholding global peace and stability. In this context, the cooperation between China and Russia is facing new issues and opportunities. Their interaction and cooperation in these new areas will undoubtedly shape a new pattern of international politics in the 21st century.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 5 (117). С. 6–18. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18

REFERENCES

Karaganov S.A. (2022). Ot ne-Zapada k mirovomu bol'shinstvu [From the Non-West to the World Majority]. *Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Politics]*, 5 (117): 6–18. (In Russian). DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18

* * *

Barry Buzan, Zhou Guiyin (2015). Global Transformation and the Evolution of International Order. *Foreign Affairs Review*, 6: 14–20.

Chen Yiyuan (2023). The Motives and Measures of the U.S. Promoting NATO's 'Eastward Expansion' into the Indo-Pacific in the Context of the Ukraine Crisis. *World Economic and Political Forum*, 6: 26–48.

Chen Xiaoqin, Zhang Tingting (2023). The Realistic Path and Prospects of the Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union (EAEU) Integration in the Context of the Russia-Ukraine Conflict. *Country and Area Studies*, 7 (3).

Feng Weijiang, Zhang Yuyan (2022). Shijie bainian weiyou zhi da bianju [Profound Changes Unseen in a Century]. *Jingji yanjiu [Economic Research Journal]*, 6: 4–12. (In Chinese). [冯维江, 张宇燕. 世界百年未有之大变局. 经济研究. 2022年. 第6期].

Hedley Bull (2007). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Palgrave Macmillan, 1977.

Henry Kissinger (2015). *World Order*. Penguin Publishing Group, 432 p.

Peel J., Lin J. (2019). Transnational Climate Litigation: The Contribution of the Global South. *American Journal of International Law*, 113 (4): 679–726. DOI <https://doi.org/10.1017/ajil.2019.48>

Kenneth Waltz (2003). *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1979.

Ling Shengli (2017). Ju you zhanlüe: Zhong Mei Yatai zhudaoquan jingzheng fenxi [Refusal Strategy: Competition for Dominance in the Asia-Pacific between China and the United States]. *Dangdai Yatai [Contemporary Asia-Pacific]*, 1: 109–138, 159–160. (In Chinese). [拒优战略: 中美亚太主导权竞争分析. 当代亚太. 2017年. 第1期].

- Robert Keohane (2005). *After Hegemony*. Princeton University Press, 320 p.
- Wang Hao (2014). Zhong Mei xinxing daguo guanxi goujian: lilun toudi yu lishi bijiao [Constructing a New Type of Major-country Relations between China and the United States: Theoretical Perspective and Historical Comparison]. *Dangdai Yatai [Contemporary Asia-Pacific]*, 5: 51–75, 157–158. (In Chinese). [中美新型大国关系构建：理论透视与历史比较。当代亚太。2014年。第5期].
- Wei Zongyou, Tang Jie (2024). E Wu chongtu, Meiguo Yintai zhanlue xin fazhan yu guoji zhixu [The Russia-Ukraine Conflict, New Developments in the U.S. Indo-Pacific Strategy, and the International Order]. *Eluosi Dongou Zhongya Yanjiu [Russian, East European & Central Asian Studies]*, 1: 17–40. (In Chinese). [韦宗友、汤杰。俄乌冲突、美国印太战略新发展与国际秩序。俄罗斯东欧中亚研究。2024年。第1期].
- Wu Fan, Sun Chenghao, Cai Yang (2023). Baideng zhengfu “Guojia anquan zhanlue” baogao pingxi ji qishi [Analysis and Implications of Biden Administration's 'National Security Strategy' Report]. *Qingbao zazhi [Journal of Information]*, 42 (3). (In Chinese). [拜登政府《国家安全战略》报告评析及启示。情报杂志。第42卷。第3期].
- Xu Bo (2023). Russia's “Pivot to the East” strategy in the Context of International Order Transformation: Power Structure, Dominant Standards, and Institutional Arrangements. *Northeast Asia Forum*, 32 (3): 65–80, 128.
- Yan Jiaojiao (2022). Dengjizhi, zhengdangxing, baquan: Yien Kelake dui Yingguo xuepai lilun fazhan de gongxian [Hierarchy, Legitimacy, and Hegemony: Ian Clark's Contribution to the Development of English School Theory]. *Guoji zhengzhi yanjiu [International Politics Studies]*, 3: 119–141. (In Chinese). [等级制·正当性·霸权·伊恩·克拉克 对英国学派理论发展的贡献。国际政治研究。2022年。第3期].
- Yan Xuetong (2019). *Leadership and the Rise of Great Powers*. Princeton University Press, 280 p.
- Yan Xuetong (2016). Wuxu tixi zhong de guoji zhixu [International order in an anarchic system]. *Guoji zhengzhi kexue [Quarterly Journal of International Politics]*, 1: 1–32. (In Chinese). [阎学通。无序体系中的国际秩序。国际政治科学。2016年。第1期，第1–32页].
- Zhai Kun (2023). Jinzhuan guojia hezuo jizhi xitong yanjin de dongli yu qianjing [Dynamics and Prospects of the Systematic Evolution of the BRICS Cooperation Regimes]. *Yuwai guan cha [Overseas Observation]*, 24: 112–116. (In Chinese). [翟昆。金砖国家合作机制系统演进的动力与前景。域外观察].
- Zhao Tingyang (2015). Tianxia zhixu de weilaixing [A Possible World of The All-under-heaven System]. *Tansuo yu zhengming [Exploration and Free Views]*, 11: 7–21. (In Chinese). [天下秩序的未来性。探索与争鸣。2015年。第11期].

Поступила в редакцию:	26.06.2024	Received:	Jun 26, 2024
Принята к публикации:	28.07.2024	Accepted:	Jul 28, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-65-79

Становление КНР как крупнейшей судостроительной державы мира (1949–2019 гг.)

Александрова Мария Викторовна^{1,2},
Мустафаева Элеонора Джабировна²

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

² Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Судостроительная промышленность является типичной стратегической отраслью и из-за своей высокой значимости понимается как комплексная. Авторы на основании иностранных первоисточников впервые в российской научной литературе исследуют путь, который прошла судостроительная отрасль КНР от «появления из ничего» до положения крупнейшей во всём мире – всего пять главных этапов развития. Рассмотрены ключевые шаги, осуществлявшиеся в процессе формирования отрасли, как на уровне создания министерств и ведомств, так и на уровне зарождения и развития научных центров. Достаточно детально исследована база важных государственных документов, связанных с поддержанием и стимулированием развития судостроения. Проанализированы достижения и изучены слабые стороны современной китайской судостроительной промышленности. Показано, как постепенно, от этапа к этапу, Китай поднимался на лидирующее место в мировом судостроении, какие усилия были предприняты государством на этом пути.

Ключевые слова: КНР, кораблестроение, судостроительная промышленность, зарубежные технологии, экспорт судов, избыточные мощности, слияние и поглощение, высокая добавленная стоимость.

Авторы: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11). ORCID: 0000-0001-7257-5573. E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Мустафаева Элеонора Джабировна, магистр, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11). ORCID: 0009-0004-7664-4272. E-mail: elnrmstfv@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0009 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие РФ и КНР в межгосударственной, экономической, других практических областях и во внешнеполитической сфере, в том числе в многосторонних форматах (РИК, БРИКС)»).

Для цитирования: Александрова М.В., Мустафаева Э.Д. Становление КНР как крупнейшей судостроительной державы мира (1949–2019 гг.) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 65–79. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-65-79

The emergence of the PRC as the largest shipbuilding power in the world (1949–2019)

Alexandrova Maria V.^{1,2},
Mustafaeva Eleonora Dzh.²

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

² Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University

Abstract. Shipbuilding is a typical strategic industry and, due to its high importance, is known as a complex one. The authors, based on foreign primary sources, for the first time in Russian scientific literature explore the path that the shipbuilding industry of the PRC has taken from “emergence from nothing” to the position in the largest shipbuilding country in the world, i.e. five main stages of development. The article describes the key steps taken towards the formation of the industry, both at the level of the creation of ministries and departments, and at the level of the emergence and development of scientific centers. The important government documents related to maintaining and stimulating the development of shipbuilding are studied in sufficient detail. The authors analyze the achievements and weaknesses of the modern Chinese shipbuilding industry. It is shown how China gradually rose to a leading position in the world shipbuilding from stage to stage, and what efforts were made by the state along this path.

Keywords: PRC, shipbuilding, shipbuilding industry, foreign technologies, ship export, excess capacity, mergers and acquisitions, high added value.

Authors: Alexandrova Maria V., PhD (Economics), Leading Research Fellow of the Center “Russia, China, the World”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation); Associate Professor, Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7257-5573. E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Mustafaeva Eleonora Dzh., Master of Arts, Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation). ORCID: 0009-0004-7664-4272. E-mail: elnrmstfv@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0009 “The modern foreign policy of the People's Republic of China and the interaction of the Russian Federation and the People's Republic of China in interstate, economic, other practical areas and in the foreign policy sphere, including in multilateral formats (RIC, BRICS)”).

For citation: Alexandrova M.V., Mustafaeva E.Dzh. (2024). Stanovleniye KNR kak krupneyshey sudostroitel'noy derzhavy mira (1949–2019 gg.) [The emergence of the PRC as the largest shipbuilding power in the world (1949–2019)]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 65–79. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-65-79

Судостроительная промышленность является важной движущей силой, поддерживающей экономическое и социальное развитие страны. В настоящее время в КНР сформирована крупномасштабная структурно-оптимизированная система судостроения. За 70 лет она прошла путь от своего основания в 1949 г. до положения крупнейшей в мире к концу первого десятилетия XXI в. Авторы исследования намерены показать основные этапы развития китайского судостроения с 1949 г. по конец 2019 г.

О степени изученности темы в российской науке. В настоящей статье впервые в российском научном дискурсе осуществлена попытка комплексного и систематизированного анализа развития судостроения КНР с момента образования молодой социалистической республики до начала 2020 г. На протяжении последнего десятилетия в связи с возвышением Китая в мировой экономике и, в том числе, в судостроительной отрасли, рядом российских исследователей изучались «точечные» вопросы, напрямую или косвенно связанные с развитием судостроения КНР. Необходимо обратить внимание на следующие публикации: статьи «Китай – мировой лидер в морских перевозках и судостроении» [Ильинская, Лозинский, Сазонов 2023] и «Судостроение в Китае: готовность к новым вызовам» [Магдалинская 2018], а также на авторскую монографию «Морские порты Китая: современное состояние и перспективы» [Семенова 2023]. Среди ключевых работ по данной теме на английском языке особый интерес представляет исследование Военно-морского колледжа США «A Comprehensive Survey of China's Dynamic Shipbuilding Industry» [Collins, Grubb 2008], в котором описывается история развития судостроительной промышленности КНР с 80-х гг. XX в. по 2008 г. Примечательно, что в исследовании приведены данные об объёмах производства китайских верфей с указанием форм собственности, информация о которых весьма ограничена. Вклад государства в судостроительную промышленность КНР описан в докладе ОЭСР «Report on China's Shipbuilding Industry And Policies Affecting It»¹. Крайне важны и во многом уникальны статистическо-аналитические данные докладов Clarksons Research.

Среди китаезычных работ прежде всего хотелось бы выделить «Обзор экономики и торговли Китая» Ху Вэньлуна, в котором кратко, но при этом содержательно описаны ключевые вехи в развитии судостроительной промышленности после образования КНР [Hu Wenlong 2019], а также статьи китайских учёных Центра экономических исследований в судостроении [Xie Yu, Yin Qing, Jin Weichen 2021].

Важным исследованием для понимания процесса формирования судостроительной промышленности является доклад Sealand Securities, посвящённый основным трендам мирового и китайского судостроения². Одной из ключевых работ, на основе которых авторами проводилось изучение состояния современной судостроительной промышленности в КНР, стал доклад платформы China Industrial Technology Services³.

¹ Report on China's shipbuilding industry and policies affecting it (2021). *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, No. 105.

² 船舶制造行业深度报告. 国海证券. 2023年02月05日 [Подробный доклад о судостроительной отрасли]. Sealand Securities Co., 05.02.2023. URL: https://pdf.dcfw.com/pdf/H3_AP202302061582791981_1.pdf?1675692140000.pdf (дата обращения: 14.02.2024). (На кит.)

³ 洞察2023: 中国船舶制造行业竞争格局及市场份额(附市场集中度、企业竞争力评价等) [Взгляд на 2023: Конкурентная обстановка и рыночная доля судостроительной промышленности Китая (с концентрацией рынка, конкурентной оценкой предприятий и т.д.)]. 163.com, 13.06.2023. URL: <https://www.163.com/dy/article/I747OO5M051480KF.html> (дата обращения: 06.03.2024). (На кит.)

Для решения поставленной задачи авторы активно использовали документы, изданные Госсоветом КНР, пятилетние отраслевые планы и др.

Периодизация развития судостроения в КНР. Ввиду того, что в ряде источников встречается разная периодизация истории формирования китайского судостроения, в настоящей статье авторы будут опираться на периодизацию, по поводу которой существует консенсус среди китайских исследователей. В китайских источниках историю формирования отечественного судостроения с 1949 г. по настоящее время чаще всего разделяют на пять этапов (см. табл. 1).

Таблица 1. Этапы развития судостроительной промышленности КНР.

Table 1. Stages of development of the shipbuilding industry of the PRC.

Период	Этап	Ключевые достижения
Начальный период (1949–1978)	Внедрение зарубежных технологий, создание основ развития (1949–1960)	Исторический скачок «с нуля» при помощи внедрения и освоения советских технологий
	Начало формирования самостоятельной судостроительной промышленности (1961–1978)	Переход от внешней зависимости к самодостаточной системе
Период реформ и открытости (1979–2023)	Оживление рынка политикой «реформ и открытости» (1978–1998)	Благодаря «реформам и открытости» был осуществлён переход от плановой экономики к рыночной, от внутреннего рынка к международному
	Переход судостроительной промышленности к масштабному высокоскоростному развитию (1999–2008)	Трансформация «малой судостроительной страны» в «крупную»
	Качественное развитие судостроительной промышленности	Переход от «крупной судостроительной страны» к «сильной судостроительной державе»

Составлено по: 2023年中国造船行业市场现状分析：从造船大国到造船强国. 智研咨询. 2024年02月28日 [Анализ состояния рынка судостроительной промышленности Китая в 2023 г.: от страны с крупным судостроением к стране с мощным судостроением]. *Chyxx.com*, 28.02.2024. URL: <https://www.chyxx.com/industry/1175469.html> (дата обращения: 01.05.2024). (На кит.)

Compiled from: 2023年中国造船行业市场现状分析：从造船大国到造船强国. 智研咨询. 2024年02月28日 [Analysis of the current market situation of China's shipbuilding industry in 2023: from a large shipbuilding country to a strong shipbuilding country]. *Chyxx.com*, Feb 28, 2024. URL: <https://www.chyxx.com/industry/1175469.html> (accessed: 01.05.2024). (In Chinese).

За рассматриваемый исторический отрезок времени судостроительная отрасль прошла путь от «从无到有» («появиться из ничего») до положения крупнейшей во всём мире⁴.

Первый период развития морских грузоперевозок и судостроения в КНР отсчитывается с образования государства в 1949 по 1960 г. К моменту образования республики в стране наблюдалось массовое разрушение морской инфраструктуры и оставалось всего 23 судна общим тоннажем 34 тыс. т. На этом фоне в марте 1950 г. Государственным административным советом было опубликовано «Решение о работе судоходства», в котором были определены основные принципы и задачи в развитии морского и внутреннего судоходства. Была отменена система раздельного управления портами и судоходством [Rong Xinchun 2012]. В том же году было учреждено Министерство транспорта КНР. Таким образом, первым шагом для развития морского судоходства стало его объединение в одно ведомство, т.е. институциональной мерой на данном этапе стала централизация органов управления.

В 1953 г. СССР и КНР подписали Соглашение о военно-морском заказе («Соглашение от 4 июня»), на основании которого советская сторона осуществила передачу и внедрение ряда технологий военного судостроения, в результате чего в КНР были построены современные военные корабли, что положило начало модернизации судостроительной промышленности страны. К 1959 г. было завершено строительство 116 военных судов, характеристики которых соответствовали международному уровню конца 1940-х – начала 1950-х гг. Кроме того, в данный период были основаны такие организации, как Научно-исследовательский судостроительный институт, Шанхайский техникум морской промышленности и Шанхайский судостроительный институт при Шанхайском университете транспорта [Hu Wenlong 2019]. В этот период правительством КНР было выделено более 300 млн юаней на модернизацию и реконструкцию верфей⁵.

Второй этап принято отсчитывать с начала 1960-х гг. и до начала политики реформ и открытости. Именно в это время было положено начало созданию независимой судостроительной промышленности КНР. Резкое ухудшение отношений с СССР вызвало существенные трудности в развитии данной высокотехнологичной отрасли. Китаю необходимо было развивать судостроение самостоятельно. Как в ходе первого этапа, так и на протяжении практически 20 лет второго этапа основное усилие было сконцентрировано на военном судостроении, точнее кораблестроении. В судостроительной промышленности страны устранялись помехи, упорным трудом самостоятельно создавались боевые корабли и специальные корабли первого поколения: подводные лодки, ракетные эсминцы, океанские исследовательские корабли. В 1961 г. Министерством транспорта было учреждено государственное судоходное предприятие China Ocean Shipping Company Limited (COSCO), в 1963 г. создано 6-е Министерство машиностроения КНР⁶, в ведение которого была передана судостроительная промышленность, находившаяся с 1958 г. в ведении 9-го промышленного управления. Что касается научно-исследовательских институтов, то

⁴ Top 5 largest ship-owning countries in the world. *China Daily*, Sep 12, 2023. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202309/12/WS64ff8fb0a310d2dce4bb5274.html> (accessed: 12.01.2024).

⁵ 证券研究报告. 国海证券. 2023年02月05日 [Исследование ценных бумаг]. *Sealand Securities Co.*, 05.02.2023. (На кит.)

⁶ 历史沿革. 中国船舶集团有限公司 [Историческое развитие]. *China State Shipbuilding Corporation Limited*. URL: <http://www.cssc.net.cn/n4/n16/index.html> (дата обращения: 21.11.2023). (На кит.)

в 1961 г. учреждён Китайский научно-исследовательский институт судостроения, а в 1964 г. основан Шанхайский научно-исследовательский и конструкторский институт судостроения (SDARI), существующий по сей день при China State Shipbuilding Corporation (CSSC). Большинство существующих научно-исследовательских и проектных институтов в судостроительной промышленности Китая было основано в этот период. С 1960 по 1978 г. КНР построила в общей сложности 119 отечественных судов средним водоизмещением 10 тыс. т и более, суммарным водоизмещением 1,97 млн т. Среди них крупнейшей серийной постройкой был нефтяной танкер водоизмещением 50 тыс. т [Hu Wenlong 2019].

В декабре 1978 г. начался *третий этап* развития судостроения, когда высшим политическим руководством было объявлено о начале политики «реформ и открытости». Ещё в 1977 г. Дэн Сяопин выдвинул стратегическое решение «применять передовые зарубежные технологии, экспортировать судна на международный рынок»⁷. В 80–90-е гг. XX в. Китай закупил около 50 зарубежных технологий производства судового оборудования в виде лицензий на производство, включая технологии производства судовых мало- и среднеоборотных дизельных двигателей, генераторных установок, подъёмных механизмов и т.д. Также была проведена работа по переводу и публикации зарубежных работ в данной отрасли, в результате чего было внедрено более 5000 международных стандартов.

Что касается экспорта судов, то в марте 1980 г. Госсовет КНР обнаружил Документ № 51, позволивший свободный экспорт и импорт в военной промышленности, в том числе – в области судостроения⁸. 6-е Министерство машиностроения в 1982 г. приняло решение о создании Китайской корпорации судостроительной промышленности (China Shipbuilding Trading Co., Ltd.) для ведения внешней торговли по линии судостроительной и кораблестроительной промышленности. В 1980 г. CSSC, как уполномоченная компания 6-го Министерства машиностроения КНР, China Freight Company, как представитель Министерства внешней торговли КНР, совместно с World-Wide Steamship Company Limited (Гонконг) и International Finance Corporation создали первое совместное предприятие в области судостроения – Shipbuilding United International Investment Co., Ltd. (国际联合船舶投资有限公司). При этом китайская сторона владела 45 % акций, а зарубежные инвесторы – 55 %, место регистрации компании – Бермудские острова⁹. Данный пример иллюстрирует, что с первых лет экономической реформы КНР старалась привлекать зарубежных инвесторов, которые не только вкладывали капиталы, но, прежде всего, приносили новые технологии.

Параллельно с судостроением страна активно развивала морскую инфраструктуру. В 1982 г. Министерство транспорта КНР выдвинуло лозунги «всем ходить по морям» (кит. 有水大家行船) и «всем регионам, министерствам и отраслям работать совместно,

⁷ 中国船舶：公司在手订单饱满，船企效益同比增长。证券研究报告。2023 年 08 月 31 日 [CSSC: У компании полный портфель заказов, а эффективность судостроительного предприятия растёт год от года. Отчёт об исследовании ценных бумаг]. 31.08.2023. URL: https://pdf.dcfw.com/pdf/H3_AP202308311596905915_1.pdf?1693499654000.pdf (дата обращения: 25.11.2023). (На кит.)

⁸ 中华人民共和国成立70周年船舶工业发展纪实. 中国海洋发展研究中心. 2019年10月11日 [Записи о развитии судостроительной промышленности КНР к её семидесятилетию]. *Academy of Ocean of China*, 11.10.2019. URL: <http://aoc.ouc.edu.cn/2019/1010/c9828a270975/pagem.psp> (дата обращения: 21.11.2023). (На кит.)

⁹ Там же.

а государственным, коллективным и индивидуальным предприятиям совместно развиваться» (各地区、各部门、各行业一起干，国有、集体、个体一起上) [Hu Wenlong 2019]. В результате вокруг 14-ти городов, открытых ранее для иностранных инвестиций, строились глубоководные гавани, пристани, причалы и судостроительные верфи. Уже к 1988 г. морской транспорт опередил железнодорожный по грузообороту [Rong Xinchun 2012].

В ходе *третьего этапа* велась работа по законодательному обеспечению судостроения и судоходства. В 1990 г. в целях удовлетворения потребностей развития внешней торговли и международных морских перевозок Министерство транспорта КНР обнародовало «Положение об управлении международными судовыми агентами»; в 1992 г. Министерство связи опубликовало «Предложения об углублении реформ, расширении открытости и ускорении развития транспорта»; в ноябре того же года Госсовет КНР выпустил «Циркуляр о дальнейших реформах в области управления международными морскими перевозками», а 1 июля 1993 г. вступил в силу Морской закон КНР [Rong Xinchun 2012]. Все вышеперечисленные меры были направлены, хотя и косвенно, на развитие собственного современного судостроения. Предпринимаемые Китаем усилия незамедлительно привели к важному результату: в 1996 г. КНР стала 3-й судостроительной страной в мире, обогнав Германию по суммарному выпуску продукции¹⁰ [Medeiros, Cliff, Crane, Mulvenon 2005].

В ходе третьего этапа развития китайского судостроения основные силы были брошены на внедрение передовых иностранных технологий и активный выход на международный рынок готовых судов. В данный период в отрасли происходил ряд трансформационных процессов, как то: изучение и внедрение передовых технологий зарубежных судостроительных держав; воспитание собственных научно-технических кадров и внедрение передового производственного оборудования, а также ликвидация отсталого производственного оборудования; трансформация традиционных верфей. С другой стороны, активно проходил выход производимой продукции на международный рынок [Hu Wenlong 2019].

С 1999 г. начинается новый – *четвёртый* или так называемый высокоскоростной этап развития судостроительной отрасли. В июле 1999 г. China State Shipbuilding Corporation (CSSC) была разделена на две компании: China State Shipbuilding Corporation (CSSC) и China Shipbuilding Industry Corporation (CSIC). Разделение было проведено по географическому принципу – первая управляла верфями и другими предприятиями на юго-востоке страны, вторая – на северо-западе. Хотя фактически оба предприятия были подотчётны Госсовету КНР, они приобрели форму корпораций (集团公司), которые могли играть роль холдинговых компаний, держа акции в ряде дочерних предприятий и назначая их руководителей. Цель данной меры заключалась в превращении огромных предприятий в более мелкие конкурентоспособные организации¹¹ [Medeiros, Cliff, Crane, Mulvenon 2005].

¹⁰ 瑞承: 国产大邮轮, 特别在何处? 中国商报网. 2024-01-18 [Жуй Чэн: государственный крупный круизный лайнер – в чём его особенность?] *Деловая газета Кунья*, 18.01.2024. URL: <https://www.zgswcn.com/article/202401/202401181502541073.html> (дата обращения: 19.01.2024). (На кит.)

¹¹ Is China's shipbuilding merger on course? *The International Institute for Strategic Studies*, Sep 4, 2020. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/military-balance/2020/09/china-shipbuilding-merger> (accessed: 27.03.2024).

В 2004 г. в КНР с точки зрения формы собственности существовали 5 видов верфей, не принадлежащих CSIC или CSSC:

- 1) верфи, принадлежащие региональным правительствам (например, Fujian Shipbuilding Industry Group Corporation);
- 2) верфи, принадлежащие транспортным корпорациям (COSCO, CIC);
- 3) совместные предприятия (Nantong-Kawasaki-COSCO – две верфи, Shanghai Edward Shipyard (с Германией), Yantai Raffles Shipyard (Сингапур), Samsung-Ningbo Shipyard (Япония);
- 4) заводы ВМФ НОАК (4804, 4805, 4806, 4807, 4810);
- 5) верфи, принадлежащие муниципалитетам [Medeiros, Cliff, Crane, Mulvenon 2005].

Данный перечень позволяет утверждать, что в начале XXI в. большинство судостроительных предприятий косвенно или напрямую принадлежало государству.

Важнейшую роль в развитии судостроения и судоходства продолжала играть государственная поддержка. В 10-м пятилетнем плане (2001–2005 гг.) было заявлено о намерении превратить судостроительную отрасль КНР в ведущую в мире. В 2003 г. Госсовет КНР обнародовал «Циркуляр об издании Национального плана развития морской экономики»¹², в котором были определены стратегические цели на период 2003–2010 гг.: к 2010 г. общая стоимость продукции морской экономики должна была составить не менее 5 % от ВВП Китая и не менее 10 % от ВВП прибрежных провинций. Для достижения этой цели поощрялись структурные преобразования в ряде ключевых секторов морской экономики, включая океаническое рыболовство, судостроение, а также морскую нефтегазовую промышленность¹³.

В 11-м пятилетнем плане (2006–2010 гг.) артикулированы следующие задачи в развитии судостроения: строительство крупных судостроительных предприятий и высокотехнологичных судов с высокой добавленной стоимостью, а также создание судостроительных центров в районе Экономического кольца Бохайского залива, в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян¹⁴.

В 2008 г. КНР успешно обогнала Японию по всем трём ключевым показателям, в результате чего страна заняла в мировом судостроении 2-е место¹⁵. Несмотря на достигнутые результаты, китайское, как и всё мировое, судостроение столкнулось с серьёзным испытанием – глобальным экономическим кризисом 2008–2009 гг., который привёл к снижению темпов роста международной торговли, что естественным образом

¹² 国务院关于印发全国海洋经济发展规划纲要的通知. 中国政府网. 2003年5月9日 [Циркуляр об издании Национального плана развития морской экономики]. *Сайт правительства КНР*, 09.05.2003. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2003/content_62156.htm (дата обращения: 28.11.2023). (На кит.)

¹³ Report on China's shipbuilding industry and policies affecting it. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, No. 105. OECD Publishing, Paris, 2021. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/bb222c73-en.pdf?expires=1701190477&id=id&accname=guest&checksum=5530E656E6BFF3F24EC15C4A6D9A905A> (accessed: 28.11.2023).

¹⁴ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要. 中国政府网. 2006年3月14日 [Основные положения 11-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китайской Народной Республики]. *Сайт правительства КНР*, 14.03.2006. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_268766.htm (дата обращения: 19.01.2024). (На кит.)

¹⁵ 强船报国——新中国船舶工业大事记. 中国工信新闻网. 2023年06月05日 [Сильные корабли для Родины – главные события в судостроительной промышленности нового Китая]. *Новостное агентство «Промышленность и информатизация Китая»*, 05.06.2023. URL: https://www.cnii.com.cn/jxzb/202306/t20230605_476127.html (дата обращения: 20.01.2024). (На кит.)

повлияло на морские грузоперевозки. В результате с 2008 по 2009 г. количество работающих верфей сократилось на 10 %¹⁶, а количество новых заказов снизилось на 61 % [Soo Kee Tan 2017]. Судостроительная промышленность КНР столкнулась с резким падением спроса и накоплением избыточных мощностей, при этом количество новых заказов резко сократилось, что привело к простаиванию верфей и снижению их прибыли.

В ответ на кризис государством был принят ряд мер по поддержке развития судостроительной промышленности. Так, в 2009 г. Госсовет КНР опубликовал «План корректировки и оживления судостроения»¹⁷, в котором были описаны ближайшие цели: прежде всего поддержание и повышение спроса, рост доли судостроительной продукции на мировом рынке, а также увеличение инноваций. Для дальнейшего стимулирования спроса Пекин ввёл в 2010 г. субсидию «ломай и строй», которая позволила китайским компаниям обновлять свой флот со значительной скидкой¹⁸.

На *четвёртом этапе* развития судостроительной промышленности доля КНР на мировом рынке судостроения выросла с 7 % в 2000 г. до 37 % в 2010 г.¹⁹. Столь масштабный рост производства судов привёл к быстрому росту их экспорта. В 2000 г. порядка 55 % выпускаемой судостроением продукции экспортировалось, а перед мировым кризисом в 2007 г. этот показатель составил практически 82 % всех строящихся судов КНР, т.е. отрасль была «заточена» на экспорт. С 2005 по 2008 гг. темпы роста стоимости экспорта достигли 47,6 %, 73,9 %, 50,9 % и 60,2 % соответственно, быстро увеличивались и последовательно достигали новых максимумов.

В 2008 г. наблюдалось небольшое падение доли экспорта в производстве, при одновременном увеличении выпуска судов.

Максимальный экспорт КНР (по тоннажу) был достигнут в 2011 г. – 6255 млн двт или в денежном эквиваленте – 41,805 млрд долл. Далее вплоть до начала пандемии COVID-19 в экспорте китайской судостроительной продукции шёл нисходящий тренд. При этом темпы прироста по стоимостным показателям были нестабильны, минимальный показатель был в 2013 г. отмечен (–) 27,32 % и в 2016 г. (–) 21,55 %. В период 2016–2019 гг. ежегодный экспорт варьировался у отметки 20 млрд долл.²⁰. В 2019 г. экспорт составил 24,5 млрд долл., среди экспортируемой судовой продукции доминировали сухогрузы, нефтяные танкеры и контейнеровозы, общая стоимость экспорта которых составляла 11,9 млрд долл. или 48,6 %

¹⁶ Мировое судостроение 2022 года в цифрах. *Media Палуба*, 05.04.2023. URL: <https://paluba.media/news/47238> (дата обращения: 20.01.2024).

¹⁷ 船舶工业调整和振兴规划. 中国政府网. 2009年06月09日 [План корректировки и оживления судостроения]. *Сайт правительства КНР*, 09.06.2009. URL: https://www.gov.cn/zwggk/2009-06/09/content_1335839.htm (дата обращения: 20.01.2024). (На кит.)

¹⁸ Jude Blanchette, Jonathan E. Hillman, Mingda Qiu, Maesea McCalpin. Hidden Harbors: China's State-backed Shipping Industry. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, Jul 8, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/hidden-harbors-chinas-state-backed-shipping-industry> (accessed: 30.11.2023).

¹⁹ Report on China's shipbuilding industry and policies affecting it. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, No. 105. OECD Publishing, Paris, 2021. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/bb222c73-en.pdf?expires=1701190477&id=id&accname=guest&checksum=5530E656E6BFF3F24EC15C4A6D9A905A> (accessed: 28.11.2023).

²⁰ 2020年中国船舶制造行业发展现状分析 三大造船指标整体下滑、交易价格指数下降. 前瞻产业研究院. 24.05.2022 [Анализ состояния развития судостроительной промышленности Китая в 2020 году. Три основных показателя судостроения в целом сократились, а индекс цен сделок снизился]. *Институт отраслевых исследований Цяньчжань*, 24.05.2022. URL: <https://bg.qianzhan.com/report/detail/300/200522-90795580.html> (дата обращения: 09.07.2024). (На кит.)

от общего объёма экспорта (табл. 2). Судостроительная продукция экспортировалась в 212 стран и регионов, основная её часть – 56,2 % – в страны Азии²¹. Следует отметить, что с 2010 г. КНР является крупнейшим мировым экспортёром судостроительной продукции в мире.

Таблица 2. Выпуск судостроительной продукции, экспорта судов, доля экспорта в общем производстве КНР, 2000–2019 гг.

Table 2. Manufacturing of shipbuilding products, ship export, share of exports in total production of China, 2000–2019 years

Год	Выпуск судостроительной промышленности (млн двт)	Экспорт судов КНР (млн двт)	Доля экспорта судов от суммарного выпуска (%)
2000	224,00	125	55,80
2001	392,00	Нет данных	Нет данных
2002	400,00	280	70,00
2003	641,00	538,5	84,01
2004	880,00	560	63,64
2005	1212,00	768	63,37
2006	1452,00	1185	81,61
2007	1893,00	1550	81,88
2008	3041,00	2125	69,88
2009	4243,00	3203	75,49
2010	6120,50	5545	90,60
2011	7665,00	6255	81,60
2012	6021,00	4949	82,20
2013	4534,00	3763	83,00
2014	3905,00	3311	84,79
2015	Нет данных	4184	Нет данных
2016	3532,00	3344,8	94,70
2017	4268,00	3944	92,41
2018	3458,00	3164	91,50
2019	3672,00	3353	91,31

Составлено на основании данных: China shipbuilding statistical yearbook 2021. URL: <https://bbs.pinggu.org/thread-10538908-1-1.html> (дата обращения: 01.02.2024). (На кит.)

Compiled from: China shipbuilding statistical yearbook 2021. URL: <https://bbs.pinggu.org/thread-10538908-1-1.html> (accessed: 01.02.2024). (In Chinese).

²¹ 2019年船舶工业经济运行分析. 中国船舶工业行业协会. 22.01.2020 [Анализ хозяйственной деятельности судостроительной отрасли в 2019 году]. Китайская ассоциация судостроительной промышленности, 22.01.2020. URL: <http://www.cansi.org.cn/cms/document/13449.html> (дата обращения: 09.07.2024). (На кит.)

Начало второго десятилетия XXI в. было отмечено резким снижением темпов роста мировой торговли, как последствия кризиса 2008 г. На судостроительном рынке сформировалась ситуация избыточных мощностей ввиду двух факторов: с одной стороны, охлаждения мировой торговли и последующего снижения спроса на новые суда и с другой, продолжения наращивания государством объёмов строительства судов. С 2010-х гг. на мировом судостроительном рынке наблюдается тенденция сокращения количества верфей путём слияния и поглощения. В такой непростой ситуации начался новый – *пятый этап развития* китайского судостроения.

В 12-й пятилетке (2011–2015) перед судостроительной промышленностью КНР были поставлены следующие цели:

- привести судостроение в соответствие с международными стандартами;
- построить современную модель судостроительной отрасли;
- осуществить строительство высокотехнологичных судов и судового оборудования с высокой добавленной стоимостью.

Именно в ходе исполнения планов 12-й пятилетки были достигнуты определённые успехи в строительстве высокотехнологичных судов: впервые был спущен на воду сверхкрупный контейнеровоз вместимостью 18 тыс. ДФЭ и размещены заказы на крупнейший в мире контейнеровоз вместимостью 20 тыс. ДФЭ, что позволило нарушить монополию Республики Корея в строительстве сверхкрупных контейнеровозов. Кроме того, были размещены заказы на СПГ-танкеры, началась разработка судов типа «ро-ро»²² вместимостью 10 тыс. машин. Значительно увеличена доля Китая на рынке высокотехнологичных судов и морского инженерного оборудования – с 20 % в 2010 г. до 35 % в 2015 г. И наконец, увеличилась степень отраслевой концентрации: три крупнейших судостроительных центра (Экономическое кольцо Бохайского залива, дельты рек Янцзы и Чжуцзян) производили более 90 % всей судостроительной продукции в стране²³. При этом годовой объём производства судостроительной промышленности снизился на 45 % с 7665,00 млн двт в 2011 г. до 3532,00 млн двт в 2016 г., т.е. более чем в 2 раза.

В 13-й пятилетке судостроительная отрасль перешла от «пассивной» ликвидации производственных мощностей, когда малые и средние верфи уходили с рынка из-за отсутствия спроса, к «активной» ликвидации путём реформы предложения, в рамках которой происходило масштабное слияние и поглощение предприятий. В результате реформы 70 % верфей принадлежали государству, 30 % были частными. Произошла стабилизация объёмов производства, количества верфей в стране и доли КНР на мировом рынке (43–45 %), несмотря на пандемию COVID-19²⁴.

²² Ролкер (от англ. roll «катить») или судно «ро-ро» (американское обозначение RORO или го-го) — судно для перевозки грузов на колёсной базе (автомобили, грузовой транспорт, железнодорожные вагоны) и пассажиров. – *Прим. ред.*

²³ ‘十二五’我国造船业取得五大进展：海工装备市场份额居世界首位。中国政府网。2015年12月02日 [В двенадцатую пятилетку китайская судостроительная промышленность добилась пяти крупных результатов: первое место в мире по доле рынка морского оборудования]. *Сайт правительства КНР*, 02.12.2015. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-12/02/content_5018820.htm (дата обращения: 22.01.2024). (На кит.)

²⁴ 高端装备之船舶工业周期篇——长风破浪会有时：行业周期触底，复苏波动前行。招商银行，行内偕作，行业深度报。2022年09月22日 [Высокотехнологичное оборудование в цикле судостроительной промышленности – будут ветра и волны: дно цикла промышленности, восстановление и колебания продолжаются]. *China Merchants Bank*, Отраслевые исследования, 22.09.2022. URL: <https://www.hangyan.co/reports/2938665206747760537> (дата обращения: 22.01.2024). (На кит.)

В период 13-й пятилетки спрос на мировом рынке судоходства продолжал оставаться на низком уровне, в то время как предложение мощностей флота сохранялось относительно высоким. Этот дисбаланс так и не был эффективно решён. В результате развитие судостроительной промышленности КНР столкнулось с огромным давлением, но даже в таких непростых условиях оно выдержало рыночную конкуренцию, и в 2019 г. шесть китайских компаний вошли в десятку мировых производителей по количеству полученных новых заказов. В 2019 г. основной операционный доход национальных предприятий судостроительной промышленности сверх установленной нормы составил 394,77 млрд юаней, а их прибыль сверх установленного размера – 5,3 млрд юаней [Xie Yu, Yin Qing, Jin Weichen 2021].

Продолжилось продвижение продукции китайского судостроения вверх по цепочке добавленной стоимости. Во-первых, происходило укрупнение контейнеровозов: доля КНР на рынке судов вместимостью 20 тыс. ДФЭ и более увеличилась с 7 % в 2016 г. до 30 % в 2020 г. В период 13-го пятилетнего плана также был спущен на воду двухтопливный контейнеровоз вместимостью 23 тыс. ДФЭ. Во-вторых, были усовершенствованы суда для перевозки сжиженного газа и вспомогательного оборудования. Ряд судов начал работать на СПГ, были введены в эксплуатацию сверхкрупные контейнеровозы и двухтопливные высокоскоростные пассажирские суда класса «люкс», на воду также был спущен первый в мире крупнотоннажный танкер класса VLCC с большими парусами. Кроме того, мембранные системы MARK III и сплав Yinwa для судов СПГ (тип No.96) были одобрены французской инжиниринговой компанией GTT и классификационными обществами во Франции, что позволило стать КНР вторым поставщиком данных технологий в мире. Была также разработана установка регенерации серы, компрессора смешанного хладагента и установки повторного сжижения испарительного пара, что расширило возможности для локализации крупных СПГ-танкеров. В-третьих, была развёрнута деятельность по внедрению информационных технологий в отрасль, в рамках которой пилотным предприятием стала COSCO-Kawasaki. В целом, в период 13-й пятилетки крупнейшие судостроительные предприятия КНР и крупные вспомогательные предприятия принимали меры по автоматизации, цифровизации и смартизации производства. Опорные судостроительные и судоходные предприятия и научно-исследовательские институты проводили практические исследования интеллектуальных судов и завершили ряд разработок, связанных с умными судами местного производства. В период 13-го пятилетнего плана КНР вступила в эпоху «умных судов 1.0» [Xie Yu, Yin Qing, Jin Weichen 2021].

Несмотря на достигнутые результаты, накануне пандемии COVID-19 китайское судостроение имело немало проблем, среди которых следует выделить:

- низкую степень технологической автономии в производстве корабельных энергетических установок, СПГ-танкеров, круизных лайнеров класса люкс;
- отсутствие автономии в области программного обеспечения;
- зависимость от импорта судового вспомогательного оборудования: Китай импортировал энергосберегающие и природоохранные технологии;
- острой проблемой являлась низкая по сравнению с конкурентами эффективность китайских верфей [Xie Yu, Yin Qing, Jin Weichen 2021].

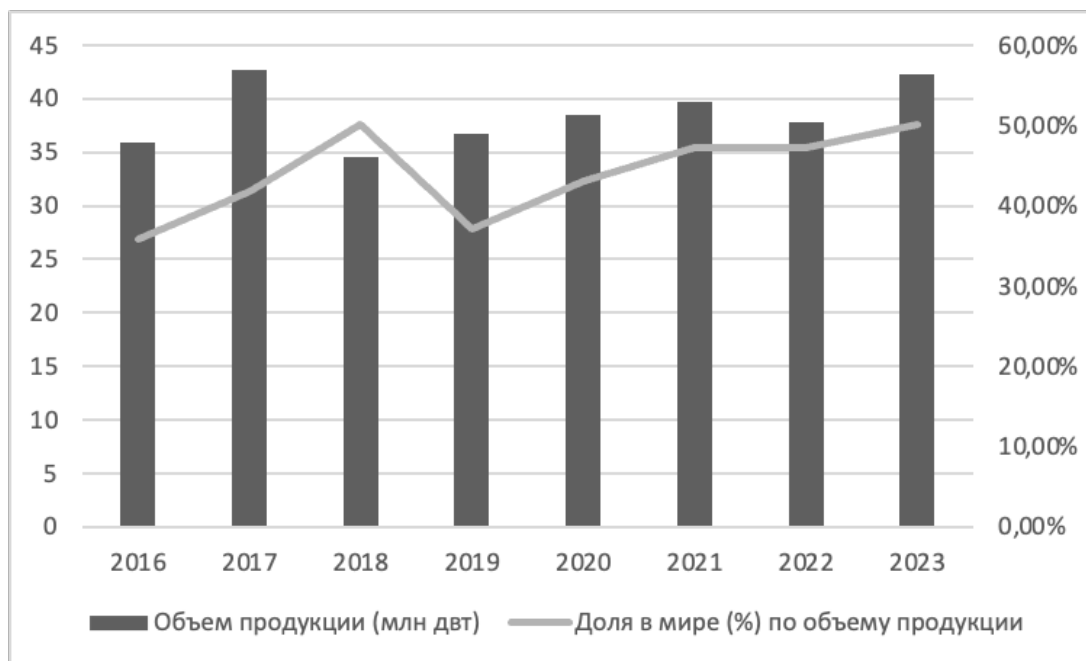

Рис.1. Выпуск судостроительной продукции КНР и его доля от мирового выпуска, 2016–2023 гг.

Fig. 2. Shipbuilding output in the PRC and its share of world output, 2016–2023.

Составлено по: 2023年中国造船行业市场现状分析：从造船大国到造船强国. 智研咨询. 2024年02月28日 [Анализ состояния рынка судостроительной промышленности Китая в 2023 г.: от страны с крупным судостроением к стране с мощным судостроением]. *Chyx.com*, 28.02.2024. URL: <https://www.chyx.com/industry/1175469.html> (дата обращения: 01.05.2024). (На кит.); 中国造船，世界第一！2023年中国船舶工业数据发布. 搜狐. 2024年01月15日 [Китай – первый в мире в судостроении! Данные о судостроительной промышленности КНР в 2023 г.]. *Sohu.com*, 15.01.2024. URL: https://www.sohu.com/a/751937679_175033 (дата обращения: 07.02.2024). (На кит.)

Compiled from: 2023年中国造船行业市场现状分析：从造船大国到造船强国. 智研咨询. 2024年02月28日 [Analysis of the current market situation of China's shipbuilding industry in 2023: from a large shipbuilding country to a strong shipbuilding country]. *Chyx.com*, Feb 28, 2024. URL: <https://www.chyx.com/industry/1175469.html> (accessed: 01.05.2024). (In Chinese); 中国造船，世界第一！2023年中国船舶工业数据发布. 搜狐. 2024年01月15日 [China's shipbuilding ranks first in the world! China's shipbuilding industry data for 2023 released]. *Sohu.com*, Jan 15, 2024. URL: https://www.sohu.com/a/751937679_175033 (accessed: 07.02.2024). (In Chinese).

* * *

За рассмотренный период в 70 лет китайское судостроение прошло путь от «нуля» до создания крупнейшей судостроительной державы мира. Можно выделить следующие характеристики развития отрасли к настоящему времени:

- КНР по многим позициям, в т.ч. в области судостроения, достигла технологической независимости;
- наработана серьёзная законодательная база и создана институциональная основа отрасли;
- несмотря на проведение активных рыночных реформ, ключевые судостроительные верфи страны продолжают оставаться государственными или косвенно находятся под государственным контролем;

– на сегодняшний день судостроение является сугубо экспортноориентированной отраслью экономики КНР, порядка 90% выпускаемой продукции идёт на экспорт.

В заключение следует отметить, что накануне пандемии COVID-19 в судостроении КНР прослеживались следующие тенденции. Во-первых, на фоне снижения объёмов мировой торговли и появления на рынке избыточных мощностей были проведены реформы по консолидации и оптимизации деятельности верфей вокруг трёх центров. Во-вторых, на фоне сокращения темпов роста мировой торговли и, соответственно, падения спроса на морские грузоперевозки объём судостроительной промышленности показал снижение в первой половине десятилетия и стабилизацию показателей во второй половине 2010-х гг. В-третьих, предпринимались меры по продвижению китайского судостроения вверх по цепочке добавленной стоимости, развивается строительство крупных контейнеровозов и СПГ-танкеров. Тем не менее, китайская судостроительная промышленность всё ещё сталкивается с проблемой зависимости от импорта технологий в ряде областей судостроения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ильинская И.Д., Лозинский А.Н., Сазонов С.Л. Китай – мировой лидер в морских перевозках и судостроении // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Выпуск № 26. Чита: ЗабГУ, 2023. С. 36–42.
- Магдалинская Ю.В. Судостроение в Китае: готовность к новым вызовам. Часть 1 // Проблемы развития корабельного вооружения и судового радиоэлектронного оборудования. 2018. № 2. С. 50–55.
- Магдалинская Ю.В. Судостроение в Китае: готовность к новым вызовам. Часть 2 // Проблемы развития корабельного вооружения и судового радиоэлектронного оборудования. 2018. № 3. С. 31–43.
- Семенова Н.К. Морские порты Китая: современное состояние и перспективы. М.: ИВ РАН, 2023. 472 с.

REFERENCES

- I'inskaya I.D., Lozinskiy A.N., Sazonov S.L. (2023). Kitay – mirovoy lider v morskikh perevozkakh i sudostroyenii [China is a world leader in shipping and shipbuilding]. In: *Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya* [Russia and China: problems of strategic interaction], 26: 36–42. Chita: Transbaikal State University. (In Russian).
- Magdalinskaya Yu.V. (2018). Sudostroyeniye v Kitaye: gotovnost' k novym vyzovam. Chast' 1 [Shipbuilding in China: readiness for new challenges. Part 1]. *Problemy razvitiya korabel'nogo vooruzheniya i sudovogo radioelektronного oborudovaniya* [Problems of ship armament and vessel radioelectronic equipment development], 2: 50–55. (In Russian).
- Magdalinskaya Yu.V. (2018). Sudostroyeniye v Kitaye: gotovnost' k novym vyzovam. Chast' 2 [Shipbuilding in China: readiness for new challenges. Part 2]. *Problemy razvitiya korabel'nogo vooruzheniya i sudovogo radioelektronного oborudovaniya* [Problems of ship armament and vessel radioelectronic equipment development], 3: 31–43. (In Russian).
- Semenova N.K. (2023). *Morskiye porty Kitaya: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Seaports of China: current state and prospects]. Moscow: Institute of Oriental Studies, 472 p. (In Russian).

* * *

- Aritua, B., Chiu, H., Cheng, L., Farrell, S., & de Langen, P. (2022). *Developing China's Ports: How the Gateways to Economic Prosperity Were Revived*. The World Bank. International Development in Focus. Washington, DC, 122 p.
- Collins Gabriel, Grubb Michael C. (2008). A Comprehensive Survey of China's Dynamic Shipbuilding Industry. *CMSI Red Books*, Study No. 1.
- Evan S. Medeiros, Roger Cliff, Keith Crane, James C. Mulvenon (2005). *A New Direction for China's Defense Industry*. RAND Corporation. California, 330 p.
- Hu Wenlong (2019). Zhongguo chuanbo gongye 70 nian: licheng, chengjiu ji qishi [70 years of China's shipbuilding industry: history, achievements and inspiration]. *Zhongguo jingmao dao kan [China Economic & Trade Herald]*, 32: 28–34. (In Chinese). [胡文龙: 中国船舶工业70年: 历程、成就及启示. 中国经贸导刊. 2019年11期].
- Grace W.Y. Wang, Chen Gao (2013). Technical Efficiency and Port Competition: Revisiting the Bohai Economic Rim, China. *Journal of Risk and Financial Management*, 5 (1): 115–130.
- Li Shanyan, Jin Weichen, Cai Jingwei, Wang Hong, Shu Zhai (2023). 2022 nian quanqiu jizhuangxiang chuan yunshu shichang huigu yu houshi zhanwang [Review and Outlook of the Global Container Shipping Market in 2022]. *Shijie haiyun [World shipping]*, 3: 6–13. (In Chinese). [李姗晏、金伟晨、蔡敬伟、王洪和树摘. 2022年全球集装箱船运输市场回顾与后市展望. 世界海运. 第46卷第3期. 2023年].
- Rong Xinchun (2012). Shilun xin Zhongguo haiyun shiye de fazhan he bianqian (1949–2010) [On the development and changes of China's shipping industry (1949–2010)]. *Zhongguo jingji shi yan [China economic history]*, 2: 127–137. (In Chinese). [彤新春. 试论新中国海运事业的发展 and 变迁 (1949—2010). 中国经济史研. 2012年 第2期 127 - 137页].
- Soo Kee Tan (2017). Race in the Shipbuilding Industry: Cases of South Korea, Japan and China. *The International Journal of East Asian Studies*, 6 (1): 65–81.
- Xie Yu, Yin Qing, Jin Weichen (2021). «Shisanwu» Zhongguo chuanbo gongye fazhan huigu yu weilai zhanwang [Review and Future Prospects of China's Shipbuilding Industry Development during the 13th Five-Year Plan Period]. *Shijie haiyun [World shipping]*, 2: 5–9. (In Chinese). [谢予, 阴晴, 金伟晨. “十三五”中国船舶工业发展回顾与未来展望[J]. 世界海运. 2021, 2: 5–9].

Поступила в редакцию: 11.07.2024
 Принята к публикации: 15.07.2024

Received: Jul 11, 2024
 Accepted: Jul 15, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-80-91

Милитаризация экономики КНДР и её специфика на современном этапе

Захарова Людмила Владимировна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. КНДР исторически направляет значительные силы и средства на укрепление своей обороноспособности, что обусловлено сохраняющимися вызовами безопасности страны. В данной статье рассматриваются истоки и характерные черты милитаризации в экономической модели КНДР и раскрывается её специфика на современном этапе. Исследование основано на анализе официальных северокорейских заявлений и публикаций, а также научных работ российских и зарубежных учёных. В XXI в. в условиях враждебной военно-политической обстановки в КНДР сохраняется многочисленная армия, а развитие военно-промышленного комплекса осуществляется в приоритетном порядке с фокусом на реализацию высокотехнологичных ракетно-ядерных программ. Милитаризация экономики продолжит являться неотъемлемой чертой экономической модели КНДР в обозримом будущем. Она предполагает, с одной стороны, направление существенных ресурсов на военные цели, а с другой, обеспечивает руководству страны возможности для мобилизационного решения поставленных хозяйственных задач за счёт привлечения к ним армии и ВПК.

Ключевые слова: КНДР, милитаризация экономики, сонгун, военно-промышленный комплекс, мобилизационная экономика, ракетно-ядерная программа.

Автор: Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, учёный секретарь, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@icaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0018 «Перспективы корейского урегулирования и интересы России»).

Для цитирования: Захарова Л.В. Милитаризация экономики КНДР и её специфика на современном этапе // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 80–91. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-80-91

Militarization of the DPRK's economy and its specifics at the present stage

Zakharova Liudmila V.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The DPRK has historically directed significant efforts and resources to strengthening its defense capabilities, due to ongoing security challenges to the country. The article examines the origins and features of militarization in the economic model of the DPRK and reveals its specifics at the present stage. The study is based on the analysis of official North Korean statements and publications, as well as academic works of Russian and foreign researchers. In the 21st century, in a hostile military-political situation, the DPRK maintains a large army, and the development of the military-industrial complex remains a priority, with a focus on the implementation of high-tech nuclear and missile programs. The militarization of the economy will continue to be an integral feature of the DPRK's economic model for the foreseeable future. It involves, on the one hand, the diversion of significant resources for military purposes, and, on the other hand, provides the country's leadership with the opportunity to solve national economic tasks by mobilizing the army and the military-industrial complex.

Keywords: North Korea, militarization of the economy, songun, military-industrial complex, mobilization economy, nuclear missile program.

Author: Zakharova Liudmila V., Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The research was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0018 "Prospects for the Korean settlement and Russia's interests").

For citation: Zakharova L.V. (2024). Militarizatsiya ekonomiki KNDR i ee spetsifika na sovremennom etape [Militarization of the DPRK's economy and its specifics at the present stage]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 80–91. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-80-91

Введение

С момента разделения Кореи на два государства в 1948 г. на Корейском полуострове сохраняется напряжённая военно-политическая обстановка. Противостояние правящих элит Севера и Юга, претендовавших на контроль над всем полуостровом, в 1950 г. привело к масштабному военному конфликту. Корейская война, интернационализированная участием войск ООН, советских лётчиков и китайских народных добровольцев, завершилась подписанием перемирия в 1953 г., однако сам конфликт юридически так и остался незавершённым [Жебин 2023: 28].

Каждое из корейских государств пошло по своему пути развития: на Севере была реализована социалистическая модель, а Юг избрал капиталистический путь. Ускоренная индустриализация в КНДР была проведена раньше, чем в Республике Корея, с упором на развитие тяжёлой промышленности и её ядра – военно-промышленного комплекса (ВПК).

Милитаризация экономики стала одной из характерных черт северокорейской модели развития, ориентированной на создание самостоятельного государства, способного проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику.

В данной статье рассматриваются истоки и характерные черты милитаризации в экономической модели КНДР, а также раскрывается её специфика на современном этапе. Исследование основано на анализе официальных северокорейских заявлений и публикаций, а также научных работ российских и зарубежных учёных.

Истоки милитаризации экономики КНДР

После окончания Корейской войны главной целью КНДР было преодоление экономической отсталости. Для этого была проведена импортозамещающая индустриализация с формированием многоотраслевого хозяйственного комплекса. Приоритетом объявлялось создание самостоятельной национальной экономики, максимально удовлетворяющей собственные потребности за счёт отечественных ресурсов, национальных кадров и технологий. При этом важным фактором успешной индустриализации КНДР стала внешняя помощь социалистических стран во главе с СССР.

Перед руководством страны, с одной стороны, стояли задачи по повышению уровня жизни населения, а с другой – по обеспечению безопасности государства. Несмотря на заключение в 1961 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР, отношения Северной Кореи с Советским Союзом были непростыми. В 1962 г. Н.С. Хрущёв отказался поставить в КНДР на безвозмездной основе советское вооружение и боевую технику, что поставило перед северокорейским руководством вопрос о форсированном создании собственного ВПК. Учитывая напряжённую обстановку на Корейском полуострове в начале 1960-х гг., правительство КНДР приняло решение увеличить расходы на оборону, произвести перераспределение материально-финансовых средств из гражданских отраслей на оборонное строительство и внести изменения в программу экономического развития. V пленум Центрального комитета Трудовой партии Кореи (ТПК) 4-го созыва в декабре 1962 г. выдвинул курс на параллельное экономическое и оборонное строительство. В соответствии с ним были резко увеличены капиталовложения на нужды обороны, которые с середины 1960-х гг. составляли примерно треть всех ежегодных расходов госбюджета. В результате темпы экономического роста сократились [Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии 1986: 127]. В 1966 г. конференция ТПК подтвердила линию на параллельное военное и экономическое строительство. С этого времени процесс милитаризации северокорейской экономики принял целенаправленный характер и стал последовательно и настойчиво осуществляться руководством КНДР [Торкунов, Денисов, Ли 2008: 201]. По внешним оценкам, к 1970-м гг. Северная Корея создала в целом независимый военно-промышленный комплекс, способный к массовому производству вооружений [Smith 2015: 138].

Своего апофеоза милитаризация экономики достигла в 1990-е гг., когда перестройке по образцу армии подлежало всё северокорейское общество, а страна жила в режиме осаждённой крепости. Во второй половине 1990-х гг. генеральным государственным курсом была провозглашена политика «сонгун» («приоритет армии»), требовавшая отдавать приоритет армии при решении всех вопросов, включая экономические. В условиях распада

мировой системы социализма, дезинтеграции СССР и обострения военно-политической обстановки на Корейском полуострове первоочередной задачей стало всемерное повышение боевого уровня Корейской народной армии [Ванин 2016: 575–577]. С этой целью подчёркивалась необходимость безусловного приоритета в экономике оборонной промышленности.

Частью политики «сонгун» стало повышение роли военных в управлении экономикой страны. Государственный комитет обороны (ГКО) во главе с Ким Чен Иром занял центральное место в системе государственного управления, в его ведении оказалось руководство военно-промышленным комплексом, а представители ГКО были внедрены в каждое министерство страны [Панкина 2010: 80]. В КНДР отмечалось, что развитие военной промышленности должно происходить не за счёт ущемления или игнорирования нужд лёгкой промышленности и сельского хозяйства, а при их параллельном развитии. Однако существовавший на практике приоритет оборонных производств и возросшая роль военных в руководстве страной в условиях общего дефицита ресурсов ограничивали возможности развития других отраслей промышленности, что не позволяло повысить уровень жизни населения. В соответствии с задачами политики «сонгун» проводилась модернизация ВПК, которая позволила провести в августе 1998 г. запуск трёхступенчатой баллистической ракеты, продемонстрировавший достижение серьёзных результатов в развитии ракетной промышленности [Панкина 2010: 78].

Некоторые востоковеды считают «сонгун» ситуационной моделью управления экономикой и страной в целом, сравнивая её с моделью управления в СССР в период Великой Отечественной войны. Сложнейшая политическая и социально-экономическая ситуация 1990-х гг. в КНДР потребовала чрезвычайных мер руководства государством, в связи с чем на первый план выдвинулась армия и армейская риторика. По мере же укрепления вооружённых сил страны и улучшения внутренней обстановки необходимость в чрезвычайных мерах стала отпадать, и к концу 2010-х гг. упоминания о политике «сонгун» остались в прошлом [Асмолов, Захарова 2022].

Приоритет развития ракетно-ядерных вооружений и «цена» успехов

Превосходящая военная мощь потенциальных противников (под ними в КНДР понимают, прежде всего, США, Японию и Южную Корею), проводящих враждебную политику, является для Пхеньяна огромным вызовом, требующим сохранения высокого уровня милитаризации экономики. Своим главным врагом северные корейцы считают США, разместившие войска в Южной Корее и в начале 2000-х гг. причислившие КНДР к «оси зла». У северокорейских границ регулярно проводятся крупномасштабные американо-южнокорейские военные учения, которые Пхеньян считает подготовкой к войне.

Реагирование на военные манёвры требовало от КНДР поддержания высокого уровня боеспособности армии и разработки эффективных средств сдерживания. Имея ограниченные ресурсы, северокорейское руководство выбрало путь развития ядерных и ракетных технологий с целью защитить себя от нападения извне. Базой для развития ядерной программы послужили крупные отечественные месторождения урановой руды (около 26 млн т), а также целенаправленные многолетние усилия по развитию соответствующих технологий. В создании оружия массового поражения Пхеньян видел средство обеспечения безопасности

страны на фоне существенно ухудшившейся для него внешнеполитической обстановки после распада СССР и мирового социалистического лагеря [Торкунов, Денисов, Ли 2008: 423].

В 1990-е и начале 2000-х гг. северокорейское руководство использовало саму вероятность наличия у него ядерного оружия как фактор обеспечения безопасности и «козырную карту» на переговорах с основными противниками. Пхеньян умело использовал свои ядерные амбиции в экономических целях, получая за заморозку или отказ от каких-либо элементов ядерной программы внешнюю помощь, в том числе критически важные поставки энергоносителей [Дьячков 2016: 121]. Однако во второй половине 2000-х гг. ситуация радикально изменилась: КНДР смогла испытать ядерное оружие и перестала рассматривать его в качестве предмета торга на международных переговорах. С 2006 по 2017 г. Северная Корея провела шесть ядерных испытаний, в 2012 г. внесла в Конституцию положение о своём ядерном статусе.

На Западе распространённым тезисом является утверждение о том, что акцент КНДР на ядерном оружии и развитии ракетных технологий означает принесение гражданской экономики в жертву военным амбициям. В частности, по южнокорейским оценкам, в 2023 г. КНДР потратила от 800 млрд до 1,3 трлн вон, то есть чуть менее 1 млрд долл., на 30 ракетных пусков¹. Вместо этого, как заявляют зарубежные эксперты, на эти средства можно было бы закупить продовольствие для гражданского населения. Однако в Северной Корее приоритет мер по обеспечению безопасности не подвергается сомнению. В северокорейских научных публикациях по-прежнему подчёркивается необходимость развивать военную промышленность в первоочередном порядке, так как именно она является опорой независимой национальной экономики².

Оценить общие военные затраты Северной Кореи на современном этапе довольно сложно, как в силу информационной закрытости страны, так и по причине непрозрачности процесса распределения ресурсов в экономике. Согласно официальным сообщениям, в расходах государственного бюджета на оборону выделяется 15,9 %³. Однако весьма вероятно, что часть бюджетных расходов на «развитие экономики страны и улучшение жизни народа» (45 % всех расходов госбюджета) в первую очередь направляется на предприятия военно-промышленного комплекса. Зарубежные оценки общих военных расходов КНДР обычно колеблются около отметки 25–33 % ВВП [Жебин 2006: 83; Scobell, Sanford 2007: 9] или около 10 млрд долл. по состоянию на середину 2010-х гг. [Cho Namhoon 2016: 22]. При этом в абсолютном выражении они существенно уступают военному бюджету Республики Корея, увеличившемуся за 2005–2023 гг. с 22 до почти 48 млрд долл.⁴.

¹ 신원식 "북 극초음속 미사일 활공비행 성공 못해...미완 단계" [Син Вон Сик: «Планирующий полёт гиперзвуковой ракеты Северной Кореи не увенчался успехом... Он находится на незавершённой стадии»]. *Yonhap News*, 14.04.2024. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20240414021900504> (дата обращения: 15.04.2024). (На кор.)

² 국방공업의 지위를 옹호하게 밝히는것은 사회주의경제건설에서 절략적 의의를 가지는 중요한 문제. *경제연구* [Правильное освещение места оборонно-промышленного комплекса – важный вопрос, имеющий стратегическое значение в строительстве социалистической экономики. *Экономические исследования*]. 2018. № 1. С. 9–10. (На кор.)

³ Об итогах исполнения государственного бюджета КНДР за прошлый год и государственном бюджете на нынешний год. *ЦТАК*, 19.01.2023. URL: <http://knaa.kp/ru/article/q/7def8cbe282ea0e089e4965562cf60eb.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024)

⁴ SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (accessed: 30.04.2024).

Происходящая на полуострове гонка вооружений не позволяет КНДР существенно сократить военные расходы.

Самостоятельно испытанное ядерное оружие и произведённые запуски спутников считаются в КНДР важным доказательством независимости и продвинутой экономики страны, ориентированной на оборонную промышленность⁵. В 2010-е гг. КНДР активно испытывала новые виды вооружений, включая межконтинентальную баллистическую ракету «Хвасон-15», способную нанести удар по материковой части США. В начале 2020-х гг. руководство КНДР анонсировало масштабную программу создания разнообразных видов вооружений, включающих новые баллистические и квазибаллистические ракеты, разделяющиеся головные части, гиперзвуковые маневрирующие боевые блоки, беспилотные летательные аппараты, разведывательный спутник и атомную подводную лодку с баллистическими ракетами [Хрусталёв 2021: 44].

Освоение подобных современных видов оружия свидетельствует о достаточно высоком уровне развития местного ВПК, который, как и в других странах, является источником технологического прогресса и инноваций для других отраслей экономики. В 2010-е гг., в частности, заметный импульс получили высокотехнологичные отрасли, среди которых ядерная энергетика, информатика и космическая отрасль. Индустрия информационных технологий также является важным компонентом современного оборонного комплекса КНДР, имеющим большое значение и для гражданских отраслей.

Успехи ракетно-ядерной программы позволили КНДР достичь ситуации, когда главные противники боятся ударить первыми, потому что могут понести неприемлемый ущерб в результате контрудара. Подобный результат в глазах северокорейского руководства и широких народных масс вполне оправдывает направление значительных ресурсов на военные цели. Обратной стороной медали стали международные экономические санкции, введённые против Северной Кореи Советом Безопасности ООН в ответ на ядерные испытания и запуски межконтинентальных баллистических ракет в 2006–2017 гг. В результате КНДР оказалась фактически отрезана от мировой финансовой системы, а её возможности для торгового, инвестиционного, научно-технического сотрудничества с другими странами были существенно ограничены. Эксперты Института экономики РАН оценивали общий негативный эффект санкций (включая экспортные ограничения и запрет на использование труда северокорейских рабочих за рубежом) в 4,6–8,2 млрд долл., что составляло примерно 20–25 % оценочного значения ВВП КНДР [Толорая, Коргун, Горбачёва 2020: 20]. Северокорейское руководство считает введённые против страны ограничения незаконными и пытается обходить их всеми возможными способами.

До ужесточения международных санкций военная промышленность КНДР активно работала на экспорт. По имеющимся оценкам, в 2000-е гг. от трети до половины общей экспортной валютной выручки государства приходилось на поступления от экспорта оружия [Постсоциалистический мир: итоги трансформации 2018: 123]. Основными потребителями северокорейских поставок вооружений, базирующихся на советских образцах, были ближневосточные страны. После усиления санкций СБ ООН с 2006 г. возможности этого вида заработка для Пхеньяна стали быстро сокращаться. Из-за ужесточения международного

⁵ Из выступлений северокорейских учёных-экономистов на Международном научном симпозиуме в Пхеньяне, октябрь 2011.

контроля за транспортировкой грузов из КНДР, по оценкам зарубежных экспертов, к середине 2010-х гг. доходы страны от экспорта вооружений упали ниже уровня 10 % от всей валютной выручки [Haggard, Noland 2017: 85–86], что заставило Пхеньян искать другие источники доходов.

Использование армии для решения хозяйственных задач

Милитаризация хозяйства КНДР исторически предполагает не только перекачивание ресурсов из гражданских отраслей в военные. В мобилизационной экономике стандартной практикой является использование частей Корейской народной армии (КНА) для решения важных хозяйственных задач, связанных с крупными строительными, срочными сельскохозяйственными работами или экстренными ситуациями. В частности, такие масштабные проекты, как строительство Западноморского шлюза реки Тэдонган, важнейшие автомагистрали, связавшие Пхеньян с Вонсаном на восточном побережье и с Кэсоном у демилитаризованной зоны, гидроэлектростанции, железные дороги, тоннели, часто строились при решающем участии военных [Жебин 2006: 84].

До сих пор в КНДР армия играет роль дешёвого, легко мобилизуемого резерва рабочей силы, прежде всего, в строительстве и тяжёлых видах работ. Масштабы этого резерва могут составлять до нескольких сотен тысяч человек, поскольку служба по призыву сроком от 2 до 9 лет является обязательной как для мужчин, так и для женщин [Панкина 2010: 80]. По данным первой в истории страны переписи населения КНДР, проведённой в 1993 г., население работоспособного возраста составляло около 12 млн человек. Около 691 тыс., то есть почти 6 %, из них были военнослужащими, проживающими в военных частях. По данным переписи 2008 г., 724 тыс. человек из 12,2 млн работающего населения были заняты в «госуправлении, органах обороны и общественной безопасности»⁶. Подобная динамика численности предполагает, что даже в период кризисных 1990-х гг. КНДР не пошла на сокращение численности армии, видя в ней залог стабильности государства.

Зарубежные оценки в начале 2000-х гг. предполагали численность северокорейской армии до 1,1 млн человек, а если учитывать и другие вооружённые формирования, то в них состояло около 15 % всего населения страны [Жебин 2006: 83]. Учитывая общую численность населения в 25 млн человек, западные учёные называли КНДР «самой милитаризованной страной в мире» [Scobell, Sanford 2007: 6].

Спецификой функционирования Корейской народной армии является организация самообеспеченности в экономическом плане. Производством и поставкой предметов военного назначения, таких как одежда и инструменты, которые северокорейские солдаты непосредственно используют в своей повседневной жизни, занимаются заводы по производству предметов первой необходимости военного назначения, находящиеся в ведении Министерства народных вооружённых сил КНДР. Северокорейские военные участвуют в деятельности по зарабатыванию иностранной валюты, владея внешнеторговыми компаниями и производственными базами [Cho Namhoon 2016: 20]. В прессе КНДР часто упоминаются подсобные хозяйства, птицефермы и рыбные хозяйства, принадлежащие

⁶ DPR Korea 2008 Population Census National Report (2009). Central Bureau of Statistics, Pyongyang, DPR Korea. 273 p.

различным частям КНА. Это позволяет им в значительной степени обеспечивать себя продовольствием и другими товарами первой необходимости.

О специфике милитаризации экономики КНДР в 2010–2020-е гг.

После прихода к власти Ким Чен Ына в конце 2011 г. руководство страны стало постепенно отходить от политики «приоритета армии» к более сбалансированному курсу, ориентированному одновременно на экономическое развитие и поддержание обороны страны. В 2013 г. на партийном пленуме был провозглашён переход к «стратегической линии по параллельному развитию экономического строительства и создания ядерных сил»⁷. После решения основных задач в военной сфере в 2018 г. руководством был провозглашён курс концентрации всех сил на экономическом строительстве. На институциональном уровне подвижки в области приоритетов выразились в упразднении ГКО и создании в 2016 г. Государственного совета КНДР под председательством Ким Чен Ына для осуществления комплексного руководства ускоренным развитием экономики и культуры в условиях укрепившейся обороны [Захарова 2017: 39].

Роль военных стала меняться по мере концентрации экономических полномочий у Кабинета министров. В его ведение был передан ряд функций, ранее принадлежавших армейским структурам. Например, вместо инвестиционной группы «Тэпхун», созданной в 2010 г. и контролируемой военными, главным органом по привлечению иностранных инвестиций в 2012 г. стала Комиссия по совместным предприятиям и инвестициям, подчинявшаяся Кабинету министров. В 2013 г. значительная часть её функций перешла к сформированной Комиссии государственного экономического развития. А в 2014 г. оба этих органа вошли в состав Министерства внешнеэкономических связей, сформированного на базе бывшего Министерства внешней торговли КНДР [Асмолов, Захарова 2022: 224].

Усиление роли Кабинета министров подтверждалось и статусом премьер-министра. После 7-го съезда Трудовой партии Кореи в 2016 г. глава Кабинета министров был включён в состав Центрального военного комитета партии и имел возможность участвовать в принятии решений в области военной политики. Если ранее Кабинет подчёркивал свою роль в эффективной поддержке оборонной промышленности, то при новой стратегической линии у премьер-министра появилась возможность более активно привлекать военных к решению национальных хозяйственных вопросов. Этого требовали амбициозные задачи по повышению уровня жизни населения, поставленные руководством страны.

В 2010-е гг. происходила оптимизация и перераспределение ресурсов из военных в гражданские сектора экономики, в том числе за счёт производства на военных заводах гражданской продукции или сырья, необходимого для гражданской промышленности [Choi Eunju 2020: 37]. В своём новогоднем обращении в 2019 г. Ким Чен Ын отмечал, что «работники оборонной промышленности, всем сердцем восприняв боевой призыв родной партии сконцентрировать все силы на хозяйственном строительстве, дали стране различные сельскохозяйственные, строительные машины, продукцию кооперативного производства и товары народного потребления, что способствовало процессу экономического развития

⁷ Report on Plenary Meeting of WPK Central Committee. KCNA, 31.03.2013. URL: <http://www.kcna.co.jp/item/2013/201303/2013-03-31ee.html> (accessed: 09.08.2024)

страны и повышения благосостояния населения»⁸. Таким образом, можно говорить о том, что производственные мощности ВПК активно задействуются для восполнения дефицита оборудования и потребительских товаров в гражданской экономике, хотя о полноценной конверсии данных пока нет. Кроме того, имели место случаи перепрофилирования военных баз для использования в целях экономического развития. В частности, на полуострове Вонсан-Кальма, где ранее проводились артиллерийские стрельбы, создаётся крупный прибрежный туристический район. На территории бывших авиабаз Чунпхён в 2019 г. И Рёнпхо в 2022 г. были построены крупные тепличные комплексы с использованием современных технологий.

В начале 2020-х гг. перед армейскими частями были поставлены новые важные задачи в области строительства. В частности, в период выполнения пятилетнего плана на 2021–2025 гг. ставится цель построить 50 тыс. квартир в Пхеньяне, чтобы полностью решить жилищный вопрос в столице. «Воины-строители» вносят существенный вклад в это дело, стоя в авангарде ежегодного строительства 10 тыс. квартир в современных жилых домах на улицах Пхеньяна⁹.

По приказу партии военнослужащие КНА реализовали ещё один крупный проект по развитию северокорейской столицы. В марте 2024 г. на окраине Пхеньяна торжественно прошла церемония завершения строительства и ввода в строй Кандонского тепличного комбината с общественными зданиями и террасными жилыми домами. Над их строительством трудились солдаты и офицеры авиационных частей, а также преподаватели, сотрудники и курсанты военных училищ¹⁰. Построенный с использованием современных технологий новый тепличный комплекс призван вносить весомый вклад в улучшение питания жителей столицы овощами. В дальнейшем строительство подобных современных теплиц планируется по всей стране, и высока вероятность привлечения к этому армейских частей, уже имеющих соответствующий опыт.

В начале 2024 г. Трудовой партией Кореи была объявлена политика регионального развития «20×10» по повышению материальных и культурных стандартов жизни народа путём радикальной модернизации местной промышленности, производящей потребительские товары. Согласно этой программе, в ближайшие 10 лет ежегодно в 20 уездах КНДР будут строиться новые производственные комплексы, которые должны стать локомотивами роста регионов. По сообщениям ЦТАК, в марте 2024 г. в 13 регионах в разных частях страны прошли церемонии начала строительства крупных производственных комплексов. В качестве объектов программы фигурируют в первую очередь те районы КНДР, которые серьёзно отстают по уровню экономического развития от среднего по стране¹¹. Для

⁸ New Year Address of Supreme Leader Kim Jong Un. KCNA, 01.01.2019. URL: <http://www.kcna.co.jp/item/2019/201901/news01/20190101-24ee.html> (accessed: 09.08.2024)

⁹ ЦТАК опубликовало подробное сообщение о том, что строители жилых домов на 10 тысяч квартир – второй очереди жилищного строительства в районе Хвасона блестяще осуществили очередное заветное желание нашей партии для народа. ЦТАК, 18.04.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/4bf52b45b823479d00591042ef78d12d.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024)

¹⁰ Уважаемый товарищ Ким Чен Ын присутствовал на церемонии завершения строительства и ввода в строй Кандонского тепличного комбината. ЦТАК, 16.03.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/96624a69402f2bf93f9a2c28536f04ce.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024)

¹¹ Кирьянов О. В 13 районах КНДР одновременно началось строительство крупных промкомплексов. *Российская газета*, 11.03.2024. URL: <https://rg.ru/2024/03/11/v-13-rajonah-kndr-odnovremenno-nachalos-stroitelstvo-krupnyh-promkompleksov.html> (дата обращения: 10.06.2024).

строительства современных промышленных предприятий в различных видах войск были сформированы новые строительные полки «124» КНА¹². При этом за дальнейшую эксплуатацию создаваемых объектов будут отвечать местные партийные и административно-хозяйственные работники. По словам премьер-министра страны, руководящие работники соответствующих районов должны предусмотрительно создавать сырьевые базы, готовить техников и мастеров, чтобы обеспечить непрерывность производства в будущем¹³. Армейские же части предоставляют, прежде всего, трудовые ресурсы для реализации поставленных партией задач.

Таким образом, в современных условиях руководство страны пытается максимизировать экономический эффект от сохранения многочисленной армии. И хотя существенные финансовые и кадровые ресурсы направляются на обеспечение обороны страны, вклад армии в мирное хозяйственное строительство становится всё более существенным. Военные КНДР являются в экономике страны не только потребителями, но и производителями, причём как для своих собственных нужд, так и для удовлетворения гражданских потребностей. Реализация крупных государственных проектов, участие в которых принимают военнослужащие, позволяет обеспечить занятость и для других слоёв северокорейского населения.

Заключение

В XXI в. в условиях враждебной военно-политической обстановки для руководства КНДР на первом месте стоят вопросы обеспечения безопасности государства. Вследствие этого сохраняется многочисленная армия, а развитие военно-промышленного комплекса осуществляется в приоритетном порядке с фокусом на реализацию высокотехнологичных ракетно-ядерных программ. Милитаризация экономики, выражающаяся в значительном объёме расходов на военные цели, останется неотъемлемой чертой экономической модели КНДР в обозримом будущем. При этом расходы на поддержание обороноспособности оптимизируются за счёт перенесения фокуса в ядерную и ракетную сферы.

В 2010-е гг. произошли существенные изменения в роли военных в экономике, сопровождавшиеся передачей ряда важных экономических функций из военных структур в гражданские. Используя лозунг «народ превыше всего», руководство страны стремится максимально задействовать армию в решении экономических проблем страны. Военные являются важным источником рабочей силы для выполнения поставленных партией национальных задач: от помощи в проведении сельскохозяйственных работ и устранении последствий стихийных бедствий до активного участия в развёрнутом по всей стране крупномасштабном строительстве жилья, тепличных комплексов и промышленных объектов. Оборонные предприятия подключаются к производству товаров невоенного назначения для снабжения сельского хозяйства и гражданской промышленности. Таким образом, милитаризация экономики КНДР на современном этапе, с одной стороны,

¹² Уважаемый товарищ Ким Чен Ын произнёс речь на церемонии начала построения предприятий местной промышленности в уезде Сончхон. *ЦТАК*, 29.02.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/b8b09585856917fb8519f29d9f7cc383.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024).

¹³ Премьер-министр Ким Док Хун ознакомился на месте с положением дел области сельского хозяйства в провинции Южный Хванхэ. *ЦТАК*, 18.04.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/a5e2816af4da4ad39c801253acbf4edc.kcmsf> (дата обращения: 09.08.2024).

предполагает направление существенных ресурсов на цели повышения обороноспособности государства, а с другой, обеспечивает руководству страны возможности для мобилизационного решения поставленных хозяйственных задач за счёт привлечения к ним армии и ВПК.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.
- Ванин Ю.В. История Кореи. Избранные статьи. М.: ИВ РАН, 2016. 828 с.
- Дьячков И.В. «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел. М.: МГИМО-Университет, 2016. 239 с.
- Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006. 216 с.
- Жебин А.З. Юбилей незаконченной трагедии // Кореистика. 2023. № 3 (4). С. 27–40.
- Захарова Л.В. Экономика КНДР: взгляд изнутри // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 38–45.
- Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии. М.: Наука, 1986. 291 с.
- Панкина И.Ю. Политика приоритета армии в КНДР: экономический аспект // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 73–84.
- Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2018. Т.3. Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / отв. ред. Г.Д. Толорая. 184 с.
- Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 544 с.
- Хрусталева В.В. Анонсированные программы наступательных вооружений КНДР: анализ реальных возможностей // Современные проблемы Корейского полуострова: Материалы XXV конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 25–26 марта 2021 года. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 44–55.

REFERENCES

- Asmolov K.V., Zakharova L.V. (2022). *Sovremennaya Severnaya Koreya: pervoye desyatiletie epokhi Kim Chen Yna (2012–2021)* [Modern North Korea: the first decade of the Kim Jong Un era (2012–2021)]. Moscow: ICCA RAS, 440 p. (In Russian).
- D'yachkov I.V. (2016). «Nemirnyy atom» Severo-Vostochnoy Azii: koreyskiy uzel [“Non-peaceful atom” of Northeast Asia: the Korean node]. Moscow: MGIMO, 239 p. (In Russian).
- Khrustalev V.V. (2021). Anonsirovannyye programmy nastupatel'nykh vooruzheniy KNDR: analiz real'nykh vozmozhnostey [Announced offensive weapons programs of the DPRK: the analysis of real possibilities]. *Sovremennye problemy Koreyskogo poluostrova [Modern problems of the Korean Peninsula]*. Moscow: IFES RAS, pp. 44–55. (In Russian).
- Opyt stroitel'stva sotsialisticheskoy ekonomiki v stranakh Azii [Experience in building a socialist economy in Asian countries]* (1986). Moscow: Nauka, 291 p. (In Russian).
- Pankina I.Yu. (2010). Politika prioriteta armii v KNDR: ekonomicheskiy aspekt [Army priority policy in the DPRK: economic aspect]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*, 1: 73–84. (In Russian).
- Postsotsialisticheskiy mir: itogi transformatsii [Post-socialist world: results of transformation]* (2018). V. 3. Aziatskiye modeli reformirovaniya. Vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii [Asian models of reform.

- Opportunities and challenges for Russia]. G.D. Toloraya (ed). Saint Petersburg: Aleteyya. 184 p. (In Russian).
- Toloraya G.D., Korgun I.A., Gorbacheva V.O. (2020). *Sanktsii v otnoshenii KNDR: analiz posledstviy i uroki* [Sanctions on North Korea: the Impact Analysis and Lessons]. Academic report. Moscow: Institute of Economics RAS. 46 p. (in Russian).
- Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.I.F. (2008). *Koreyskiy poluostrov: metamorfozy poslevoynnoy istorii* [Korean Peninsula: metamorphoses of post-war history]. Moscow, OLMA Media Grupp, 544 p. (In Russian).
- Vanin Yu.V. (2016). *Istoriya Korei. Izbrannyye stat'i* [History of Korea. Selected articles]. Moscow: IV RAN, 828 p. (In Russian).
- Zakharova L.V. (2017). *Ekonomika KNDR: vzglyad iznutri* [Economy of the DPRK: an inside view]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 12: 38–45. (In Russian).
- Zhebin A.Z. (2006). *Evolutsiya politicheskoy sistemy KNDR v usloviyakh global'nykh peremen* [The evolution of the political system of the DPRK in the context of global changes]. Moscow: Russkaya panorama, 216 p. (In Russian).
- Zhebin A.Z. (2023). *Yubiley nezakonchennoy tragedii* [Anniversary of an unfinished tragedy]. *Koreyevedeniye*, 3 (4): 27–40. (In Russian).

* * *

- Cho Namhoon (2016). *Bukhan gunsageongjeui hyeonhwang* [Current status of North Korea's military economy]. *KDI bukhangyeongjeribyu*, 12: 19–24. (In Korean).
- Choi Eunju (2020). *Kim Jong Un sidae gyeongje baljeon jeonryakgwa gunsusaneobui yeokhal* [Economic development strategy and the role of the military industry in the Kim Jong Un era]. *Sejongjeongchaegyongu*, 3. Sejong: sejongyeonguso. 41 p. (In Korean).
- Haggard Stephan, Noland Marcus (2017). *Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea*. Stanford, California: Stanford University Press, 321 p.
- Scobell, Andrew, and John M. Sanford (2007). *Introduction. North Korea's military threat: Pyongyang's conventional forces, weapons of mass destruction, and ballistic missiles*. Strategic Studies Institute, US Army War College, pp. 1–16.
- Smith Hazel (2015). *North Korea: Markets and Military Rule*. Cambridge University Press, 381 p.

Поступила в редакцию: 11.06.2024
Принята к публикации: 20.07.2024

Received: Jun 11, 2024
Accepted: Jul 20, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-92-115

Влияние искусственного интеллекта на ключевые факторы, определяющие успех проектов в секторе здравоохранения Китая

Шах Мехмуд Ваган¹,
Мухаммад Усман Ашар¹,
Сидра Сидра¹

¹ Сычуаньский университет, Китай

Аннотация. Правительство Китая уделяет особое внимание технологиям искусственного интеллекта (ИИ) во многих отраслях, включая здравоохранение. Успех инициатив в области ИИ зависит от внедрения и привлекательности ИИ для врачей, медсестёр, лиц, принимающих решения, и пациентов. Данное исследование направлено на изучение основных факторов при реализации инициатив в области ИИ в сфере здравоохранения. В исследовании анализируется модель принятия технологии и выявляются наиболее распространённые факторы, а также простота использования, полезность, отношение к применению ИИ и личное намерение использовать. Была проведена систематическая оценка 34 смежных исследований, опубликованных с 2020 по 2023 г., с целью выявления наиболее часто используемых элементов. В ходе исследования авторы также использовали метод структурных уравнений в частных производных с применением метода наименьших квадратов (PLS-SEM). Данные были собраны в ходе опросов 154 сотрудников сектора здравоохранения и ИТ в Китае. Результаты показали, что на восприятие полезности и простоты использования проектов ИИ определённо влияют управленческие, организационные, операционные факторы, а также факторы ИТ-инфраструктуры.

Ключевые слова: управленческие факторы, фактор успеха, сектор здравоохранения, искусственный интеллект (ИИ).

Авторы:

Шах Мехмуд Ваган, доктор философии (наука управления и инженерия), студент, бизнес-школа Сычуаньского университета (адрес: 610064 Китай, Чэнду, Дорога Цзюяньцяо Ванцзян, 29). ORCID: 0009-0003-0449-2655. E-mail: shah.mehmood04@outlook.com

Мухаммад Усман Ашар, магистр (деловое администрирование), студент, бизнес-школа Сычуаньского университета (адрес: 610064 Китай, Чэнду, Дорога Цзюяньцяо Ванцзян, 29). ORCID: 0009-0009-8498-4441. E-mail: usmanashar1298@gmail.com

Сидра Сидра, магистр (управление и инженерия), студент, бизнес-школа Сычуаньского университета (адрес: 610064 Китай, Чэнду, Дорога Цзюяньцяо Ванцзян, 29). ORCID: 0009-0003-1689-3296. E-mail: sidra_scu@outlook.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шах Мехмуд В., Мухаммад Усман А., Сидра С. The influence of artificial intelligence on the key factors that determine the success of projects in China's health sector [Влияние искусственного интеллекта на ключевые факторы, определяющие успех проектов в секторе здравоохранения Китая] // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 92–115. (На англ.). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-92-15

The influence of artificial intelligence on the key factors that determine the success of projects in China's health sector

Shah Mehmood Wagan¹,
Muhammad Usman Ashar¹,
Sidra Sidra

¹ Sichuan University, China

Abstract. The Chinese government is focusing on Artificial Intelligence (AI) techniques for numerous sectors, such as healthcare. The achievement of AI initiatives depends on the adoption and attractiveness of AI by way of physicians, nurses, decision-makers, and patients. This study aims to explore essential achievement factors for implementing AI initiatives inside the healthcare industry. The research analyzes the Technology Acceptance Model (TAM) and identifies the broadly applied factors, together with the perceived ease of use, perceived usefulness, attitude towards use, and behavioral intention to use. A systematic evaluation of 34 related studies among 2020 and 2023 was carried out to discover the most popular elements. The authors also used Partial Least Squares Structural Equation Modelling (PLS-SEM). The data was collected through surveys from 154 employees within the health and IT sectors in China. The findings demonstrated that perceived usefulness and ease of use of AI projects are definitely influenced by management, organizational, operational and IT infrastructure factors.

Keywords: Managerial Factors, Success Factor, health sector, Artificial Intelligence (AI).

Authors:

Shah Mehmood Wagan, PhD (Management Science & Engineering), Student, Business School of the Sichuan University, China (address: 29 Jiuyanqiao Wangjiang Road, Chengdu Zip: 610064 China). ORCID: 0009-0003-0449-2655. E-mail: shah.mehmood04@outlook.com

Muhammad Usman Ashar, Master (Business Administration), Student, Business School of the Sichuan University, China (address: 29 Jiuyanqiao Wangjiang Road, Chengdu Zip: 610064 China). ORCID: 0009-0009-8498-4441. E-mail: usmanashar1298@gmail.com

Sidra Sidra, Master (Management Engineering), Student, Business School of the Sichuan University, China (address: 29 Jiuyanqiao Wangjiang Road, Chengdu Zip: 610064 China). ORCID: 0009-0003-1689-3296. E-mail: sidra_scu@outlook.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Shah Mehmood W., Muhammad Usman A., Sidra S. (2024). The influence of artificial intelligence on the key factors that determine the success of projects in China's health sector. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 92–115. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-92-115

1. Introduction

Artificial intelligence (AI) is revolutionizing medical care by assisting doctors in making informed decisions based on patients' health conditions and history. The Shanghai government in China is implementing AI projects to improve patient monitoring services. This research aims to identify crucial success elements for AI initiatives in the healthcare industry, using the Technology Acceptance Model (TAM) framework. AI can help predict future diseases and combat medication shortages, benefiting developed countries and supporting society. This article aims to analyze importance and success for the implementation of AI projects in China, especially in healthcare. The study uses the technology acceptance model as a theoretical framework to analyze previous studies and experimentally examine the impact of multiple external factors, including managerial, organizational, operational, strategic, and IT infrastructure challenges, that affect the acceptability and implementation of AI initiatives in healthcare. The study shows the crucial success factors of AI initiatives in China and Shanghai and adds to the body of current work in this area. The Chinese government is working towards building a fully smart country, and AI in healthcare is one of the key components of this strategy. The study will help the Chinese government achieve its AI strategies in the health domain, considering the primary determinants that have the most impact on the desired objective.

The implementation and approval of AI initiatives would broaden the scope of the healthcare sector, enabling efficient surveillance of patient situations and aiding in the management of individual health records. The acceptability and implementation of AI initiatives in the healthcare sector rely on their operational functionality and the benefits they provide. The attitudes of nurses towards AI projects have a critical role in the adoption of certain AI initiatives. The five factors (managerial, operational, strategic, IT infrastructure, and organizational) involved in implementing AI projects in the healthcare sector have not been particularly studied yet. This research looks at how AI projects in the healthcare sector are being used in Shanghai, a well-known East Asian city. The objective of the study is to fill the current vacuum in knowledge on these subjects and provide essential elements for the implementation of AI initiatives in Shanghai's healthcare system. The research seeks to examine the correlation between these crucial determinants of success and AI projects, emphasizing the significance of comprehending the factors that impact the performance of AI projects in the healthcare industry.

2. Literature Review

This study uses a technology acceptance model (TAM) to investigate the use of artificial intelligence in the healthcare industry. Most relevant studies typically examine various external factors used in the technology acceptance model (TAM) [Barber et al. 2023]. These factors include system quality, computer games, automaticity, content quality, perspective, accessibility, enjoyment, and information quality. They influence the five main pillars of the TAM for various forms of AI and user categories [Shou et al. 2020].

The data produced is deemed genuine, since it was examined via published papers using TAM's statistical meta-analysis. The TAM is widely recognized as a legitimate and resilient framework that can be used across many areas and contexts [Signorile 2005]. A moderator analysis was performed to evaluate the factors that might lead to different results, taking into account both

user and use types [Song et al. 2006]. Health professionals have a crucial role in executing AI initiatives in their respective fields [Vanwelkenhuysen 1998]. The study highlights the complex relationship between AI and human life, as digital disruptions and information technologies can impact service delivery in the healthcare sector [Bongini et al. 2022]. AI projects in healthcare have been gaining popularity due to their benefits, such as improving workflows and enhancing patient care [Wilson et al. 2021]. However, some implementations fail due to stakeholder rejection. Various technological measures have been developed to address this, and the following principles are commonly used in psychology and sociology. The following theories are commonly used to study technology acceptance and use: The Uniform Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT), Technology Acceptance Model (TAM), Theory of Diffusion of Innovation (DOI), Theory of Rational Action (TRA), Theory of Planned Behavior (TPB), and social psychological theory (SCT) [Selcon et al. 1995].

The main objective of the study is to identify the critical factors contributing to the success of AI systems in healthcare in Shanghai through technology adoption [Chaibdraa 1995]. The AI technologies integration across several sectors is crucial for AI projects in East Asia, particularly those focused on smart cities. The existing corpus of the study mostly focuses on the general acceptability of technology efforts, without specifically investigating the use of artificial intelligence in the healthcare sector [Shokouhyar et al. 2019].

2.1. Projects using artificial intelligence in the field of healthcare

Artificial intelligence is playing an important role in the healthcare industry, improving patient outcomes and reducing costs. The China's Shanghai Health Authority is adopting a strategy combining AI and robotics to automate healthcare processes. AI technologies like IBM Watson are being used to analyze patient data and provide solutions to biomedical problems. The objective of the China AI plan is to establish itself as the global leader in AI investments [Cheng et al. 2010].

AI systems are excelling in predictive analytics in medicine, predicting hospitalization risks and probability of mortality. AI initiatives in healthcare aid in the censorship of data, improving prognosis modeling, and enhancing computer-aided diagnosis systems [Easton & Rosenzweig 2012]. Advanced AI methods improve care quality by identifying non-obvious issues, enhancing clinical relationships, and enabling timely interventions. However, there is a deficiency in the existing body of literature about the integration of AI in the healthcare industry and user acceptance, particularly in the East Asia, where smart cities are requiring AI implementation in all sectors [Fidan et al. 2011].

2.2. The Technology Acceptance Model (TAM)

It is an essential framework for easing the acceptance of technologies in different industries [Guimaraes et al. 1995]. Based on person perceptions of usefulness and usability, system-specific and external variables have impacted it. The TAM assists in assessing customers' preparedness for embracing information systems. This is proven by Figure 1 [Hines 2019].

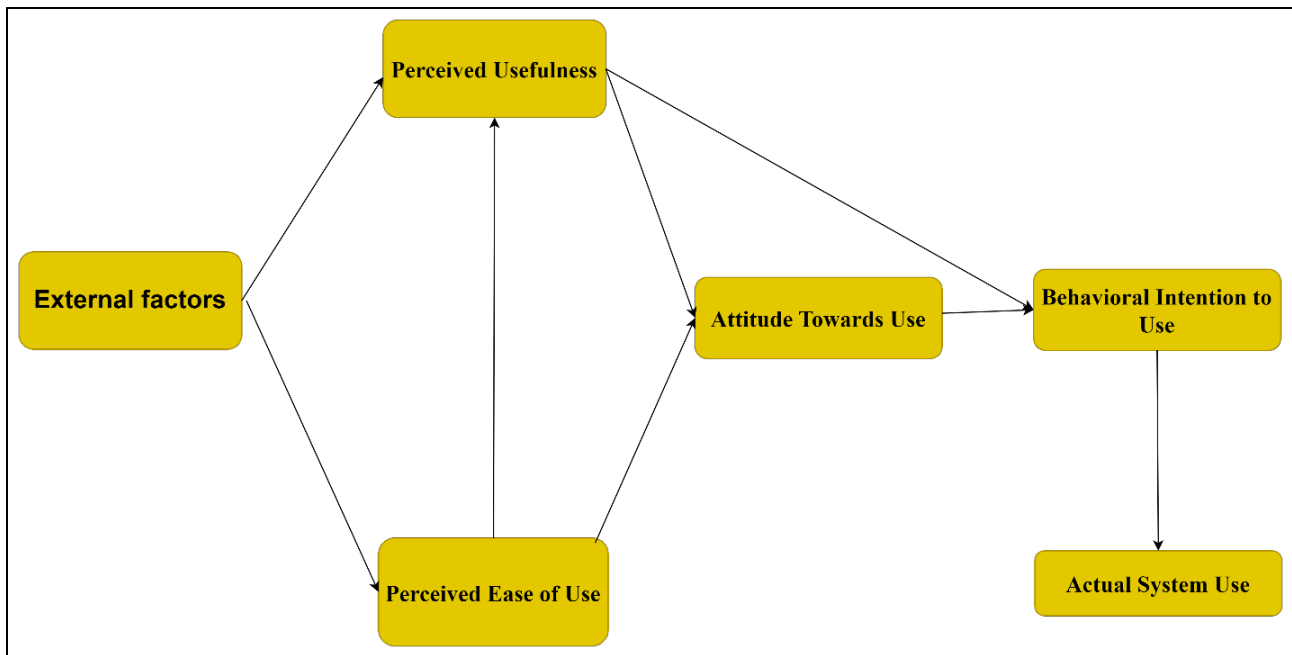

Figure 1. Actual Technology Acceptance Model (TAM).

Source: Developed by the authors.

It is a comprehensive model that examines the multitude of variables that affect the adoption and technology use throughout numerous settings [Hooda & Singla 2021]. It gives a platform for identifying the factors that affect the acceptance of technology amongst numerous user corporations. The goal of the TAM is to study the impact of external factors on attitudes, intentions, and beliefs by means of figuring out variables which have been studied within the past [Kim 2020]. [Jayasena et al. 2023] contend that the technology acceptance system takes into consideration cognitive and emotional factors that influence person corporations.

2.3. AI projects integration with the Technology Acceptance Model (TAM)

The Technology Acceptance Model (TAM) is a notable prediction model that may help user organizations embrace AI initiatives in the healthcare industry [Klumpp & Zijm 2019]. Although the TAM was first utilized in the United States, it has swiftly spread over the world and has been widely adopted in this industry [Malanchini et al. 2021], [Sandkuhl et al. 2020]. Based on a comprehensive analysis of 34 publications from 2020 to 2023, [Peng & Nunes 2009] discuss that user companies often use five external factors – management, operations, planning, programming, and IT systems – to increase time awareness. One study found that IT-related management, operations, policy and strategy can enhance the field of technology applications in the healthcare sector.

3. Research model and hypothesis

The Technology Acceptance Model (TAM) is widely and effectively used in many industries, including the commercial sector, training, and healthcare. A moderator conducted a survey to identify user groups and AI users. A meta-evaluation approach is used to identify the factors affecting the adoption of AI in the healthcare industry. Typical external factors involve various

aspects of IT infrastructure, operations, technology, and strategy. The ultimate goal is to develop a revised version of the TAM that incorporates key concepts and provides connections between the five key TAM variables and common external factors.

3.1. Research framework and hypothesis

The proposed framework of the modified technology acceptance model in this segment elucidated the current research project and operationalized a research model.

3.1.1. Managerial Factors

[Costantino et al. 2015] claim that in addition to the adoption of technology, managerial factors also influence a range of characteristics inside an organization. The acceptance of truth is significant in the scientific domain since it conveys gratitude and agreement with the other character. It has a positive influence on the value and usability of AI initiatives in the healthcare industry. Perceived pressure to avoid certain sports is also influenced by social norms, or the idea that other people rely on one another to behave well. As a consequence, people might also get preoccupied on their own emotional reactions and worldviews. Consequently, the following ideas might be proposed:

H1a: Managerial factor influences perceived usefulness positively.

H1b: The ease of use is positively impacted by managerial factors.

3.1.2. Organizational Factors

Organizational factors play an important role in figuring out whether people will approve or reject a new technology. Factors inclusive of supporting innovative initiatives, presenting training packages, and having neighborhood know-how make contributions to multiplied adoption. Additionally, forming international partnerships and collaborating with different organizations enhance adaptability. These factors have an effect on how people understand the artificial intelligence usefulness and the ease of use of services within the healthcare sector. As a result, subsequent stereotypes were furthered:

H2a: Organizational factors have a positive impact on perceived usefulness.

H2b: Organizational factors have a positive impact on the ease of use.

3.1.3. Operational Factors

When evaluating the efficacy and user-friendliness of artificial intelligence initiatives in the healthcare sector, perceived amusement is an essential consideration. It has a positive effect on both consumer perception of the technology and intrinsic variables. A new era device's consumer-experience entertainment can reduce the person's worries about its use. Thus, the acceptance or adoption of AI tasks is essentially determined through the diploma of perceived usefulness. Two theories may be developed from this finding, which are as follows:

H3a: Perceived usefulness has a positive impact on operational factors.

H3b: The ease of use has a positive impact on operational factors.

3.1.4. Strategic Factors

The importance of strategic factors in a business enterprise's performance with stakeholders is emphasized by [Zare 2017]. In the healthcare enterprise, consumer pride is essential to the

deployment of AI tasks that prevail. The ease of use and perceived usefulness of AI initiatives in the healthcare industry are influenced by perceived satisfaction. The relevance of user satisfaction in AI project development is shown by research, which indicates that happy users are more likely to find AI projects pleasant and beneficial. Consequently, this explanation leads to the formulation of the following two hypotheses:

H4a: Perceived usefulness is positively impacted by the strategic aspect.

H4b: The strategic component facilitates the ease of use.

3.1.5. Information Technology (IT) Infrastructure factor

Hardware and IT infrastructure are examples of the physical components of a business that are referred to as system quality. It is essential in deciding how readily available, easily operated, flexible, and dependable technology is. Users of technology in the healthcare industry are affected by artificial intelligence in general. For AI initiatives in the healthcare industry to be accepted, adopted and used, certain system quality requirements must be met. The quality of the material has a big impact on whether AI projects are adopted and used. The ease of use and perceived utility of AI projects are positive outcomes. Information quality is the aspect applied to label the level of data provided by the healthcare industry AI projects. AI frameworks must provide patients and medical professionals with the fast and accurate information. The data quality has a big impact on how valuable AI projects are seen to be in the healthcare sector. These claims allow for the development of two hypotheses of the information quality impact on the ease of use and perceived usefulness of AI initiatives in the medical field.

H5a: Perceived usefulness is positively impacted by the infrastructure component.

H5b: The ease of use is positively impacted by infrastructure.

3.2. Technology Acceptance Model Constructs

The ease of use and perceived usefulness, two perceptions which are main to the TAM model, are among the broad factors of acceptance that explain user behavior.

3.2.1. Perceived ease of use (PEOU)

It contains the degree of technological sophistication and the perceived simplicity of appropriate use. The research indicates that the perception of how easy something is to use greatly affects one's desire to actually utilize it. Perceived ease of use, referring to the level of simplicity with which physicians may use AI initiatives, is a concept often employed in the healthcare industry. The following hypothesis may be framed based on the available facts:

H2a1: Perceived ease of use has a positive effect on the willingness to adopt artificial intelligence in the healthcare industry.

H2a2: Perceived ease of use has a positive effect on the perceived usefulness of using artificial intelligence in the healthcare industry.

H2a3: Perceived ease of use positively influences attitudes towards the use of AI services in the healthcare industry.

3.2.2. Perceived usefulness (PU)

In the healthcare context, perceived usefulness describes how users expect technology to enhance productivity. While physicians' perceptions of how artificial intelligence works will determine their accreditation, it can improve physician performance. Perceived benefits greatly influence attitudes towards the use of AI in healthcare.

H2b1: Perceived usefulness has a positive effect on the intention to use AI services in the healthcare industry.

H2b2: Perceived ease of use has a positive effect on the willingness to use AI in healthcare.

3.2.3. Attitude towards use (ATU)

[Bahrom, Khorma, Mohd, and Bashayreh 2011] argue that an individual's positive or negative attitudes shape their points of view and affect how they accept and use them intelligently applied to healthcare. Thus, the following hypothesis can be made:

H2c: Attitude towards artificial intelligence has a positive effect on behavioral intention to implement AI projects in the healthcare industry.

3.2.4. Behavioral intention (BI)

The study has proved that the intention to utilize AI in a certain context is strongly influenced by the goal to adopt AI project in the healthcare industry. This, in turn, significantly affects the actual use of these projects. As a result, the following hypothesis may be put forward:

H2d: The healthcare industry utilizes a system that effectively applies artificial intelligence creativities.

3.2.5. Actual system use (ASU)

[Teeroovengadam, Heeraman, and Jugurnath 2017] define system implementation as when a technology system has been implemented in its intended format by the subject and adopted by IT and medical staff. However, this theory is dependent on other theories (TAM), in particular the notion of the behavior.

H2e: The adoption of artificial intelligence products in the healthcare industry has a positive effect on the intention to use the system.

The TAM has been up to date, and the studied model and hypothesis offer many theories on its constructs. The approach primarily emphasizes organizational, managerial, strategic, operational, and IT infrastructure as the most often employed external factors. The model explores the relationship between external factors and the 5 key elements of the TAM. As seen in Figure 2, hypothesis become related to each aspect, and the findings of the exploration could be used to decide the validity and efficacy of these hypotheses.

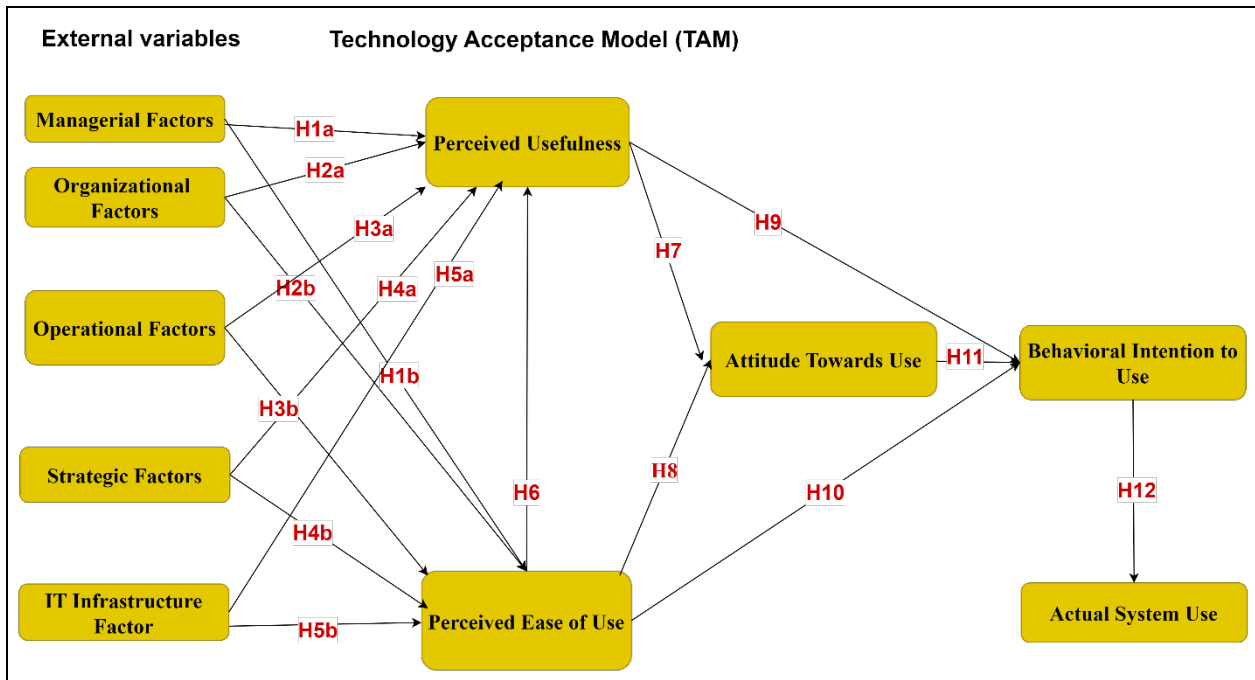

Figure 2. Modified Research Model.

Source: Developed by the authors.

4. Research Methodology

The acceptance and adoption of artificial intelligence health initiatives are investigated in this study applying the Technology Acceptance Model (TAM) paradigm. It recognizes external factors, such as IT infrastructure and managerial, operational, organizational, and strategic components, within the fields of training, IT, healthcare, and business. In order to offer thorough causes on survey shape and design, the studies use the Structure Equation Model for replies to online questionnaires.

4.1. Research design

Two alike kinds of research designs have been used to determine the essential components of success for jobs using AI in the healthcare industry. The survey design is the first kind, while the meta-evaluation design is the second. The following provides full details for both types.

4.2. Survey Design

Quantitative primary data from 154 individuals from different companies were gathered for this research using a survey approach. Understanding employee attitudes regarding artificial intelligence initiatives in the IT and health areas was the major goal of the study. Researchers benefit from the survey research design since it measures respondents' attitudes and reveals important success factors impacting the execution of AI projects.

4.3. Meta-Analysis Design

By increasing the sample size and conforming to the study's scope, the meta-analysis design structure contributes to a fresh synoptic reasoning perspective of the issue. It assists in analyzing discrepancies in research results between 34 studies, increasing precisions, and calculating

implications. Inadequate data gathering, however, may jeopardize the validity and applicability of the study's conclusions. More divergent results, according to [Nardi 2018], make it difficult to justify interpretations.

With a specific importance on the project staff and owners' attitudes, the research study attempts to examine the success elements of AI initiatives in the healthcare industry. An online survey questionnaire was used for the research, which was carried out in Shanghai, China. Healthcare workers' attitudes have a big impact on whether or not they are willing to include AI systems into patient treatment regimens.

4.4. Methodology Challenges

Since there had not been any prior reliable studies on the successful execution of AI projects in the healthcare industry, the study encountered difficulties in gathering data and finding sources. Due to their hectic schedules and emergency procedures, the research also had trouble finding interested doctors and project managers at Shanghai hospitals to participate in interviews.

4.5. Sample description

154 surveyors participated in this research, which focused on Shanghai's IT and medical personnel. For the online poll, doctors from Changning Hospital, Pudong Hospital, and Jing'an Hospital were chosen. Individual judgment was employed in the purposeful sampling process to choose participants. The study's objective was to provide precise information for a particular use.

4.6. Methods and Tools for Data Collection

The validity and reliability of measurement model were assessed using Structural Equation Modeling, which replaced the prior path model, utilizing an online questionnaire survey to gather quantitative data for this research.

4.7. Study Instrument

To evaluate research hypotheses on the Technology Acceptance Model constructs, a survey instrument was created to assess the constructions by using a diverse set of questions derived from the five factors seen in Table 1.

Table 1. Study Factors

PART	Factors	Number of questions
3	Operational Factors	2
2	Managerial Factors	3
6	Organizational Factors	4
5	IT Infrastructure Factors	4
4	Strategic Factors	2

Source: Developed by the authors.

4.8. Survey Structure

Crucial success factors for implementing AI initiatives in the healthcare sector were gathered for this research study via a questionnaire survey. The survey was comprised of six sections: demographics, IT infrastructure factors, organizational factors, managerial considerations, operational aspects, and strategic factors. The survey had 28 questions with multiple choice answers on a 5-point Likert scale.

4.9. Ethical consideration

In order to guarantee accurate and legitimate research results, this study focuses on ethical issues and adherence to human standards of ethics. Through the research, the healthcare systems in Shanghai and other parts of China will be improved by identifying key determinants for successfully applying AI projects. The survey results will use the technological acceptance model to examine the factors for applying AI projects in the healthcare industry in Shanghai, therefore addressing the study questions. Furthermore, the findings will investigate the correlation between these characteristics and AI initiatives.

5. Results

5.1. Descriptive Statistics

The study results from an online survey questionnaire show (see Table 2) that within total of 154 participants this study recruited, 74 % are young professionals with a high acceptance of new technologies; 16 % are middle-aged professionals with rich work experience, and 10 % are senior professionals who may be more conservative about new technologies. 39 % of the total number of people are directly involved in medical services and have a deep understanding of the medical applications of AI technology; 26 % are direct executors of medical services and have practical experience in using AI technology;

19 % of the overall count of individuals are accountable for the advancement, maintenance and optimization of AI systems; while 15 % are responsible for formulating medical policies and promoting the applying of AI projects. 7 % of the total number of people are basic medical workers or junior IT personnel. They account for 39 % of the total number of people and are the backbone of the medical and IT fields. 54 % are senior medical and IT professionals, who have a high acceptance of new technologies. 13 % of the total number of employees are full of curiosity and desire to learn new technologies; 39 % have some work experience and are more receptive to new technologies; 19 %, or senior employees, are cautious about new technologies; 29 % are senior professionals, who have a more comprehensive assessment of new technologies. 84 % of the total population believe that AI will greatly improve the efficiency and quality of medical services; 12 % are cautiously optimistic about AI technology and need to further observe its actual effects, while 4 % have complaints about AI technology and are concerned about its potential risks and impacts. Figure 3 shows a pie chart for occupational distribution and views on AI in the medical field.

Table 2. Descriptive statistics.

Statistical indicators	Frequency	Percentage
Total number of participants	154	
Age distribution		
– 25 to 34 years old	114	74
– 35 to 44 years old	25	16
– Over 45 years old	15	10
Occupational Distribution		
– Doctor	60	39
– Nurse	40	26
– IT Professionals	30	19
– Management staff	24	15
Education		
– College degree and below	10	7
– Undergraduate	60	39
– Master degree or above	84	54
Years of working experience		
– 1 to 3 years	20	13
– 4 to 7 years	60	39
– 8 to 10 years	30	19
– 10 years or more	44	29
Views on AI in the medical field		
– Very supportive	130	84
– Support but need to observe	18	12
– Unsure/Disagree	6	4

Source: Developed by the authors.

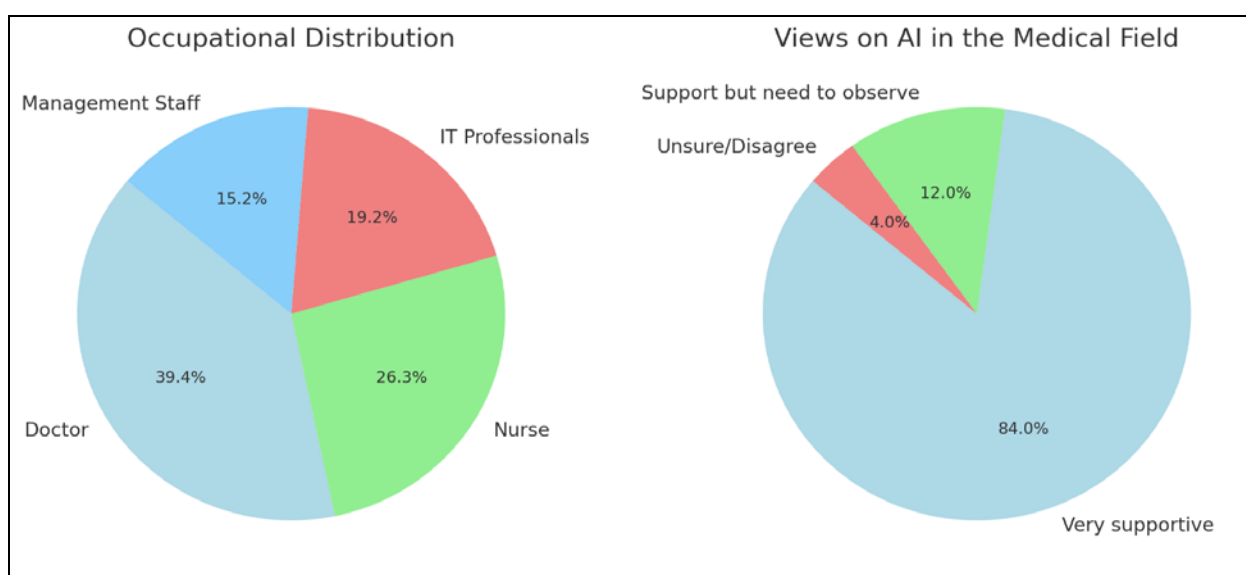

Figure 3. Pie chart for occupational distribution and views on AI in the medical field.

Source: Developed by the authors.

5.2. Questionnaire Pilot Study

The reliability of a questionnaire for medical and IT workers at health facilities in Shanghai was evaluated via a pilot study. By using Cronbach's alpha, the TAM internal reliability constructs were assessed. All constructs exhibited reliability coefficients over 0.70, suggesting their high level of dependability.

5.3. Methodology for Partial Least Squares analysis

5.3.1. Evaluation of the measuring model (Outer model)

This study uses smart PLS software to develop Partial Least Squares Structural Equation Modeling (PLS-SEM) application due to user-friendly interface and advanced reporting features. Relationships among latent constructs are described using a measurement model and indicators between. To assess the efficiency of the model, [Chin 1998] suggests convergent and discriminant validity. Discriminant validity establishes evidence of difference, and convergent validity establishes evidence of theoretical similarity.

5.3.2. Convergent validity

The research included two methods to assess convergent reliability: calculating composite reliabilities and examining the loadings of individual measurements in Table 3. To establish convergent validity, the Smart PLS 4 Partial Least Squares (PLS) technique was used. Crucial information on loadings, t-values, weights, average variance extracted (AVE), and overall reliability for each item were obtained from the first boot trapping PLS method. This operation included 315 samples. With individual scores ranging from 0.777 to 0.922, the findings demonstrated an acceptable internal consistency with a composite reliabilities rating of 0.70.

Table 3. Results of convergent validity (Factor loading, composite reliability, Cronbach's Alpha, ≥ 0.70 & AVE > 0.5) guarantee satisfactory values.

Constructs	Items	Factor Loading	Cronbach's Alpha	CR	AVE
Managerial factors	MG1	0.896	0.827	0.897	0.869
	MG2	0.983			
	MG3	0.796			
	MG4	0.902			
	MG5	0.823			
Organizational factors	OF1	0.862	0.839	0.856	0.638
	OF2	0.915			
	OF3	0.791			
	OF4	0.935			
	OF5	0.865			
Operational factors	PF1	0.762	0.902	0.786	0.832
	PF2	0.915			
	PF3	0.912			
	PF4	0.878			
	PF5	0.769			

Constructs	Items	Factor Loading	Cronbach's Alpha	CR	AVE
Strategic factors	ST1	0.897	0.762	0.769	0.725
	ST2	0.942			
	ST3	0.713			
	ST4	0.793			
	ST5	0.852			
IT Infrastructure factor	ITF1	0.796	0.789	0.875	0.841
	ITF2	0.846			
	ITF3	0.798			
	ITF4	0.857			
	ITF5	0.926			
Perceived Usefulness	PD1	0.934	0.893	0.845	0.821
	PD2	0.826			
	PD3	0.794			
Perceived Ease of Use	PEU1	0.988	0.793	0.852	0.616
	PEU2	0.904			
	PEU3	0.885			
Attitude towards use	ATU1	0.845	0.812	0.843	0.754
	ATU2	0.912			
	ATU3	0.763			
Behavioral intention to use	BIU1	0.834	0.912	0.764	0.867
	BIU2	0.876			
	BIU3	0.834			
Actual System Use	ASU1	0.907	0.912	0.891	0.792
	ASU2	0.934			

Source: Developed by the authors.

5.3.3. Discriminant validity

Discriminant validity is the process of distinguishing a particular construct from other constructs in a research paradigm. This study used two methods to assess discriminant validity: calculating correlations between measurement items and latent variable measures and examining the retrieved mean differences. The analysis indicated that all measurement items had significant weights based on their latent components, with AVE values ranging from 0.837 to 0.926 because each concept had significant variance among the measurements, this indicates that Table 4 has definite discrimination.

5.3.4. Heterotrait-Monotrait Ratio of Correlations (HTMT)

Recently, a new technique for evaluating discriminant validity in PLS-SEM has been devised, which makes use of the Heterotrait-Monotrait ratio of the correlations (HTMT) in Table 5. It is believed to be more actual than more traditional methods like the Fornell-Larcker method and partial cross-loadings in Table 6. It is correlated with the mean of correlations between monotrait and heteromethod. Significant correlations between model constructs are indicated by values below 1,

while values above 1 indicate discriminant validity. Many studies advise a threshold of 0.85 or 0.90. A higher variance between each construct's results indicates discriminatory validity.

Table 4. The Scale of Fornell-Larcker.

	Actual System Use	ATU	BIU	ITF	MG	PF	PEU	PD	ST	OF
Actual System Use	0.913									
ATU	0.426	0.879								
BIU	0.312	0.397	0.856							
ITF	0.167	0.264	0.235	0.865						
MG	0.312	0.213	0.313	0.225	0.884					
PF	0.122	0.128	0.247	0.524	0.269	0.849				
PEU	0.118	0.168	0.115	0.656	0.287	0.423	0.918			
PD	0.076	0.248	0.119	0.285	0.326	0.489	0.675	0.846		
ST	0.039	0.243	0.314	0.458	0.316	0.652	0.364	0.542	0.869	
OF	0.176	0.413	0.475	0.522	0.624	0.675	0.428	0.546	0.537	0.863

Source: Developed by the authors.

Table 5: Cross-loading Results.

	Actual System Use	ATU	BIU	ITF	MG	PF	PEU	PD	ST	OF
ASU1	0.907	0.473	0.912	0.082	0.021	0.105	0.024	0.073	0.045	0.134
ASU2	0.934	0.453	0.686	0.027	0.015	0.144	0.027	0.064	0.047	0.154
ATU1	0.254	0.845	0.341	0.067	0.026	0.063	0.148	-0.042	0.073	0.034
ATU2	0.287	0.912	0.474	0.031	0.022	0.005	0.16	0.057	0.044	0.017
ATU3	0.579	0.763	0.667	0.038	0.024	0.004	0.125	0.053	0.009	0.034
BIU1	0.556	0.726	0.834	0.075	0.031	0.05	0.135	0.137	0.087	0.013
BIU2	0.475	0.512	0.876	0.116	0.023	0.094	0.045	0.124	0.052	0.104
BIU3	0.495	0.535	0.834	0.072	0.012	0.054	0.022	0.057	0.024	0.114
ITF1	0.028	0.082	0.015	0.796	0.256	0.453	0.547	0.574	0.448	0.381
ITF2	0.087	0.014	0.082	0.846	0.18	0.356	0.623	0.582	0.375	0.423
ITF3	0.085	0.038	0.042	0.798	0.135	0.435	0.562	0.474	0.248	0.403
ITF4	0.028	0.082	0.015	0.857	0.015	0.144	0.027	0.064	0.047	0.154
ITF5	0.087	0.014	0.082	0.926	0.026	0.063	0.148	-0.042	0.073	0.034
MG1	0.023	0.015	0.021	0.213	0.896	0.354	0.287	0.276	0.274	0.551
MG2	0.058	0.027	0.043	0.169	0.983	0.167	0.224	0.243	0.324	0.524
MG3	0.029	0.029	0.07	0.192	0.796	0.283	0.16	0.265	0.372	0.526
MG4	0.023	0.015	0.021	0.213	0.902	0.031	0.05	0.135	0.137	0.087
MG5	0.018	0.056	0.023	0.087	0.823	0.144	0.027	0.064	0.047	0.154

	Actual System Use	ATU	BIU	ITF	MG	PF	PEU	PD	ST	OF
PF1	0.127	0.012	0.069	0.453	0.201	0.762	0.367	0.263	0.363	0.623
PF2	0.132	0.013	0.036	0.495	0.177	0.915	0.411	0.356	0.583	0.631
PF3	0.057	0.017	0.02	0.403	0.347	0.912	0.252	0.426	0.676	0.432
PF4	0.018	0.056	0.023	0.087	0.014	0.878	0.042	0.113	0.009	0.526
PF5	0.035	0.035	0.562	0.085	0.038	0.769	0.313	0.485	0.433	0.069
PEU1	0.112	0.014	0.079	0.652	0.287	0.362	0.988	0.654	0.368	0.442
PEU2	0.042	0.113	0.009	0.526	0.24	0.37	0.904	0.532	0.234	0.264
PEU3	0.313	0.485	0.433	0.069	0.024	0.041	0.885	0.064	0.041	0.016
PD1	0.074	0.023	0.054	0.581	0.183	0.427	0.546	0.934	0.356	0.431
PD2	0.034	0.034	0.043	0.504	0.315	0.341	0.423	0.826	0.423	0.439
PD3	0.107	0.054	0.042	0.556	0.312	0.462	0.52	0.794	0.537	0.515
ST1	0.013	0.017	0.025	0.231	0.215	0.452	0.225	0.353	0.897	0.394
ST2	0.075	0.025	0.018	0.363	0.305	0.576	0.238	0.412	0.942	0.458
ST3	0.007	0.032	0.016	0.418	0.147	0.514	0.374	0.464	0.713	0.352
ST4	0.074	0.023	0.054	0.581	0.183	0.427	0.546	0.034	0.793	0.032
ST5	0.057	0.017	0.02	0.403	0.347	0.012	0.252	0.025	0.852	0.031
OF1	0.104	0.026	0.072	0.274	0.534	0.266	0.268	0.373	0.283	0.862
OF2	0.142	0.032	0.054	0.316	0.651	0.402	0.264	0.414	0.326	0.915
OF3	0.116	0.014	0.024	0.512	0.206	0.804	0.35	0.421	0.524	0.791
OF4	0.058	0.027	0.043	0.169	0.983	0.167	0.224	0.243	0.324	0.935
OF5	0.014	0.023	0.071	0.072	0.032	0.256	0.258	0.343	0.073	0.865

Source: Developed by the authors.

Table 6: HTMT technique.

	Actual System Use	ATU	BIU	ITF	MG	PF	PEU	PD	ST	OF
Actual System Use										
ATU	0.621									
BIU	0.137	0.564								
ITF	0.075	0.092	0.106							
MG	0.046	0.042	0.046	0.245						
PF	0.167	0.066	0.125	0.644	0.305					
PEU	0.321	0.745	0.417	0.426	0.352	0.584				
PD	0.123	0.075	0.137	0.443	0.385	0.655	0.132			
ST	0.065	0.139	0.124	0.513	0.414	0.235	0.534	0.702		
OF	0.226	0.123	0.124	0.623	0.235	0.289	0.65	0.783	0.466	

Source: Developed by the authors.

5.3.5 The Structural model evaluation

To identify causal relationships between the latent coefficients of the research model, the study looks at the structural model and hypothesis, testing how R-squared and path coefficients are used to assess the power of the model capable of prediction. Figure 4 shows how PLS-Graph (SmartPLS 4) was used to validate the design process.

5.3.6 Coefficient of determination

The coefficient of determination (R^2) is widely used to analyze structural models, predict accuracy, and determine the amount of variation between constructs. Data are expressed as squared correlations between actual and expected values for endogenous constructs. According to [Chin 1998], R^2 statistics ranging from 0.19 to 0.33 indicate moderate predictive power, values from 0.33 to 0.67 indicate good predictive power, and values from 0.67 to 1 indicate strong power predicting. Table 7 illustrates behavioral intention to use, actual system use, perceived usefulness, attitude towards use and perceived ease of use, as well as R^2 values of usefulness.

Table 7. Endogenous latent variables’.

Constructs	R^2	Results
Behavioral intention to use	0.376	Moderate
Actual System Use	0.637	Moderate
Perceived Usefulness	0.489	Moderate
Attitude towards use	0.598	Moderate
Perceived Ease of Use	0.468	Moderate

Source: Developed by the authors.

5.3.7. Hypotheses testing – Path coefficient

The study used Structural Equation Modeling to examine many postulated connections inside a research model. The results showed that structural model successfully conformed to the data for the study model, as all values fell within the specified range. The results confirmed sixteen out of the seventeen hypotheses, and all endogenous variables were validated in Figure 4. The findings indicated that the perceived utility of the system had a noteworthy impact on several aspects, including managerial, organizational, strategic, operational, perceived ease of use, IT infrastructure features. The perceived level of usefulness and ease of use significantly influenced individuals' attitudes and their desire to engage in the practice. No statistically significant correlation was seen between strategic considerations and perceived ease of use. Additionally, Hypotheses H4b were mostly unsupported in Table 8. A statistically significant association was shown between the behavioral intention to utilize and the attitude toward system use. The study proposes recommended values for the research model suitable fit indices.

Table 8. The structural model results are statistically significant at a level of $p^{**} \leq 0.01$ and $p^* < 0.05$.

Hyp.	Relationship	Path	t-value	p-value	Supported or Not
H1a	Managerial factor→Perceived Usefulness	0.324	3.124	0.014	Yes
H1b	Managerial factor→Perceived Ease of Use	0.154	2.252	0.03	Yes
H2a	Organizational factors→Perceived Usefulness	0.178	2.385	0.012	Yes
H2b	Organizational factors→Perceived Ease of Use	0.148	4.416	0.034	Yes
H3a	Operational factors→Perceived Usefulness	0.159	1.962	0.041	Yes
H3b	Operational factors→Perceived Ease of Use	0.263	1.512	0.045	Yes
H4a	Strategic factors→Perceived Usefulness	0.227	3.217	0.001	Yes
H4b	Strategic factors→Perceived Ease of Use	0.047	0.383	0.695	Not
H5a	IT Infrastructure factor→Perceived Usefulness	0.518	7.428	0	Yes
H5b	IT Infrastructure factor→Perceived Ease of Use	0.617	7.256	0	Yes
H6	Perceived Ease of Use→Perceived Usefulness	0.235	3.179	0.002	Yes
H7	Perceived Usefulness→Attitude towards use	0.127	4.645	0.003	Yes
H8	Perceived Ease of Use→Attitude towards use	0.247	6.794	0.007	Yes
H9	Perceived Usefulness→Behavioral intention to use	0.513	7.147	0.004	Yes
H10	Perceived Ease of Use→Behavioral intention to use	0.117	7.588	0.004	Yes
H11	Attitude towards use→Behavioral intention to use	0.678	17.786	0.001	Yes
H12	Behavioral intention to use→Actual System Use	0.912	77.783	0.001	Yes

Source: Developed by the authors.

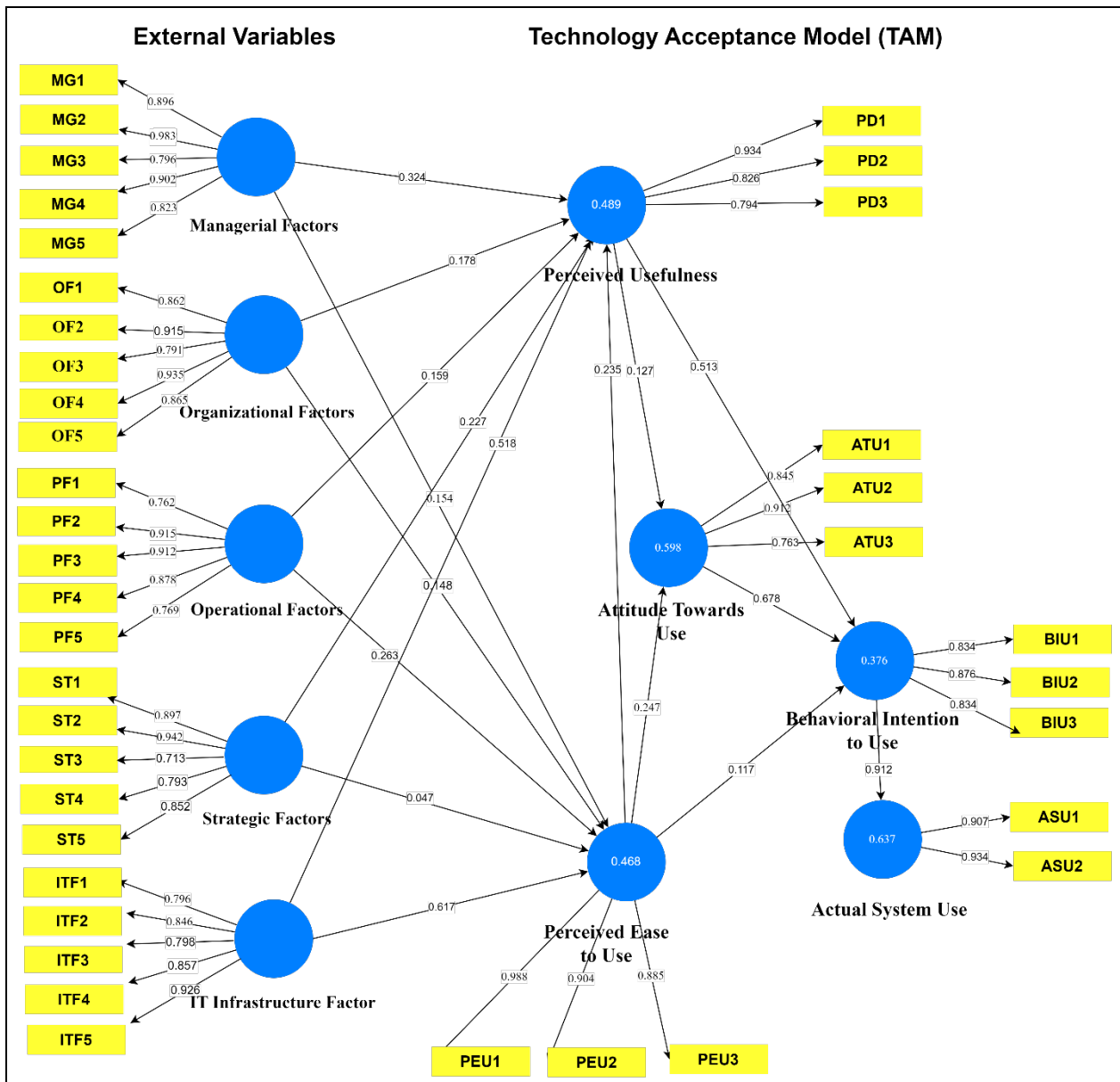

Figure 4. The coefficient values are statistically significant at $p^{**} \leq 0.01$ and $p^* < 0.05$.

Source: Developed by the authors.

6. Discussion

First, management factors are crucial to the success of AI projects. An effective governance structure and sufficient financial resources provide a solid foundation for the advancement of AI projects. Management decisions in project planning, resource allocation, and risk control directly affect the efficiency and results of project execution. Therefore, improving management and strengthening policy support are one of the key measures to ensure the success of AI projects. The efficacy of artificial intelligence initiatives in the healthcare industry is largely dependent on a number of factors, including IT infrastructure, organizational, managerial, operational, and strategic aspects. Examining these critical project success factors in conjunction with the corpus of existing research on AI projects is the aim of this study. Structural equation modeling was used to assess the

validity of the study hypotheses (PLS-SEM). The study included 315 samples, and Table 3 shows the results of 17 different hypotheses. The coefficient of determination (R^2) values was found to be moderate, with high, moderate, and weak values ranging from 0.33 to 0.67, according to the findings. Observed variables with moderate power included physical variables of actual use, one's attitude towards users, behavioral intention to use, perceived ease of use, and the perception of usefulness with R^2 values ranging from 0.636 to 0.464. At the same time, providing systematic training to help employees master new technologies and methods is also an important guarantee for the smooth implementation of AI projects. In addition, cooperation with internationally renowned AI companies can introduce advanced technology and management experience, further improving the probability of project success.

All seventeen hypotheses were validated by the SEM, with the exclusion of one, and the coefficient combination of the variables showed proposed correlations. Perceived usefulness is significantly influenced by managerial, organizational and operational factors, infrastructure, IT infrastructure factors and perceived ease of use. These factors were also significantly influenced by attitudes towards implementation and willingness to engage in it. However, there was no empirical evidence to support the claim that there is a relationship between perceived ease of use and the strategy dimension H4b. Ultimately, project managers and consumers within the health sector should give priority to these factors when developing AI initiatives, as they will raise project success rates and opportunities, which will ultimately help individual health conditions. The role of strategic factors in the success of AI projects cannot be ignored. Clear strategic goals and long-term planning can provide directions and paths for project implementation. At the same time, by regularly evaluating project progress and effects and timely adjusting strategies and resource allocation, we can ensure that the project is always moving towards the established goals. However, this study also found that the impact of strategic factors on perceived ease of use was not significant, which may be related to the complexity in the formulation and execution of strategic goals. Therefore, when formulating and executing strategies, it is necessary to pay more attention to operability and effectiveness.

7. Conclusion and Future work

The authors comprehensively analyzed 34 relevant studies published between 2020 and 2023, and used the extended Technology Acceptance Model (TAM) and Partial Least Squares Structural Equation Model (PLS-SEM) to explore the key factors affecting the success of artificial intelligence (AI) projects in the medical field in China, especially in Shanghai. The study covered five external factors: management, organization, operation, strategy, and IT infrastructure, and collected feedback from 154 employees in the medical and IT fields in China through a questionnaire survey.

Management factors have a significant positive impact on the perceived usefulness and ease of use of AI projects. Effective governance and the availability of financial resources are critical to the success of AI projects. Organizational factors also positively influence the perceived usefulness and ease of use of AI projects. Organizational culture, employee training, local experience, and international partnerships play an important role in improving the success rate of AI projects. Operational factors are significant compared to AI projects perceived usefulness, and also affect perceived ease of use. The accuracy and complexity of AI projects are important to their success. Strategic factors significantly impact AI projects perceived usefulness, but no significant correlation

was seen in favor of perceived ease of use. Long-term planning and clear strategic goals are important to project success. IT infrastructure factor may impact AI projects success the most and have a positive impact on ease of use and perceived usefulness. Resource allocation, system quality, and content quality are the key to success.

7.1. Future Work

Based on the results of the present study, future work could expand and deepen the following aspects. Future research could be extended further into the country, and not just Shanghai, to obtain more universal data. At the same time, it is also possible to analyze the success factors of AI projects across industries and sectors. The present-day research mainly focuses on the success factors of AI projects. In the upcoming, an in-depth analysis of the fundamental reasons of failure of AI projects can be carried out to better comprehend the situations that impact the success of the project. By tracking the implementation and efficiency of specific AI applications over time, we can gain a deeper understanding of the dynamic changes in various factors over the lifecycle of the project and the ongoing impact on its success. New AI technologies and solutions are constantly emerging as technology continues to evolve. Future research could focus on the impact of emerging technologies on the success factors of AI projects and how businesses can adapt to these technological changes. There are differences in cultural, legal and economic environments in various countries and regions, which can have different impacts on the success of AI projects in the future. Therefore, cross-cultural comparative studies can be conducted to identify similarities and differences in AI project success factors in different cultures. Through these future research directions, we can strengthen and deepen our understanding of the success factors of AI projects and provide comprehensive and powerful guidance for practices in related industries.

7.2. Implications for Practice

This research project utilizes a modified Technology Acceptance Model (TAM) to comprehend the artificial intelligence initiatives adoption and acceptance in the health sector. To guarantee the implementation of best practices and enhance attitudes towards AI projects in their corporate setting, researchers evaluate significant external factors according to their company's culture and processes.

7.3. Research Limitations

The present research on the Technology Acceptance Model (TAM) and artificial intelligence (AI) engineering project in East Asia, particularly in China, has faced many difficulties. It lacks research for the role of AI accomplishments in the healthcare industry. Conducting extensive research in several nations is crucial to examine the significance of important factors that lead to success. Conducting interviews with physicians and health project managers for government and commercial organizations may be a challenging task that sometimes causes hesitation. The results concentrate on the essential components that contribute to the effective execution of AI projects in Shanghai, China, without discussing the factors that lead to failure.

Appendix A: Questionnaires / Employees Survey**Shanghai Questionnaire: Success Factors for Using Artificial Intelligence (AI) Projects in the Health Sector****Part One: Managerial Factor**

1 – Does the implementation of effective governance have an impact on the success of AI projects?

2 – Do you believe that cooperation has an impact on the success of AI projects?

3 – Does the success of AI initiatives depend on the availability of financial resources (government support)?

Part Two: Operational Factor

1 – Does the success of AI projects depend on how complicated the AI system or solution is?

2 – Does the accuracy of health information in AI systems/solutions impact the success of AI projects?

Part Three: Strategic Factor

1 – Do you believe that the presence of well-defined strategic objectives has an impact on the success of an AI project?

2 – Do you believe that the organization's implementation of long-term planning has an impact on the success of an AI project?

Part Four: Information Technology Infrastructure Factor

1 – Do you believe that the allocation of adequate resources has an impact on the success of an AI project?

2 – Do you believe that the simplicity of AI design, namely its user-friendliness, has an impact on the success of an AI project?

3 – Do you believe that the quality of a system, in terms of its ability to fulfill required activities, has an impact on the success of an AI project?

4 – Do you believe that the quality of content/information has an impact on the success of an AI project?

Part Five: Organizational Factor

1 – Do you believe that the organizational culture has a role in the success of AI projects?

2 – Do you believe that providing enough training for the staff contributes to the success of AI projects?

3 – Do you believe that incorporating local experience in AI projects enhances the likelihood of their success?

4 – Do you believe that establishing worldwide partnerships with prominent AI businesses contributes to the success of AI projects?

REFERENCES

- Barber, S., Izagirre, U., Serradilla, O., Olaizola, J., Zugasti, E., Aizpurua, J.I., Milani, A.E., Sehnke, F., Sakagami, Y., & Henderson, C. (2023). Best Practice Data Sharing Guidelines for Wind Turbine Fault Detection Model Evaluation. *Energies*, 16 (8), Article 3567. DOI 10.3390/en16083567
- Bongini, P., Osborne, F., Pedrazzoli, A., & Rossolini, M. (2022). A topic modelling analysis of white papers in security token offerings: Which topic matters for funding? *Technological Forecasting and Social Change*, 184, Article 122005. DOI 10.1016/j.techfore.2022.122005
- Chaibdraa, B. (1995). Industrial applications of distributed AI. *Communications of the Acm*, 38 (11): 49–53. DOI 10.1145/219717.219761
- Cheng, M.-Y., Tsai, H.-C., & Sudjono, E. (2010). Conceptual cost estimates using evolutionary fuzzy hybrid neural network for projects in construction industry. *Expert Systems with Applications*, 37 (6): 4224–4231. DOI 10.1016/j.eswa.2009.11.080
- Easton, G.S., & Rosenzweig, E.D. (2012). The role of experience in six sigma project success: An empirical analysis of improvement projects. *Journal of Operations Management*, 30 (7–8): 481–493. DOI 10.1016/j.jom.2012.08.002
- Fidan, G., Dikmen, I., Tanyer, A.M., & Birgonul, M.T. (2011). Ontology for Relating Risk and Vulnerability to Cost Overrun in International Projects. *Journal of Computing in Civil Engineering*, 25 (4): 302–315. DOI 10.1061/(asce)cp.1943–5487.0000090
- Guimaraes, T., Yoon, Y., & Oneal, Q. (1995). Success factors for manufacturing expert-system development. *Computers & Industrial Engineering*, 28 (3): 545–559. DOI 10.1016/0360-8352(94)00208-5
- Hines, A. (2019). Getting Ready for a Post-Work Future. *Foresight and Sti Governance*, 13 (1): 19–30. DOI 10.17323/2500-2597.2019.1.19.30
- Hooda, A., & Singla, M.L. (2021). Core – competencies – a key to future – oriented and sustainable e-governance implementation: a mixed method research. *Transforming Government – People Process and Policy*, 15 (1): 80–107. DOI 10.1108/tg-12-2019-0122
- Jayasena, N.S., Chan, D. W. M., Kumaraswamy, M.M., & Saka, A.B. (2023). Applicability of public-private partnerships in smart infrastructure development: the case of Hong Kong. *International Journal of Construction Management*, 23 (11): 1932–1944. DOI 10.1080/15623599.2022.2027076
- Kim, J.-S. (2020). A Legal Policy Study on the Safety of Artificial Intelligence and Human Ethics [인공지능의 안전성과 인간윤리에 대한 법정책적 고찰]. *Law Review*, 20 (1): 1–35. URL: <https://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE09323581>
- Klumpp, M., & Zijm, H. (2019). Logistics Innovation and Social Sustainability: How to Prevent an Artificial Divide in Human-Computer Interaction. *Journal of Business Logistics*, 40 (3): 265–278. DOI 10.1111/jbl.12198
- Malanchini, I., Agostini, P., Alam, K., Baumgart, M., Kasparick, M., Liao, Q., Lipp, F., Marchenko, N., Michailow, N., Pries, R., Schotten, H., Stanczak, S., & Strzyz, S. (2021). Leveraging Machine Learning for Industrial Wireless Communications. *KICK White Paper*. DOI 10.48550/arXiv.2105.02051
- Peng, G.C., & Nunes, M.B. (2009). Surfacing ERP exploitation risks through a risk ontology. *Industrial Management & Data Systems*, 109 (7): 926–942. DOI 10.1108/02635570910982283
- Sandkuhl, K., Shilov, N., & Smirnov, A. (2020). Facilitating digital transformation: success factors and multi-aspect ontologies. *International Journal of Integrated Supply Management*, 13 (4): 376–393. DOI 10.1504/ijism.2020.110739
- Selcon, S.J., Smith, F.J., Bunting, A.J., Irving, M.A., Coxell, A.W., & Shorter, N. (1995). An explanatory tool for decision-support on data-fused panoramic cockpit displays. *Proceedings of SPIE*. Conference on Cockpit Displays II, Orlando, Fl.

- Shokouhyar, S., Seifhashemi, S., Siadat, H., & Ahmadi, M.M. (2019). Implementing a fuzzy expert system for ensuring information technology supply chain. *Expert Systems*, 36 (1), Article e12339. DOI 10.1111/exsy.12339
- Shou, W., Wang, J., Wu, P., & Wang, X. (2020). Value adding and non-value adding activities in turnaround maintenance process: classification, validation, and benefits. *Production Planning & Control*, 31 (1): 60–77. DOI 10.1080/09537287.2019.1629038
- Signorile, R. (2005). A decision support system for inventory control using planning and distributed agents. In M. Ali & F. Esposito (Eds.), *Innovations in Applied Artificial Intelligence*, 3533: 192–196. DOI 10.1007/11504894_28
- Song, L., Wang, P., & AbouRizk, S. (2006). A virtual shop modeling system for industrial fabrication shops. *Simulation Modelling Practice and Theory*, 14 (5): 649–662. DOI 10.1016/j.simpat.2005.10.012
- Vanwelkenhuysen, J. (1998). The tender support system. *Knowledge-Based Systems*, 11 (5–6): 363–372. DOI 10.1016/s0950-7051(98)00065-3
- Wilson, A., Saeed, H., Pringle, C., Eleftheriou, I., Bromiley, P.A., & Brass, A. (2021). Artificial intelligence projects in healthcare: 10 practical tips for success in a clinical environment. *Bmj Health & Care Informatics*, 28 (1). DOI 10.1136/bmjhci-2021-100323

Поступила в редакцию: 10.08.2024

Принята к публикации: 24.08.2024

Received: Aug 10, 2024

Accepted: Aug 24, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-116-126

Концепция выбора названия компании в Xiaomi Corporation

Александрова Анна Дмитриевна¹¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В статье рассматриваются причины и процесс выбора названия компании Xiaomi Corporation, которое переводится как «маленькое рисовое зёрнышко». В отличие от многих китайских фирм, у Xiaomi Corporation выбор названия был связан не только с маркетинговым ходом, который позволил корпорации успешно выйти на международный рынок и выгодно выделиться на фоне других брендов, но и с желанием продемонстрировать «свою историю», которая при помощи определённых символов отражала бы такие значимые аспекты китайской культуры, как уважение к традициям, связь с исторической памятью и т.д. Опыт компании Xiaomi Corporation показывает, насколько сильно могут влиять традиции и история на современные представления о создании и развитии бренда.

Ключевые слова: Китай, Xiaomi Corporation, брендинг, символ, название компании, рис.

Автор: Александрова Анна Дмитриевна, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-4308-4673. E-mail: alexaann007@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0017 «Переход Китая на инновационную ресурсосберегающую модель экономического роста с широким использованием информатизации, цифровизации, искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Александрова А.Д. Концепция выбора названия компании в Xiaomi Corporation // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 116–126. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-3-116-126

The concept of choosing a Xiaomi Corporation's company name

Aleksandrova Anna D.¹¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is dedicated to the reasons and process of choosing a company name in Xiaomi Corporation, which can be translated as "A small grain of rice". Unlike many Chinese companies, Xiaomi Corporation's choice of name was associated not only with a marketing move that would allow the company

to successfully enter the international market and stand out from other brands, but also with the desire to demonstrate "its history", which, by using certain symbols, would reflect such significant aspects of Chinese culture as respect for traditions, connection with historical memory, etc. The experience of Xiaomi Corporation shows how strongly traditions and history can influence modern ideas about the creation and development of a brand.

Keywords: China, Xiaomi Corporation, branding, symbol, company name, rice.

Author: Aleksandrova Anna D., Researcher of the Center for Socio-Economic Research of China, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4308-4673. E-mail: alexaann007@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0017 "China's transition to an innovative resource-saving model of economic growth with the widespread use of informatization, digitalization, and artificial intelligence").

For citation: Aleksandrova A.D. (2024). Kontsepsiya vybora nazvaniya kompanii v Xiaomi Corporation [The concept of choosing a Xiaomi Corporation's company name]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3: 116–126. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-3-116-126

В начале XXI в. в связи с внешнеэкономической переориентацией России на страны Азии происходит постепенный «поворот на Восток». По этой причине возрастает интерес к культуре, традициям и в целом к национальным особенностям Китая. Особенно заслуживает внимания тенденция превращения за относительно небольшой срок многих китайских компаний из небольших фирм в корпорации, способные составить западным компаниям на международном рынке реальную конкуренцию по уровню спроса у потребителей. При этом многие китайские корпорации имеют уникальную историю создания собственных брендов, которая выделяет их среди других фирм и отражает значимые аспекты национальной культуры [Махортова, Мордовина 2011: 2].

Исследованием взаимосвязи традиций и символов в китайской культуре занимаются многие авторы, в том числе и в нашей стране. Среди трудов российских синологов на эту тему можно выделить работы В.Г. Булова [Булов 2009: 447–459], А.В. Ломанова [Ломанов 2013: 167–177], монографии В.В. Малявина [Малявин 2001: 517–589], А.И. Кобзева [Кобзев 1993: 36–228], А.А. Маслова [Маслов 2013: 13–74, 208–244]. В Китае подобным темам посвящены работы таких учёных, как Лян Шумин [Лян Шумин 2004: 131–141], Чен Мингджер [Чен Мингджер 2009: 150–282], Чэнь Гуансы [Чэнь Гуансы 2020: 166–219; Чэнь Фэйфэй 2020: 166–219] и др.

В современном Китае внимание к культурным традициям проявляется при помощи использования определённых символов в названии или логотипе, которые подчёркивают особенности национальных реалий. Кроме того, большую роль играют и специалисты по фэншуй, к которым часто обращаются владельцы компаний для выбора названия, разработки логотипа и даже для определения даты начала бизнес-деятельности, так как всё это станет своеобразной визитной карточкой, которая и будет производить первое и самое важное впечатление.

Рассмотрим уникальную историю создания собственного бренда на примере современной китайской компании Xiaomi Corporation.

Xiaomi Corporation (Xiǎomǐ Jítuán, 小米集团 – Сяо Ми Цзи Туань) – китайская компания, которая была основана Лэй Цзюнем в 2010 г. Лэй Цзюнь часто называют «китайским Стивом Джобсом» за его целеустремлённость. В 1991 г. он окончил Уханьский университет, получил степень бакалавра в области компьютерных технологий и начал работать в компании Kingsoft Corporation Limited, а в 1998 г. стал её генеральным директором. В 2000 г. Лэй Цзюнь основал joyo.com – платформу розничной онлайн-торговли, которая была приобретена Amazon в 2004 г. В то же время Лэй Цзюнь инвестировал в различные инновационные компании, включая JOYY Inc. и UCWeb. Таким образом, к моменту создания Xiaomi у него уже был достаточный опыт в сфере компьютерных технологий.

Создавая компанию, команда основателей Xiaomi первоначально обсуждала несколько вариантов предложенных названий, среди которых были: «Красная звезда» (红星 – Хун Син), «Красный перец» (红辣椒 – Хун Ла Цзяо) и «Чёрный рис» (黑米 – Хэй Ми), прежде чем компания стала называться «Сяоми» («Маленькое рисовое зёрнышко») (小米 – Сяо Ми). В названии, по задумке Лэй Цзюня, должны были соединиться традиции Китая, удачная концепция и маркетинговый ход, что в совокупности позволило бы бренду успешно выйти на международный рынок, обладая при этом «своей историей». Рассмотрим более подробно каждый из предложенных вариантов названий.

«Красная звезда» (红星 – Хун Син) и «Красный перец» (红辣椒 – Хун Ла Цзяо)

Выбор сочетания «Красная звезда» в качестве названия компании очень тесно связан с этимологией цвета и изображением звезды [Шэнь Чжэньхуэй 2019: 179]. Красный цвет является важным для жителей Поднебесной и ассоциируется с процветанием, новой жизнью, символом праздника и Нового года [Маслов 2018: 81–82]. Кроме того, он встречается на официальных государственных символах КНР, принятых в 1949 г. [Александрова 2020: 66].

Изображение пятиконечной звезды также играет значимую роль в культуре Китая, оно связано и с политическим контекстом, с идеями коммунизма [Мао Цзэдун 1960: 101, 105]. Пятиконечная звезда ассоциируется с числом «5», которое соотносится с китайской философией о пяти благословениях, пяти сторонах света и пяти первоэлементах. Кроме того, цифра «пять» присутствует и в основе традиционной пятиступенчатой системы звучания звуков (пентатоника) в китайской музыке [Пушкарская 2021: 18].

Однако, «Красная звезда» могла перекликаться с названием компании “红星”¹ (торговое название – “Red Star”), которая занимается изготовлением и продажей вина, или же ассоциироваться с РСФСР и отсылать к раннесоветской символике, принятой после революции 1917 г. Все эти коннотации в будущем могли отрицательно повлиять на выбор покупателей, и поэтому данный вариант был отвергнут.

С названием «Красный перец» могла произойти похожая ситуация. Дело в том, что, хотя перец и является одним из главных ингредиентов в сычуаньской кухне и часто используется в медицине, исторически в Китай он был завезён из Америки. Кроме того, на протяжении длительного времени Министерством сельского хозяйства США был запрещён ввоз в страну сычуаньского перца из-за того, что в цитрусовых ягодах, к которым относится

¹ В 1951 г. торговая марка “Red Star” стала одним из первых одобренных и зарегистрированных товарных знаков в Новом Китае.

это растение, могут содержаться возбудители бактериального заболевания – язвы. Поэтому ассоциация названия бренда с запрещённым, тем более не китайским, продуктом также могла оттолкнуть потенциальных покупателей².

«Чёрный рис» (黑米 – Хэй Ми)

Иероглиф 黑 (hei – «чёрный») может иметь диаметрально противоположные значения, зависящие от контекста: названия криминальных сообществ, оценка поступка [Сунь 2020: 75; Ма 2020: 175], справедливость (Бао Чжэн – «судью Бао» – часто изображают с чёрным лицом и белым родимым пятном в форме полумесяца на лбу), принадлежность к высшему обществу, знак тяжкого преступления [Турбина 2016: 20] и разновидность сорта риса³. В отличие от Китая, во многих европейских странах чёрный цвет символизирует траур, смерть и колдовство [Власова 2016: 57], поэтому и такое название также могло оттолкнуть потенциальных покупателей на Западе.

«Маленькое рисовое зёрнышко» (小米 – Сяо Ми)

После многочисленных дискуссий советом директоров было принято решение назвать компанию «Маленькое рисовое зёрнышко» (小米 – Сяо Ми). Почему компания была названа именно так?

Во-первых, в названии присутствует символ традиционной культуры – рис, который в Китае имеет очень важное значение⁴, его активно выращивают с незапамятных времён [Xinxin 2017: 6486–6491]. Рис является самым востребованным продуктом, который употребляют в пищу в большом количестве [Сухомлинова 2018: 94]. Помимо этого он также занимает важное место и в буддизме, оказавшем большое влияние на китайский менталитет [Чебунин 2011: 46, 2019: 20–30].

Основатель компании Лэй Цзюнь подчёркивал аспект значимости концепта риса в буддизме, аргументируя именно этот выбор во время очередных дискуссий по поводу названия. Философия буддизма близка самому Лэй Цзюню: в одном из своих многочисленных интервью, посвящённых деятельности компании, он проводил аналогию между философией буддизма и развитием стартапов⁵. Эта актуализация связи названия с национальной традицией и религиозными корнями в дискурсе, регулярно транслируемом главой компании, показывает, насколько для современного Китая остаётся значимой связь с исторической памятью.

² The Reason Sichuan Peppercorns Were Once Banned In The US. *Mashed*, Feb 2, 2024. URL: <https://www.mashed.com/449601/the-reason-sichuan-peppercorns-were-once-banned-in-the-us/> (accessed: Feb 2, 2024).

³ 乾隆从灾区拿来“黑米”，让皇子们各吃一碗，这顿饭吃了6个小时 [Qianlong brought “black rice” from the disaster area and asked the princes to eat a bowl each. The meal lasted for 6 hours]. *Baidu*, Jan 3, 2023. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1627089118548233569&wfr=spider&for=pc> (accessed: Jan 3, 2023).

⁴ China: On the origin of Rice 稻 – Myths, History and Folklore. *Earthstoriez*, Feb 8, 2024. URL: <https://www.earthstoriez.com/myths-history-folklore-rice-china/> (accessed: Feb 8, 2024).

⁵ Что общего у буддизма и работы в стартапе: размышления основателя Xiaomi Лэй Цзюня. 07.12.2023 URL: <https://www.transitplus.ru/life/chto-obshego-u-buddizma-i-raboti-v-startape-razmishleniya-osnovatelya-xiaomi-lei-czunya> (дата обращения: 07.12.2023).

Для самого Лэй Цзюня рис имеет и своё особое «сакральное» значение. Во-первых, город Сяньтао, в котором родился Лэй Цзюнь, ещё со времени правления Гуансюя (династия Цин) славился производством ароматного риса, который и сегодня высоко ценится на рынке. Во-вторых, основатель «Сяоми» родился в 1969 г. в непростое для Китая время, когда в рационе большинства жителей страны преобладали рис и лапша, так как это были наиболее доступные продукты, позволявшие «накормить семью» [Ван Цзы 2022: 123].

В-третьих, идея вложить в название компании символ, важный не только для создателя, но и в целом для страны, прекрасно бы вписалась в контекст ценности традиций и учения фэншуй в современном Китае. Кроме того, Лэй Цзюнь был хорошо знаком с историей успеха Apple, когда компания с логотипом в виде символично надкусанного яблока и незамысловатым названием смогла завоевать мир. Сам Лэй Цзюнь уважительно отзывался о Стиве Джобсе, интересовался его разработками и в чём-то даже перенял его манеру презентаций.

В итоге рис становится символом компании «Сяоми» – символом объединения, подчёркивающим уважение и значимость китайских традиций в современном мире.

В названии «Сяоми» необходимо было также отразить специфику деятельности компании (производство смартфонов), с которой Лэй Цзюнь и его команда планировали выйти на международный рынок. В процессе коллективных размышлений о концепции бренда инвестор Лю Цинь заметил: «Интернет рождён для того, чтобы избегать большого и целого. Мы не берём ни большого, ни малого. Давайте назовём это *Xiaomi*»⁶. Таким образом, слово «*xiaomi*» означало «маленькое рисовое зёрнышко», где “*Mi*” также представляло сочетание первых букв “*Mobile internet*”, подчёркивая ориентирование на производство смартфонов. Кроме того, “*Mi*” также является аббревиатурой названия фильма «Миссия невыполнима» (*Mission Impossible*). Эта аббревиатура была выбрана не случайно: в 2010 г., когда компания «Сяоми» только начала активно продвигать свои смартфоны, ей предстояло конкурировать с брендами по цене, при этом сохраняя уровень качества, близкий к топовому на рынке, и обойти таких авторитетных конкурентов, как *Samsung* и *Lenovo*⁷. Поэтому сочетание “*Mi*” отражало путь, выбранный компанией, и то, насколько он будет трудным, но в конечном итоге окажется удачным – подобно тому, как в фильмах «Миссия невыполнима» главный герой всегда находил разгадки сложных головоломок и выходы из непростых ситуаций. Так и зародилось «маленькое рисовое зёрнышко».

Помимо лаконичного названия, необходимо было разработать логотип – символ компании, который бы отражал её ценности. Таким символом стал заяц в шапке-ушанке с красной звёздочкой и с красным пионерским шарфом на шее. Этот выбор отражает особенности использования символов и анималистических изображений в китайской культуре и мифологии [Попова 2021: 48].

Шапка-ушанка с красной звёздочкой символизирует дух беззаветной преданности борьбе за коммунизм; дух верности Партии и народу и идеи самопожертвования,

⁶小米为什么叫小米？雷军亲自回答：灵感来于一句诗 [Why is Xiaomi called Xiaomi? Lei Jun personally replied: Inspiration comes from a poem]. *Baidu*, Mar 8, 2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1684403548221088079&wfr=spider&for=pc> (accessed: Mar 8, 2024).

⁷ *Xiaomi's Mission Impossible?* Mar 4, 2024. URL: <https://english.ckg.edu.cn/knowledges/xiaomis-mission-impossible/> (accessed: Mar 4, 2024).

воплощением которого стал солдат Народно-освободительной армии Китая и борец за коммунизм – Лэй Фэн⁸. Память о нём чтут и в настоящее время.

Красный шарф на шее зайца символизирует принадлежность к китайской детско-юношеской организации «Юные пионеры Китая», которая образовалась в 1949 г.⁹. Участие в молодёжных движениях престижно, и оно положительно сказывается на дальнейшем продвижении по карьерной лестнице. Поэтому ношение красного шарфа – символ объединения и дань традициям, которые играют для страны очень важную роль.

Изначально Xiaomi позиционировала себя как компания-разработчик программного обеспечения, создающая новый пользовательский ROM на базе Android от Google¹⁰. Уже в августе 2010 г. она представила свой первый продукт – прошивку MIUI для Android, которая была разработана для таких устройств, как Google Nexus One, Nexus S, HTC Desire, Motorola Droid/Milestone и HTC HD2. Постоянное запоминающее устройство (ПЗУ), созданное командой, имело огромный успех, и тогда было принято решение о выпуске смартфона на собственной прошивке – MIUI.

Свой первый смартфон (The Xiaomi Mi или Xiaomi Phone) компания анонсировала в августе 2011 г. в Китае. Аппарат был выполнен в практичном пластиковом корпусе, обладал хорошими техническими характеристиками (чипсет Snapdragon S3, 1 гб оперативной памяти и т.д.)¹¹. При этом Xiaomi, в отличие от таких производителей смартфонов, как Samsung и Apple, предлагала устройства с хорошими техническими характеристиками по более привлекательной цене (1999 юаней – примерно 276 долл.), в противовес цене смартфона Samsung Galaxy S2, которая начиналась от 549 долл. и зависела от контракта с оператором сотовой связи, через которого можно было приобрести разблокированный смартфон¹², или стартовой цене iPhone 4S, которая начиналась от 199 долл. при контракте с американскими сотовыми операторами или от 649 долл. без контракта¹³. Благодаря политике предоставления высококачественного оборудования с хорошими техническими характеристиками по относительно низким ценам, к 2014 г. компания заняла самую большую долю рынка смартфонов, продаваемых в Китае, и продала более 10 млн Mi 2 (выпущен в 2012 г.).

В связи с растущим спросом руководство Xiaomi в 2014 г. приняло решение о расширении бизнеса за пределы Китая и открыло свою первую международную штаб-квартиру сначала в Сингапуре, потом в Малайзии, затем на Филиппинах и в Индии. В том же году в Индии компания представила свой новый смартфон Mi 3, а в апреле 2015 г. был представлен Mi 4i, ставший первым смартфоном бренда, выпущенным не в Китае. Для

⁸ 雷锋精神 [Lei Feng Spirit]. *Baidu*, Nov 5, 2023. URL: <https://baike.baidu.com/item/雷锋精神/3034473?fr=aladdin> (accessed: Nov 5, 2023).

⁹ 中国少年先锋队章程-中国少年先锋队 [Устав Ассоциации китайских юных пионеров]. URL: https://web.archive.org/web/20181210090810/http://zgsxd.k618.cn/sxdjzbs/201710/t20171027_13923175.html (дата обращения: 05.11. 2023).

¹⁰ A brief history of Xiaomi – China's tech success story. *Gizchina*, Apr 14, 2014. URL: <https://www.gizchina.com/2014/04/18/brief-history-xiaomi-chinas-tech-success-story/> (accessed: Nov 5, 2024).

¹¹ Did you know: Xiaomi's first product wasn't a phone. *Androidauthority*, May 9, 2021. URL: <https://www.androidauthority.com/xiaomi-first-product-not-phone-1222303/> (accessed: May 2, 2024).

¹² How the price of Samsung Galaxy S phones changed over the years. *Androidauthority*, Feb 1, 2023. URL: <https://www.androidauthority.com/samsung-galaxy-s-prices-1192063/> (accessed: May 2, 2024).

¹³ iPhone price history: How Apple's pricing changes (inflation included). *Androidauthority*, May 23, 2024. URL: <https://www.androidauthority.com/iphone-price-history-3221497/> (accessed: May 30, 2024).

продвижения своей продукции компания решила сотрудничать с популярными индийскими актёрами Катриной Кайф и Ритиком Рошаном [Wei, Long 2021: 1050–1063]. Успешная кампания привела к тому, что Xiaomi смогла занять 29,4 % рынка смартфонов в Индии.

Благодаря рыночной политике, при которой цены на продукцию соответствовали уровню доходов индийцев, и относительно слабой конкуренции, компания Xiaomi увидела новые возможности для реализации своей продукции на внешнем рынке.

Первые смартфоны Xiaomi в основном получали положительные отзывы и быстро продавались, однако плохо налаженный канал связи-поддержки с покупателями и отсутствие запасных частей первое время очень негативно сказывались на имидже бренда. Кроме того, ажиотаж, вызванный тактикой «голодного маркетинга», изначально практиковавшейся в Китае, когда компания предоставляла ограниченный запас устройств для покупки потенциальным зарегистрированным покупателям, который распродаётся за короткий срок, способствовал тому, что многие желающие вынуждены были искать другие возможности для приобретения товара, и это также вызывало негативные эмоции в адрес бренда¹⁵.

После успешного выхода на внешний рынок компанией и её продукцией заинтересовались в других странах. Xiaomi сравнивали с Apple, называли “China’s Apple” («китайский Apple») или «*the Apple of the East*» («яблоко Востока») и обвиняли в копировании стиля Apple. Например, на сайте Gizmodo тогдашний директор Apple по дизайну Джони Айв открыто обвинил Xiaomi в «воровстве и лени»¹⁶. Однако, несмотря на схожие черты, Xiaomi ориентировалась всё-таки на массовый рынок, и для компании важно мнение своих покупателей. Для поддержки пользователей MIUI на официальном сайте был открыт специальный форум, куда мог написать любой клиент, чтобы задать вопрос о продукте, поделиться впечатлением или оставить отзыв.

В 2015 г. компания представила свою продукцию и в Бразилии. Правительство этой страны облагает импорт электроники высокими налогами, одновременно предоставляя льготы производителям, которые собирают свои продукты и поставляют компоненты на месте. Это вынуждает компании, подобно Xiaomi желающие выйти на местный рынок, использовать заводы в Бразилии, где рабочая сила и запчасти стоят дороже. Кроме того, Xiaomi старается продавать смартфоны через онлайн-платформы, но и с этим также возникли дополнительные трудности. Из-за блокирования онлайн-продаж, политики субсидирования и других юридических проблем, которые привели к большим убыткам, через год Xiaomi была вынуждена объявить о своём уходе с бразильского рынка [Zhang 2016].

Благодаря расширению зоны бизнеса и партнёрству с ABC Data в сентябре 2016 г. смартфоны Xiaomi стали официально доступны в Европейском союзе. Для продвижения продукции в Европе особое внимание было уделено рекламе. Были разработаны и установлены билборды, сообщающие, что с помощью мобильных телефонов фотография может стать произведением искусства и запечатлеть повседневные моменты, а благодаря стабилизации изображения, предотвращающей «размывание», можно делать фотографии

¹⁵ The Rise And Rise Of China's Xiaomi In India. *Forbes*, Sep 12, 2017. URL: <https://www.forbes.com/sites/baxiabhishek/2017/09/12/the-rise-and-rise-of-chinas-xiaomi-in-india/?sh=58a2ec626789> (accessed: May 2, 2024).

¹⁶ How Xiaomi Went From “Apple Copycat” to \$100 Billion IPO Innovator. *Radii*, Jun 1, 2018. URL: <https://radii.co/article/how-xiaomi-went-from-apple-copycat-to-100-billion-ipo-innovator> (accessed: May 2, 2024).

в любом месте и положении [Wei, Long 2021: 1050–1063]. Смартфоны Xiaomi получили популярность среди молодёжи за счёт сочетания цены и качества.

В 2022 г. компания занимала 3-е место по поставкам смартфонов в Европе. Однако Xiaomi столкнулась с падением на 5 % – с 19 % до 14 % доли рынка. В первом квартале 2023 г. поставки смартфонов в Европу составили 38 млн единиц, что на 23 % меньше, чем в прошлом году.

Однако среди китайских корпораций определённую символику в своём названии использовала не только Xiaomi, но и один из её главных конкурентов – Huawei. За первые три месяца текущего года компания заработала около 19,65 млрд юаней (2,71 млрд долл.). Жэнь Чжэнфэй, обдумывая название для своего предприятия, использовал иероглиф 华 (hua – Хуа) – можно перевести как «великий» или «Китай» и иероглиф 为 (wei – Вэй) – как «достижение» или «сделано». Таким образом, название Huawei (华为 – Хуа Вэй) можно перевести как «великое достижение» или «сделано в Китае». Символ фирмы – лепестки, означающие развитие на разных этапах. Первоначально их было 15, но после 2004 г. лепестков осталось 8, по числу основателей. Все лепестки соединяются в единой точке, которая символизирует общее начало и единство мнений, что было важно для Жэнь Чжэнфэя, когда он создавал свою компанию.

Известная во всём мире компания Alibaba Group также использовала символику в своём названии, однако в отличие от Xiaomi и Huawei название корпорации не отражает символы и традиции Китая. Джек Ма в качестве имени для бренда выбрал известную сказку об Али-бабе и 40 разбойниках и сделал ставку на то, что громкое название, связанное с ней, привлечёт всеобщее внимание. При этом Джек Ма продумал, каким образом можно провести параллель между своей командой, героями сказки и пещерой с золотом²⁰. По его замыслу, Alibaba, как в известной сказке, открывает двери в пещеру с сокровищами для компаний малого и среднего размера. Выручка компании по данным на 31 марта 2024 г. составила 221 874 млн юаней (30 729 млн долл.), увеличившись на 7 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года²¹.

Итак, практически все известные и успешные китайские компании используют ту или иную символику в своих названиях, хотя делают это по-разному. Процесс выбора имени бренда для компании Xiaomi и использование определённых символов – не единичный случай, однако в каждом конкретном случае символика используется и интерпретируется по-разному. В выборе названия для компании Xiaomi символы играли очень важную роль. С их помощью основатель компании хотел подчеркнуть наиболее характерные для культуры Китая ценности: уважение к традициям, связь с исторической памятью, особенности национальной картины мира. Однако не стоит забывать, что, помимо символики названия, успешность бренда зависит от многих факторов.

Кроме того, Лэй Цзюнь вкладывал в развитие компании собственное видение. Ориентируясь на опыт западных корпораций, в частности Apple, для которой название сыграло значимую роль, он стремился не только к выходу своего бренда на международный рынок, но и к выделению среди конкурентов. Лэй Цзюню удалось во многом изменить

²⁰ Jack Ma Talkasia Transcript. CNN, Apr 24, 2006. URL: <https://edition.cnn.com/2006/WORLD/asiapcf/04/24/talkasia.ma.script/index.html> (accessed: Mar 5, 2024).

²¹ Alibaba's Strategic Investments Yield Mixed Results in Q1 2024. URL: <https://www.chinainternetwatch.com/31097/alibaba-quarterly/> (accessed: May 29, 2024).

предвзятое отношение к китайским товарам и показать потенциальным покупателям, что в Китае существует много фирм, которые могут конкурировать с западными компаниями, учитывая характерные тенденции, но при этом сохраняя свою уникальную культуру.

Благодаря удачному выбору названия и логотипа компания смогла выйти на международный рынок и активно продавать свою продукцию по всему миру, а сам бренд Xiaomi стал символом успеха и стабильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александрова А.Д.* Влияние раннесоветской символики России на формирование знаков государственной власти КНР в 1949 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 59–70. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10005
- Белая Е.Г.* Современный похоронно-поминальный обряд китайцев // ИСОМ. 2015. № 7–2. С. 18–22.
- Буров В.Г.* Модернизация и духовные традиции в Китае // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М.: ИД «Форум», 2009. С. 447–459.
- Ван Цзы.* Обновление смыслов культуры питания современной китайской семьи // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2 (94). С. 123–126.
- Власова Е.А.* Лингвосоциокультурный аспект цветообозначений (на примере цветообозначений белый – white, чёрный – black, красный – red) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–1 (59). С. 56–59.
- Дашиева С.З.* Символика цвета в структуре буддийской танки // Вестник БГУ. 2013. № 6. С. 154–156.
- Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 432 с.
- Ломанов А.В.* Традиционное наследие и политика КНР в сфере культуры // XVIII всероссийская конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». Информационные материалы. Серия Г. Выпуск 19. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013. С. 167–177.
- Лян Шумин.* В чём специфика китайской культуры? // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 4. С. 131–141.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография: изд-во АСТ», 2001. 632 с.
- Мао Цзэдун.* Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. М.: Госполитиздат, 1960. 120 с.
- Маслов А.А.* Китай без вранья. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
- Махортова О.В., Мордовина Л.В.* Особенности символики и знаковости Китая // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 137–139.
- Попова А.В.* Господин заяц туэр-е: от ритуала к игрушке // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 55. С. 45–53.
- Пушкарская Н.В.* Пять стихий в современной культуре Китая // Философия и культура. 2021. № 1. С. 10–29. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.1.33489
- Сунь Умэн, Линь Ма.* Сравнительный анализ чёрного цвета в китайской и русской культуре // Молодой учёный. 2020. № 39 (329). С. 174–176.
- Сухомлинова В.В.* Альтернативный коллективизм: глубинные характеристики традиционного китайского общества // Манускрипт. 2018. № 9 (95). С. 93–99.
- Турбина О.А., Лю Фанбин.* Цветоименования «чёрный», «белый» в китайской культуре // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13. № 2. С. 20–23. DOI: 10.14529/ling160204
- Чебунин А.В.* Начальный период проникновения, распространения и китаизации буддизма в Китае // Вестник БГУ. 2019. № 2. С. 20–30.

- Чебунин А.В. Философия и религия китайского буддизма. Улан-Удэ: Изд-во "ФГБОУ ВПО ВСГАКИ", 2011. 73 с.
- Чен Минг-Джер. Китайский бизнес изнутри: практическое пособие по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнёрами / пер. с англ. Н.Г. Печерицы. М.: Эксмо, 2009. 282 с.
- Чэнь Гуансы, Чэнь Фэйфэй. Перевернутая логика «Алибабы» / пер. с кит. Е.М. Ольховской. ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. 287 с.
- Шэнь Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры / пер. с кит. О.Л. Фитуни. М., 2019. 319 с.

REFERENCES

- Aleksandrova A.D. (2020). Vliyaniye rannesovetskoj simboliki Rossii na formirovaniye znakov gosudarstvennoj vlasti KNR v 1949 godu [The influence of early Soviet symbols of Russia on the formation of the state power signs of the PRC in 1949]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 1: 59–70. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10005 (In Russian).
- Belaya E.G. (2015). Sovremennyy pohoronno-pominal'nyy obryad kitaytsev [The modern funeral and memorial rite of the Chinese]. *ISOM*, 7 (2): 18–22. (In Russian).
- Burov V.G. (2009). *Modernizatsiya i dukhovnyye traditsii v Kitaye [Modernization and spiritual traditions in China]*. Moscow: ID «Forum», p. 447–459. (In Russian).
- Chebunin A.V. (2011). *Filosofiya i religiya kitayskogo buddizma [Philosophy and religion of Chinese Buddhism]*. Ulan-Ude: "FGBOU VPO VSGAKI", 73 p. (In Russian).
- Chebunin A.V. (2019). Nachal'nyy period proniknoveniya, rasprostraneniya i kitaizatsii buddizma v Kitaye [The initial period of penetration, spread and Sinitization of Buddhism in China]. *Vestnik BGU*, 2: 20–30. (In Russian).
- Chen Guangxi, Chen Feifei (2020). *Perevernutaya logika «Alibaba» [The inverted logic of Alibaba]*. Moscow: ООО Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «SHans», 287 p. (In Russian).
- Chen Ming-Dzher (2009). *Kitayskiy biznes iznutri: prakticheskoye posobiye po vystraivaniyu delovykh otnosheniy s kitayskimi partnerami [Chinese Business from the Inside: a Practical guide to building business relations with Chinese partners]*. Moscow: Eksmo, 282 p. (In Russian).
- Dashiyeva S.Z. (2013). Simvolika tsveta v strukture buddiyskoy tanki [Symbolism of color in the structure of Buddhist tanka]. *Vestnik BGU*, 6: 154–156. (In Russian).
- Kobzev A.I. (1993). *Ucheniye o simbolakh i chislakh v kitayskoy klassicheskoy filosofii [The doctrine of symbols and numbers in Chinese classical philosophy]*. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 432 p. (In Russian).
- Liang Shuming (2004). V chem spetsifika kitayskoy kul'tury? [What is the specificity of Chinese culture?]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*, 4: 131–141. (In Russian).
- Lomanov A.V. (2013). *Traditsionnoye naslediyе i politika KNR v sfere kul'tury [Traditional heritage and policy of the PRC in the field of culture]*. Moscow: IFES RAS, p. 167–177. (In Russian).
- Makhortova O.V., Mordovina L.V. (2011). Osobennosti simboliki i znakovosti Kitaya [Features of the Chinese symbols and signs]. *Analitika kul'turologii [Analysis of cultural studies]*, 19: 137–139. (In Russian).
- Malyavin V.V. (2001). *Kitayskaya tsivilizatsiya [Chinese civilization]*. Moscow: IPC «Dizayn. Informatsiya. Kartografiya: izd-vo AST», 632 p. (In Russian).
- Mao Zedong (1960). *Kitayskaya revolyutsiya i Kommunisticheskaya partiya Kitaya [The Chinese revolution and the Communist party of the PRC]*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 120 p. (In Russian).
- Maslov A.A. (2018). *Kitay bez vran'ya [China without lies]*. Moscow: RIPOL klassik Publ., 288 p. (In Russian).

- Popova A.V. (2021). *Gospodin zayats tuer-e: ot rituala k igrushke* [Mr. hare tuer-e: from ritual to toy]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 55: 45–53. (In Russian).
- Pushkarskaya N.V. (2021). *Pyat' stikhiy v sovremennoy kul'ture Kitaya* [Five elements in the modern culture of China]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 1: 10–29. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.1.33489 (In Russian).
- Shen Zhenhui (2019). *Ocherk kitayskoy kul'tury* [Essay on Chinese culture]. Moscow: OOO Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans» Publ., 319 p. (In Russian).
- Sukhomlinova V.V. (2018). *Al'ternativnyy kollektivizm: glubinnyye kharakteristiki traditsionnogo kitayskogo obshchestva* [Alternative collectivism: deep characteristics of traditional Chinese society]. *Manuskript*, 9 (95): 93–99. (In Russian).
- Sun Wumeng, Lin Ma (2020). *Sravnitel'nyy analiz chornogo tsveta v kitayskoy i russkoy kul'ture* [Comparative analysis of the black color in Chinese and Russian culture]. *Molodoy uchenyy* [A young scientist], 39 (3291): 174–176. URL: <https://moluch.ru/archive/329/73752/> (accessed: Feb 08, 2024). (In Russian).
- Turbina O.A., Lv Fangbing (2016). *Tsvetoimenovaniya «chernyy», «belyy» v kitayskoy kul'ture* [The color names "black", "white" in Chinese culture]. *Vestnik YuUrGU*, 13 (2): 20–23. DOI: 10.14529/ling160204 (In Russian).
- Vlasova E.A. (2016). *Lingvosotsiokul'turnyy aspekt tsvetooboznacheniy (na primere tsvetooboznacheniy belyy – white, chernyy – black, krasnyy – red)* [Linguosociocultural aspect of color designations (on the example of color designations white, black, red)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 5–1 (59): 56–59. (In Russian).
- Wang Zi (2022). *Obnovleniye smyslov kul'tury pitaniya sovremennoy kitayskoy sem'i* [Updating the meanings of the food culture of the modern Chinese family]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2: 123–126. (In Russian).
- * * *
- Xinxin Zuo, Houyuan Lu, Leping Jiang, Jianping Zhang, Xiaoyan Yang, Xiuji Huan, Keyang He, Can Wang and Naiqin Wu (2017). *Dating rice remains through phytolith carbon-14 study reveals domestication at the beginning of the Holocene*. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 114 (25): 6486–6491. URL: <https://www.jstor.org/stable/26484915?refreqid=excelsior%3A2441c5c3200d7db51259eeb22319eadb&seq=1> (accessed: Mar 8, 2024).
- Wei R., Long Q. (2021). *Research on Xiaomi's Internationalized Business Model*. *Open Journal of Business and Management*, 9: 1050–1063. DOI: 10.4236/ojbm.2021.93056
- Zhang M.H. (2016). *Research on Xiaomi's International Market Selection*. Beijing: Beijing Institute of Technology.

Поступила в редакцию:	21.03.2024	Received:	March 21, 2024
Принята к публикации:	14.07.2024	Accepted:	July 14, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-127-135

Культурные связи СССР и Китая в 1949–1960 гг. Сборник архивных документов

Завидовская Екатерина Александровна¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. В рецензии представлен анализ сборника архивных документов, освещающих культурные связи между СССР и КНР с 1949 по 1960 г. Опубликованные материалы хранятся в семи российских и двух китайских архивах, вводят в научный оборот в основном новые документы, что само по себе подтверждает ценность данного издания, ставшего результатом усилий российских и китайских экспертов. Книга посвящена истории формирования отношений между СССР и Китаем в 1950-е гг. средствами культурной дипломатии. Документы показывают, как организовывались и каковы были результаты обмена советских и китайских делегаций литераторов, художников, музыкантов, спортсменов, артистов и учёных. Издание рассчитано на исследователей, студентов и преподавателей высших учебных заведений, а также всех интересующихся отечественной историей, историей международных отношений, востоковедением, китаистикой. Рецензия обосновывает тезис о том, что вводимые в научный оборот новые данные и документы расширят базу источников для более углублённого исследования роли культурной дипломатии в российско-китайских отношениях, а также истории культуры КНР раннего периода.

Ключевые слова: СССР, КНР, советско-китайские культурные связи, культурная дипломатия, архивные документы.

Автор: Завидовская Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32). ORCID: 0000-0002-8369-7776. E-mail: katushaza@yahoo.com

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0011 «Мировоззренческая и культурная традиция Китая. Философия Китая: от истоков к современности. Литература, языки и языковая политика, письменное наследие Китая»).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Завидовская Е.А. Культурные связи СССР и Китая в 1949–1960 гг. Сборник архивных документов // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 3. С. 127–135. DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-127-135

Cultural Ties of the USSR and China in 1949–1960. The Collection of the Archival Documents

Zavidovskaya Ekaterina A.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The review introduces the collection of the archival documents covering cultural ties between the USSR and PRC from 1949 to 1960. The published materials are stored in seven Russian and two Chinese archives. The major part of the documents is published for the first time, which confirms the particular value of this publication as a result of the joint effort of the Russian and Chinese experts. The book addresses the history of the formation of relations between the USSR and China in the 1950s by means of cultural diplomacy. The archival materials display the mechanisms and results of the exchanges of Soviet and Chinese delegations of writers, artists, musicians, athletes, actors and scientists. The publication is aimed at researchers, students, academics and all those interested in Russian history, history of international relations, Oriental studies and Sinology. The review argues that the materials introduced in the volume provide new sources for the in-depth study of cultural diplomacy as a part of Russian-Chinese relations, as well as the cultural history of the PRC in the early period.

Keywords: USSR, PRC, Soviet-Chinese cultural ties, cultural diplomacy, archival documents.

Author: Zavidovskaya Ekaterina A., PhD (Philology), Leading Researcher of the Center of Chinese Culture Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8369-7776. E-mail: katushaza@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0011 “The ideological and cultural tradition of China. Philosophy of China: from the origins to the present. Literature, languages and language policy, the written heritage of China”).

For citation: Zavidovskaya E.A. (2024). Kul'turnyye svyazi SSSR i Kitaya v 1949–1960 gg. Sbornik arkhivnykh dokumentov [Cultural Ties of the USSR and China in 1949–1960. The Collection of the Archival Documents]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 3: 127–135. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-3-127-135

Советско-китайские культурные связи. 1949–1960 гг.

Сборник документов / Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; председатели редакционного совета А.Н. Артизов, Лу Гоцянь; составители: В.А. Антипина, З.К. Водопьянова; научный редактор перевода с китайского языка А.Л. Верченко. Москва: Кучково поле Музеон, 2022. 848 с.; 32 с. ил. ISBN: 978-5-907589-09-4

Cultural Ties of the USSR and China. 1949–1960. The Collection of Documents / Federal Archive Agency, Russian State Archive

of Literature and Arts. Heads of the editorial committee: A.N. Artizov, Lu Guoqiang. Compilers: V.A. Antipina, Z.K. Vodopianova; scientific editor of Chinese documents: A.L. Verchenko. Moscow: Kuchkovo Pole Muzeon, 2022. 848 p; with 32 ill. ISBN: 978-5-907589-09-4

Вышедшее в 2022 г. издание «Советско-китайские культурные связи. 1949–1960. Сборник документов» продолжает практику публикации документов, предоставленных совместно архивами Российской Федерации и Китайской Народной Республики, и является на сегодняшний день самым крупным двусторонним проектом. Сборник внёс много нового в освещение темы культурного сотрудничества наших стран. Издание стало важным событием в области исследования отношений между СССР и КНР в силу того, что в нём впервые представлены архивные материалы, посвящённые именно теме культурной дипломатии двух государств с 1949 по 1960 г. Впечатляет перечень архивов, участвовавших в подготовке сборника: с российской стороны – Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД), Архив Российской Академии наук (АРАН) и Архив внешней политики РФ (АВПР); с китайской стороны – Центральный архив КНР и Архив МИД КНР. Редакционные коллегии возглавили руководители Архивных управлений, в их состав вошли директора архивов России и Китая. Важно подчеркнуть, что это первый масштабный проект, ставший результатом работы Российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области архивов межправительственной Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Иными словами, перед читателем предстаёт конкретная реализация заключённых на самом высоком уровне соглашений о сотрудничестве между Россией и КНР. Особо надо отметить колоссальный труд сотрудников Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), возглавлявших работу по подготовке сборника.

В силу того, что на современном этапе российско-китайские отношения определяются как отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, обращённые в новую эпоху, весомо возросло значение гуманитарных связей в межгосударственном общении двух стран. Это диктует потребность углублённого научного осмысления исторического опыта взаимных контактов для формирования наиболее рациональной платформы взаимодействия на будущие годы. Изучение прошлого ради построения будущего – именно такой целью была продиктована работа над этим обширным совместным проектом.

Общеизвестно, что образование Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. внесло коренные изменения в характер отношений между СССР и Китаем. Советский Союз первым признал новое государство и установил с ним дипломатические отношения. Первыми поехали в Китай не только столь нужные новому государству технические кадры, но и советские работники культуры и искусства, что было связано с огромным интересом к Советскому Союзу и его опыту социалистического строительства, которое как раз разворачивалось в Китае.

Сотрудничество СССР и КНР в области культуры определялось Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанным в Москве 14 февраля 1950 г. В соответствии со статьёй 5 Договора стороны обязались в духе дружбы и сотрудничества, в соответствии с принципами равноправия и взаимных интересов развивать и укреплять экономические и культурные связи. Помещённые в сборнике документы являются ярким

свидетельством неуклонного выполнения в 1950-е гг. взятых на себя сторонами Договора обязательств.

Документы раскрывают механизм принятия решений при определении государственной политики обеих стран в области культурного взаимодействия, выявляют определяющую роль партийного руководства. Без утверждения на уровне Политбюро или Центральных комитетов ВКП(б)/КПСС и КПК не принималось ни одно значимое решение по вопросам культуры.

Другое важное Соглашение о культурном сотрудничестве страны заключили позже – 5 июля 1956 г. Оно закрепило уже сложившиеся традиции взаимодействия в области науки, образования, литературы, искусства, здравоохранения, физической культуры и спорта, печати, издательского, библиотечного, музейного дела, радиовещания, телевидения. На его основе затем подписывались документы о контактах по отдельным направлениям: о сотрудничестве между академиями наук, вузами, об обучении китайских студентов в СССР, о проведении выставок, о сотрудничестве в радиовещании и др. Тексты Договора и Соглашения на русском и китайском языках приведены в начале сборника [Советско-китайские культурные связи 2022].

Благодаря развитию связей с Советским Союзом широкие слои китайского народа стали приобщаться к сокровищнице мировой культуры. В структуре двусторонних советско-китайских отношений в 1950-е гг. культурные связи составляли важный участок межгосударственного взаимодействия, который отличался разнообразием форм и содержания, объёма и сфер сотрудничества, что прослеживается по документам сборника. Взаимодействие двух стран в этот период дало уникальный пример широкого и глубокого сотрудничества, которого мир никогда не знал раньше.

Из приведённых в сборнике документов следует, что важную роль во взаимных контактах играл кадровый вопрос. В Советском Союзе специалистов для командирования в КНР тщательно подбирали в разных городах и союзных республиках, искали лучших в своём деле и наиболее подходящих по профилю предстоящей работы. В 1949–1960 гг. СССР направил в КНР около 2 тысяч специалистов в области науки и культуры, пятая часть которых являлась докторами и кандидатами наук.

Советско-китайское культурное взаимодействие, хотя и подчинялось планированию, в отличие от экономического сотрудничества трудно делится по периодам. Почти десятилетний период условно можно разделить на два: 1949–1956 гг. и 1956–1960 гг. За десять лет после образования КНР страна совершила стремительный рывок на пути культурного строительства во многом благодаря помощи СССР.

С самого начала гуманитарного сотрудничества приоритетным направлением было образование, начиная со средней школы. До половины всех курсов в высшей школе преподавали по советским программам и учебникам, было введено более двух тысяч новых дисциплин. Одновременно, при содействии советских специалистов, был открыт ряд отраслевых вузов: Пекинский авиационный институт, Чанчуньский автотракторный институт; образованы новые факультеты, которые готовили специалистов для создававшихся с помощью СССР отраслей: авиастроения, автомобиле- и тракторостроения, машиностроения, радиоэлектроники. По академической линии в Китае работало 786 человек, в том числе известные советские учёные, которые помогли создать в Китае более 40 научных центров. Большой востребованностью пользовались получаемые из Советского Союза выставки

живописи, фотографий, плакатов, карикатур, которые размещали даже в витринах магазинов. Огромный интерес вызывали советские кинофильмы. За 10 лет в Китае было дублировано 600 лент. За этот же период в страну было командировано почти 100 советских работников мирового уровня, которые передавали свои навыки в области кинематографии, театрального искусства, хореографии, музыки, живописи. Многие тогда появилось в Китае впервые – будь то балет или опера. В 1950-е гг. установились отношения продуктивного сотрудничества между музеями и архивами, что значительно обогатило коллекции обеих стран. В документах сборника можно найти множество примеров, подтверждающих огромную роль СССР в становлении культуры и науки КНР в первое десятилетие её существования.

Рецензируемый сборник документов приоткрывает ещё больше фактов, свидетельствующих о масштабах обменов по освоению советского опыта. Раздел «От составителей» ценен перечислением названий, номеров архивных фондов и дел, а также типов документов с указанием выпустивших их организаций. Суммарно только с российской стороны было просмотрено более двухсот фондов и первоначально выявлено около 3 тысяч документов. Со стороны китайских архивов было выявлено более 500 документов, в том числе – на русском языке.

Хронологически представленные в сборнике материалы охватывают не только период становления Китайской Народной Республики, в том числе – её политики в культурной области, но и этап переоценки новым руководством СССР, а также китайскими властями собственного опыта во второй половине 1950-х гг. Происходившие изменения не могли не отразиться на такой чувствительной к идеологии сфере, как культура. Но в то же время взаимодействие двух государств в этой области стало важным каналом поддержания и укрепления ранее достигнутого единства, выработки новых форм его развития. Обилие выявленного материала заставило составителей ограничиться представлением деятельности только государственных органов и общественных организаций.

Всего в сборник включено 248 документов из российских и китайских архивов. Он выстроен по тематически-хронологическому принципу, при этом внутри разделов документы расположены в хронологическом порядке. Все 10 разделов представляют как общие вопросы развития культурного обмена между СССР и КНР, деятельность в этой сфере высших партийных и государственных органов, молодёжных и общественных организаций, так и работу по всем направлениям гуманитарного сотрудничества (в сфере образования, науки, средств массовой информации, литературы, различных видов искусств, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, физкультуры и спорта). Не все разделы представлены полномерно, что отражает существовавшее положение дел.

Представляется важным отметить, что публикация советских и китайских документов в одном сборнике позволяет увидеть относительно полную картину двустороннего взаимодействия, ход принятия решений в обеих странах и канцелярские формальности. Отдельные не сохранившиеся в российских архивах документы представлены в переводе с китайского языка и детально дополняют процесс взаимодействия.

Включение в сборник полных текстов отчётов наполняет историю культурного сотрудничества живыми деталями, персоналиями и названиями. В Китае было опубликовано более 3500 произведений русской и советской литературы общим тиражом более 80 млн экземпляров. Советское кино, музыкальное и хореографическое искусство глубоко проникло во все уголки Китая, оказало сильное влияние на духовное становление нескольких

поколений китайцев, на их восприятие общечеловеческих ценностей. Никто за пределами СССР не знал так хорошо русскую литературу и искусство, как китайские зрители и читатели. Публикуемые в данном сборнике документы и материалы позволяют выявить многие эпизоды несбалансированности культурных связей.

Рассмотрим подробнее содержание вступительных разделов сборника, наглядно демонстрирующих процесс культурного советско-китайского взаимодействия.

Первый раздел «Сотрудничество СССР и КНР в области культуры. Общие вопросы» представляет «Стенограмму встречи руководства ОКСД с председателем Советского комитета защиты мира, писателем Н.С. Тихоновым по вопросам китайско-советского обмена в сферах культуры и образования» от декабря 1952 г. Документ свидетельствует о том, что всего за три года с момента начала сотрудничества СССР и Китай смогли наладить продуктивный обмен делегациями в культурной и образовательной сферах и были намерены его всемерно расширять. Из Советского Союза в Китай были направлены преподаватели ВУЗов, научные работники, которые уже приступили к передаче опыта. В СССР планировалось отправить труппу театра пекинской оперы, выставки произведений из Дуньхуана и других предметов живописи, коллективы народных песен и танца, артистов цирка, а также работников для изучения опыта Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (созданное в 1949 г. Общество китайско-советской дружбы делало только первые шаги). Китайская сторона готовилась провести масштабные выставки, посвящённые строительству социализма в Советском Союзе. Невзирая на большой интерес к самым разным аспектам советской культуры, науки и техники, китайские представители отмечали сложность с пониманием русского языка, которым практически никто в стране не владел. В этой связи ещё одним направлением сотрудничества стала программа по широкому распространению русского языка, в основном в северных провинциях Китая. Последующие документы показывают, как быстро на самом высоком уровне китайская сторона решила вопрос преподавания русского языка и переводов русскоязычной литературы на китайский язык. Большую роль в распространении культуры играли месячники дружбы, начало которым положил «Месячник китайско-советской дружбы», проведённый в Китае в ноябре 1952 г.

Следующий документ в разделе – «Статья заместителя председателя ОКСД У Юйчжана «Празднование четвёртой годовщины подписания советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» от 1950 г. – переведён с китайского языка и подробно излагает всю важность и значение помощи СССР для построения социализма в Китае. Указано, в частности, что «добрые и справедливые люди всех народов мира отдают предпочтение Советскому Союзу, Азия возложила свои надежды на Советский Союз. Это одна из важнейших особенностей современной истории» [Советско-китайские...].

Ещё один документ – «Постановление Секретариата ЦК КПСС «О мероприятиях по культурному сотрудничеству между СССР и КНР в 1956 году» – перечисляет делегации, которыми решено обменяться в данном году. Другой документ – «Записка Министерства культуры СССР в ЦК КПСС о результатах поездки советской делегации в КНР для выработки и подписания плана культурного сотрудничества между СССР и КНР на 1957 г.» – позволяет проследить динамику реализации запланированного и развитие других направлений культурного обмена.

Китайское руководство положительно отнеслось к передаче Советским Союзом энциклопедии Юнлэ, реликвий периода Ихэтуаньского восстания, а также архивных документов, касающихся отношений между Коминтерном, ВКП(б) и КПК. От китайской стороны к концу 1950-х гг. советские музеи получили в дар 550 художественных изделий из фарфора, нефрита, эмали, лаки и вышивки времён династии Цин (XVII–XIX вв.). Документы сборника отображают многообразие форматов двустороннего сотрудничества, которое постоянно обогащалось и расширялось, и это шло на пользу обеим странам. В качестве основного направления сотрудничества на 1957 г. был намечен обмен гастролями крупных художественных коллективов, сотрудничество работников кинематографии, регулярный обмен планами издательств, списками книг, рекомендованных для издания, установление связи издательств союзных республик СССР с издательствами нацменьшинств КНР. Запланировано больше обменов в областях высшего образования, просвещения и здравоохранения, чем было в предыдущем году. Представлены точные показатели количества кинотеатров и снятых в Китае лент, а также планы в этой сфере на 12 лет. Интересна часть документа, касающаяся оценки профессорами И.М. Ошаниным и Г.П. Сердюченко состояния китаеведческих кадров в СССР. Они полагали, что подготовка не должна ограничиваться обучением только в советских вузах и должна продолжаться в виде двух-трёхгодичной стажировки в Китае. Внимания заслуживают критические замечания Ошанина и Сердюченко об изучении в научных учреждениях Советского Союза вопросов, связанных с Китаем. Отмечается отставание по количеству китайских переводов, опубликованных в СССР, от русских переводов в Китае. В третьей части этого содержательного документа подчёркивается необходимость реформирования деятельности ВОКС, которое «утрачивает свой авторитет и превращается в чисто парадную представительскую организацию, не имеющую глубоких связей с широкими слоями китайской интеллигенции». В сборник не вошли документы о реорганизации ВОКС и образовании в 1957 г. Общества советско-китайской дружбы, которое вместе со своим китайским партнёром в течение десятилетия активного советско-китайского взаимодействия было организатором обменов не только по общественной, но и по профессиональной линии (театр, кино, прикладное искусство и др.).

Для исследователей культурных процессов в КНР в 1950-е гг. интересны будут приведённые в документе мнения китайских учёных о новом движении «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все учёные».

Справка Правления Общества советско-китайской дружбы в данном разделе содержит отчёт о работе, проделанной в 1957 г., и планах работы на 1958 г., свидетельствующий о намерениях обеих сторон продолжать сотрудничество. Сообщается, что «в 1957 году СССР и КНР обменялись многочисленными культурными, научными, педагогическими и другими делегациями. Только по линии Министерств культуры СССР и КНР в СССР побывало около 300 деятелей китайской культуры и в КНР – около 200 деятелей советской культуры».

Сборник отображает празднование в Советском Союзе первой юбилейной даты Нового Китая – 10-летия КНР. Был снят полнометражный художественный фильм «В едином строю» о дружбе советских и китайских специалистов на строительстве дамбы; прошёл цикл лекций о Китае по радио, были организованы выставки, состоялись фестивали китайских фильмов. По всей стране прошли юбилейные собрания и вечера дружбы, концерты, лекции

и беседы о Китае. Все мероприятия были согласованы и связаны с китайскими планами. По документам прослеживается стремление обеих сторон работать вместе и дальше.

Записи бесед между представителями двух государств интересны тем, что отображают живые диалоги, в частности «Запись беседы заместителя премьера Госсовета КНР Лу Динъи с Послом СССР в КНР С.В. Червоненко» от февраля 1960 г. [Советско-китайские...]. Здесь мы видим не только обсуждение планов сотрудничества, а дискуссию о путях строительства социализма и Коммунистической партии Китая. Затем беседа переходит к вопросу о принятии в советские вузы китайских студентов и к вопросам педагогики. Продолжительная беседа была зафиксирована на китайском языке, в рецензируемом сборнике представлен перевод на русский.

Второй раздел сборника состоит из двух частей, в первой части («Высшие органы партийного и государственного управления») отражена деятельность китайских партийных органов в организации сотрудничества. Из-за значительного препятствия в виде языкового барьера на высшем уровне уделялось внимание распространению русского языка в Китае, а также более активному переводу различной литературы. Этого вопроса касалось Постановление ЦК КПК «Об учреждении организации по переводу иностранной литературы, подготовке, проверке и распределении её сотрудников» от 1950 г. В частности, было решено учредить «Бюро переводов с русского языка», которое будет отвечать за устные и письменные переводы, а также за подготовку, проверку и распределение русскоязычных кадров. Там должны были работать китайские партийные работники со знанием языков. Также этот секретный документ сообщает много интересных сведений об организациях, которым КПК поручила наладить преподавание русского языка и подготовку переводчиков. В сборник включены и другие переведённые с китайского языка документы об организации преподавания русского языка в школах, о подготовке русскоязычных специалистов. В этой же части приведена записка Чжоу Эньлая на имя Дэн Сяопина «об увеличении численности советских специалистов, приглашённых Комитетом по культуре КНР» (август 1951 г.). Также органами Компартии Китая готовились отчёты о пребывании советских делегаций работников культуры, турне Краснознамённого ансамбля песни и пляски и проч.

* * *

Вошедшие в сборник документы приоткрывают много подробностей и фактов о культурных мероприятиях, организованных в СССР и Китае, что очень ценно для исследователей литературы, театра, кино, изобразительного искусства, науки КНР.

В завершение отметим ещё одну важную составляющую сборника – подробный и точный справочный аппарат (731 примечание) и аннотированный именной указатель. Сборник «Советско-китайские культурные связи» станет важным подспорьем для исследователей советско-китайских отношений, методов и подходов к культурной дипломатии, предоставляя ценные материалы и опыт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Советско-китайские культурные связи. 1949–1960 гг. Сборник документов / Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; председатели редакционного совета А.Н. Артизов, Лу Гоцянь; составители: В.А. Антипина, З.К. Водопьянова; научный редактор перевода с китайского языка А.Л. Верченко. Москва: Кучково поле Музеон, 2022. 848 с.

REFERENCES

Sovetsko-kitayskiye kul'turnyye svyazi. 1949–1960 gg. Sbornik dokumentov [Cultural Ties of the USSR and China. 1949–1960. The Collection of Documents] (2022). Federal Archive Agency, Russian State Archive of Literature and Arts. Heads of the editorial committee: A.N. Artizov, Lu Guoqiang. Compilers: V.A. Antipina, Z.K. Vodopianova; scientific editor of Chinese documents: A.L. Verchenko. Moscow: Kuchkovo Pole Muzeon. 848 p. (In Russian).

Поступила в редакцию: 11.07.2024

Принята к публикации: 15.07.2024

Received: Jul 11, 2024

Accepted: Jul 15, 2024

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 3, 2024

Редактор	Цветкова А.А.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казаков О.И.

Дата публикации: 20.09.2024

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
Институт Китая и современной Азии РАН
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13
Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 3, 2024

Editor:	Tsvetkova A.A.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.

Date of issue: Sep 20, 2024

Contacts:

- *Address:* Institute of China and Contemporary Asia of the Russian
Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13
Center for Scientific Monitoring and Development

www.eastasiajournal.ru

